
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
журнала «Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия „Политология“»

Почта Ю.М. — доктор философских наук, профессор кафедры сравнительной политологии РУДН — *главный редактор серии*

Грачев М.Н. — доктор политических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии РГГУ — *заместитель главного редактора*

Иванов В.Г. — кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии РУДН — *ответственный секретарь редколлегии*

Мчедлова М.М. — доктор политических наук, профессор и заведующий кафедрой сравнительной политологии РУДН — *член редколлегии*

Платонов В.М. — кандидат юридических наук, профессор и заведующий кафедрой политического анализа и управления РУДН — *член редколлегии*

Гребенников В.В. — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права юридического факультета РУДН — *член редколлегии*

Карадже Т.В. — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой политологии и социологии МПГУ — *член редколлегии*

Батанина И.А. — доктор политических наук, профессор, декан гуманитарного факультета и заведующая кафедрой социологии и политологии Тульского государственного университета, ТГУ — *член редколлегии*

Коваленко В.И. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой российской политики факультета политологии МГУ — *член редколлегии*

Абсаттаров Р.Б. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и социально-философских дисциплин КазНПУ им Абая (Казахстан) — *член редколлегии*

Дуткевич Петр — доктор политических наук, директор Института европейских, российских и евразийских исследований при Карлтоновском университете (Канада) — *член редколлегии*

Францке Йохан — доктор политических наук, заместитель декана факультета экономических и социальных наук Потсдамского университета (Германия) — *член редколлегии*

Карлос Пачеко Амарал — доктор политических наук, профессор Университета Азорских островов (Португалия) — *член редколлегии*

Николя Када — доктор политических наук, профессор Университета Пьера Мендеса Франса, г. Гренобль (Франция) — *член редколлегии*

EDITORIAL BOARD
of the Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia
Series Political Science

Pochta Yu.M. — PhD, full professor of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia — *chief editor of the series*

Grachev M.N. — PhD, full professor of the Department of Theoretical and Applied Political Science, Russian State University for the Humanities — *deputy editor of the series*

Ivanov V.G. — PhD, associate professor of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia — *executive secretary of the series*

Mchedlova M.M. — PhD, full professor and head of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia — *associate editor of the series*

Platonov V.M. — PhD, full professor and head of the Department of Political Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia — *associate editor of the series*

Grebennikov V.V. — PhD, full professor and head of the Department of Constitutional and Municipal Law, Peoples' Friendship University of Russia — *associate editor of the series*

Karadje T.V. — PhD, full professor and head of the Department of Political Science and Sociology, Moscow State Pedagogical University — *associate editor of the series*

Batanina I.A. — PhD, full professor, head of the Department of Sociology and Political Science and dean of the Faculty of Humanities, Tula State University — *associate editor of the series*

Kovalenko V.I. — PhD, full professor and head of the Department of Russian Politics, Moscow State University — *associate editor of the series*

Absattarov R.B. — PhD, full professor and head of the Department of Political Science and Socio-Philosophical Disciplines, Kazakh University named after Abai (Kazakhstan) — *associate editor of the series*

Dutkiewicz P. — PhD, full professor, director of the Institute of European, Russian and Eurasian studies, Carleton University (Canada) — *associate editor of the series*

Franzke J. — PhD, full professor and vice dean of the Faculty of Economic and Social Sciences, Potsdam University (Germany) — *associate editor of the series*

Pacheko Amaral C. — PhD, full professor of the University of the Azores (Portugal) — *associate editor of the series*

Kada N. — PhD, full professor of the University of Pierre Mendes France (France) — *associate editor of the series*

ВЕСТНИК

Российского университета дружбы народов

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1993 г.

Серия
ПОЛИТОЛОГИЯ

2016, № 3

Серия издается с 1999 г.

Российский университет дружбы народов

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

- Жильцов С.С.** Политика стран Центральной Азии: водно-энергетический аспект 7
- Шапкин М.Н.** Военно-политическое взаимодействие России и Казахстана как фактор укрепления двустороннего сотрудничества 19
- Аникова В.А., Хусейн М.К.** Проблемы интеграции Северного и Южного Йемена в контексте региональных политических процессов 29
- Ильина Ю.И.** Религиозно-политическое влияние Ирана в странах Персидского залива (на примере Бахрейна, Саудовской Аравии и Кувейта) 36
- Уранян А.А.** Роль России в международном сотрудничестве по борьбе с терроризмом 43
- Цю Сяофэнь** «Экономический пояс нового Шелкового пути» в контексте отношений КНР и РФ 52

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СТРАНАХ ЕС

- Канунников А.А.** Европейское гражданское общество или гражданское общество стран Европы? 61
- Данилина М.В.** Конфликт интересов Совета Европы, ЕС и РФ в сфере защиты прав человека и продвижения демократии 71
- Воделэн Х.** Транспортная политика Франции в контексте экологических проблем 87

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Рочта Ю.М. Development of the Russian Model of Federalism: Relationships of Center and Regions in 2007—2016	97
Журавлев Д.В. Проблема актуализации ценностных ориентиров в гибридных демократиях: российский пример	116
Носкова М.В. Роль экспертных рейтингов в политической жизни современной России	125

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Минаев А.В. Десуверенизация и утрата государством политической субъектности	135
Гуринович Д.Ф. Концепт понятия «трансрегиональный политический институт»	145

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА: ИСТОРИЧЕСКИЕ УРОКИ ПРОШЛОГО И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Память о войне и войны памяти: исторические уроки прошлого и политические вызовы современности. Материалы «Круглого стола» сотрудников, аспирантов и студентов Российского университета дружбы народов	154
---	-----

НАШИ АВТОРЫ	181
--------------------------	-----

BULLETIN

SCIENTIFIC JOURNAL

of Peoples' Friendship University of Russia

Founded in 1993

Series

POLITICAL SCIENCE

2016, N 3

Series founded in 1999

Peoples' Friendship University of Russia

CONTENTS

POLITICAL PROCESSES

IN CONTEMPORARY WORLD

Zhiltsov S.S. Politics of Central Asia: Water and Energy Aspect	7
Shapkin M.N. Military and Political Integration of Russia and Kazakhstan as a Factor of Strengthening Bilateral Cooperation	19
Annikova V.A., Hussein M.K. Problems of Integration of North and South Yemen in the Context of Regional Political Processes	29
Ilyina Yu.I. Iranian Religious and Political Influence in Persian Gulf Countries (Bahrain, Saudi Arabia and Kuwait)	36
Uraniyan A.A. The Role of Russia in the International Anti-terrorism Cooperation	43
Xiaofen Qiu "Silk Road Economic Belt" in the Context of Relations Between China and Russia	52

POLITICAL PROCESSES

IN THE EU COUNTRIES

Kanunnikov A.A. European Civil Society or Civil Society of the European Countries?	61
Danilina M.V. Conflict of Interests of the Council of Europe, EU and Russia in the Sphere of Protection of Human Rights and Promotion of Democracy	71
Vaudelin C. Transport Policy of France in the Context of Ecological Problems	87

**POLITICAL PROCESS
IN CONTEMPORARY RUSSIA**

Почта Ю.М. Развитие российской модели федерализма: отношения центра и регионов в 2007—2016 гг.	97
Zhuravlev D.V. Problems of Values Orientations Actualization in Hybrid Democracies: Russian Case	116
Noskova M.V. The Role of the Expert’s Ratings in Political Activity in Modern Russia	125

**ACTUAL PROBLEMS
OF POLITICAL SCIENCE**

Minaev A.V. Desovereignization and the Loss of Political Subjectivity by the State	135
Gurinovich D.F. The Concept “Trans-Regional Political Institution”	145

**THE GREAT PATRIOTIC WAR:
HISTORICAL LESSONS OF THE PAST
AND POLITICAL CHALLENGES OF THE PRESENT**

Memory of the War and War on Memory: Historical Lessons of the Past and Political Challenges of the Present. The Papers of the “Round Table” of the Lecturers and Students of the Peoples’ Friendship University of Russia	154
---	-----

ON OUR AUTHORS	181
-----------------------------	-----

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

ПОЛИТИКА СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ВОДНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

С.С. Жильцов

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В статье анализируется ситуация в сфере водных ресурсов трансграничных рек, сложившаяся в Центральной Азии после распада СССР, когда был разрушен действующий ранее механизм взаимного учета интересов всех среднеазиатских республик. Особое внимание уделено исследованию факторов, оказывающих влияние на формирование и реализацию политики стран Центральной Азии в области использования водных ресурсов. Сопоставлена международно-правовая база, регулирующая конфликтные ситуации в сфере водных ресурсов трансграничных рек с правовыми документами центрально-азиатских государств. Проанализированы причины неудач создания многостороннего механизма по разрешению спорных ситуаций, возникающих между центрально-азиатскими странами при использовании водных ресурсов трансграничных рек.

Ключевые слова: водные ресурсы, вододеление, трансграничные реки, Центральная Азия, гидроэнергетика

После распада СССР одной из ключевых проблем для стран Центральной Азии, к которой относятся Казахстан, Киргизия, Туркменистан, Таджикистан и Узбекистан, стала проблема вододеления [7. С. 49—62]. Прежде всего это касалось распределения водных ресурсов трансграничных рек между странами региона.

Формирование поверхностного водостока крупными трансграничными реками имеет комплексный характер, объединяя в себе экономические, водно-энергетические, экологические и политические проблемы. Основной причиной обострения отношений между странами верхнего течения (Таджикистан, Киргизия) и нижнего течения (Казахстан, Туркменистан, Узбекистан) трансграничных рек выступает режим водостока.

Особенностью Центральной Азии является крайняя неравномерность в распределении водных ресурсов. Регион расположен в зоне, подверженной периодическим засухам, последствия которых сказываются в первую очередь на производстве сельскохозяйственных культур, выращивание которых основано на орошении.

Большая часть используемой в регионе воды берется из двух главных рек — Сырдарья и Амударья, которые формируются в горах Памира и Тянь-Шаня. Сырдарья течет из Киргизии через Таджикистан в Узбекистан (в том числе через густонаселенную Ферганскую долину) и Казахстан, Амударья — из Таджикистана в Узбекистан и Туркменистан. Водные ресурсы Сырдарьи, среднемноголетней сток которой равен 37 км^3 , распределяются следующим образом: 74% приходится на Киргизию, 14% на Узбекистан, 9% на Казахстан и 3% на Таджикистан. Более 80% стока Амударьи, среднемноголетний сток которой равен 78 км^3 , формируется на территории Таджикистана, 6% на территории Узбекистана, 2,4% в Киргизии, 3,5% в Туркменистане (с Ираном) и 7,9% в Афганистане.

Разрушение системы, которая существовала в СССР, привело к взаимным неурегулированным претензиям стран Центральной Азии. Они касались, прежде всего, определения объемов водозаборов. В СССР регулирование речного стока трансграничных рек было направлено на сбалансированное экономическое развитие всех пяти среднеазиатских республик, сочетающих выработку электроэнергии и развитие аграрного сектора экономики [14. С. 50—51]. Критерием работы водохранилищ была максимальная общая выгода [4. С. 4].

Переход к рыночной экономике, снижение инвестиций в сектор водопотребления, изменение режима работы крупных водохранилищ (перевод из ирригационного режима в энергетический) — все это толкало страны региона к односторонним действиям. Так, стремление увеличить производство гидроэнергии странами верхнего течения противоречило интересам стран нижнего течения, чья ирригационная политика требовала иного подхода к использованию водных ресурсов.

Подобные нестыковки и расхождения интересов в использовании водно-энергетических ресурсов обострило отношения между отдельными странами Центральной Азии и негативно сказалось на межгосударственных отношениях в регионе.

После обретения независимости страны Центральной Азии стали самостоятельно распоряжаться водными ресурсами трансграничных рек. При этом в отношениях между собой страны региона первоначально пытались воспользоваться опытом, который был накоплен в период Советского Союза. Важнейшим политическим шагом стала инициатива первых лиц национальных водохозяйственных ведомств государств Центральной Азии о принятии в октябре 1991 г. Ташкентского заявления. Оно стало отправной точкой переговорного процесса между центрально-азиатскими государствами в сфере использования водных ресурсов трансграничных рек.

В заявлении речь шла о совместном использовании водных ресурсов на общих принципах, с учетом интересов всех сторон [13. С. 31—42].

В развитие встречи в Ташкенте 18 февраля 1992 г. в Алма-Ате (Казахстан) было подписано межправительственное соглашение «О сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников» и соглашение о создании Межгосударственной коор-

динационной водохозяйственной комиссии (МКВК). Страны региона подтвердили свои позиции сохранить действовавший режим управления водными ресурсами бассейнов Амударьи и Сырдарьи и придерживаться сложившихся подходов к разделу трансграничных водных ресурсов. Речь шла о протоколе № 413 Научно-технического совета Министерства мелиорации и водного хозяйства СССР по Сырдарье, подписанного в феврале 1984 г., и протоколе № 566 Научно-технического совета Министерства мелиорации и водного хозяйства СССР по Амударье, подписанному в сентябре 1987 г. Данные документы предусматривали годовое распределение воды между странами бассейна Аральского моря, хотя сезонное распределение в них учтено не было [9. С. 140—153]. Однако договора и соглашения, заключенные в советский период, не соответствовали интересам стран верховья трансграничных рек.

Наиболее остро межгосударственные противоречия проявлялись в отношении режимов водопользования в бассейне реки Сырдарья, в водохранилищах Нарын-Сырдарьинского каскада, прежде всего Токтогульского [10. С. 68]. В советское время сток Сырдарьи регулировался водохранилищами Нарын-Сырдарьинского каскада, в первую очередь Токтогульским, в режиме, который был направлен на орошение в Казахстане и Узбекистане.

Впервые симптомы конфликтности проявились в 1993 г., когда Узбекистан за долги оставил Киргизию без газа. В ответ Бишкек осуществил сброс из Токтогульского водохранилища [5. С. 68—88]. Изменение графика работы Токтогульского водохранилища Киргизия объяснила необходимостью производства электроэнергии в зимний период и накопления ее в летний период.

К изменению политики Киргизии в сфере использования водных ресурсов подталкивали объективные факторы: разрыв экономических связей в рамках региона, увеличение стоимости углеводородных ресурсов. В результате Киргизия, как и Таджикистан, столкнулись с энергетическим кризисом, который усиливал их заинтересованность в одностороннем порядке изменить режим работы водохранилищ и использовать водные ресурсы исключительно в собственных интересах.

После 1993 г. режим работы Токтогульского каскада был изменен. Вода летом стала накапливаться, а зимой спускаться. Данное изменение было продиктовано заинтересованностью Киргизии осуществлять производство электроэнергии в зимний период.

Несмотря на расхождение интересов, в том же году страны Центральной Азии вновь попытались устранить разногласия по вопросу вододеления и совместного использования водных ресурсов. Было принято «Соглашение о сотрудничестве в сфере совместного управления, использования и охраны водных ресурсов межгосударственных источников». Однако этот документ также оказался неработающим.

В 1995 г. страны Центральной Азии сделали очередную попытку решить спорные вопросы в сфере водных ресурсов, приняв Нукусскую декларацию. В ней была отмечена важность ранее подписанных соглашений, регулирующих отно-

шения в сфере водных ресурсов. Страны региона подтвердили приверженность принципу использования водных ресурсов в интересах всех государств. Затем было принято еще несколько документов, но и они не решили конфликты между странами Центральной Азии.

В 1998 г. было заключено соглашение между Казахстаном, Киргизией и Узбекистаном «Об использовании водно-энергетических ресурсов бассейна реки Сырдарья». Таджикистан присоединился к документу в 1999 г. Данный документ имел рамочный характер, хотя в нем были зафиксированы принципы компенсаций. При этом в нем не был описан экономический механизм взаимоотношений между гидроэнергетикой и ирригацией [12. С. 59—72]. В итоге страны нижнего течения летом, в период наибольшей потребности в воде, стали испытывать ее дефицит, а зимой — сталкиваться с подтоплениями и затоплениями водохозяйственных объектов.

Принимаемые документы не способствовали решению проблемы распределения водных ресурсов трансграничных рек, поскольку не были подкреплены практическими механизмами компенсаций. Страны нижнего течения не готовы были компенсировать потери от изменения режима работы водохранилищ странам верхнего течения. Более того, каждое из государств региона рассчитывало самостоятельно решить возникающие проблемы в сфере водных ресурсов и через давление на соседей добиться положительного для себя результата.

Фактически речь шла о конфликте национальных программ развития всех центрально-азиатских государств [3. С. 29]. В результате между Туркменистаном и Узбекистаном, Киргизией и Таджикистаном, Казахстаном и Киргизией периодически обострялись межгосударственные отношения по вопросу использования водных ресурсов трансграничных рек.

Причины конфликтных ситуаций между странами региона в сфере водных трансграничных ресурсов следует искать в том числе в положениях, которые отражены в национальном законодательстве. основополагающие документы центрально-азиатских стран четко позиционируют воду в качестве ресурса, принадлежащего государству.

Так, в Водном кодексе Казахстана (статья 8), принятом в июле 2003 г., говорится об исключительной собственности государства на водные ресурсы.

Аналогичное положение содержится в законе Киргизии «О воде» (статья 5), принятом в январе 1994 г.

В Водном кодексе Таджикистана (статья 4), принятом в декабре 1993 г., водные ресурсы рассматриваются в качестве исключительной собственности государства.

В Законе Узбекистана «О воде и водопользовании» (статья 3), принятом в мае 1993 г., говорится о принадлежности государству водных ресурсов. Схожая позиция отражена в Водном кодексе Туркменистана, принятом в июне 1993 г.

Данные документы в последствии дополнялись и уточнялись, однако главный тезис в них оставался неизменным — водные ресурсы являются исключительной собственностью государства, которые по своему усмотрению регулируют их использование.

Особенно четко данный подход проявился у стран верхнего течения, которые стали отстаивать позицию о единоличном владении водными ресурсами. В 2001 г. в Киргизии был принят закон «О межгосударственном использовании водных объектов, водных ресурсах и водохозяйственных сооружений Кыргызской Республики». В указанном документе подчеркивались права страны на водные ресурсы и водохозяйственные объекты в пределах границ государства, а кроме того, отмечалось, что вода имеет стоимость. Схожую позицию занимал Таджикистан.

Страны региона придерживались собственных представлений относительно использования водных ресурсов трансграничных рек. Более того, во многих внутригосударственных законах стран Центральной Азии, двусторонних и многосторонних соглашениях отсутствует определение «трансграничные реки». В основном используются термины «водный ресурс», «водно-энергетический ресурс» и т.п.

Подобный подход противоречит положениям международного права, в котором рассматриваются вопросы трансграничных водных ресурсов, и порождает значительные трудности в использовании международного законодательства [9. С. 140—15].

ООН был принят ряд документов, регулирующих использование и охрану международных водотоков. Среди них следует выделить Конвенцию по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер (март 1992 г.) и Конвенцию о праве судоходных видов использования международных водотоков, принятую в мае 1997 г. Согласно этим документам освоение трансграничных водных ресурсов должно проводиться совместно, с учетом взаимных интересов тех государств, через которые эти реки текут. Конвенции не давали четких ответов о путях решения возникающих споров, тем не менее, они могли стать основой для последующей разработки законодательной базы применительно к трансграничным рекам Центральной Азии.

Центрально-азиатские государства, за исключением Казахстана, не ратифицировали международные документы и в реализации своей политики в отношении водных ресурсов трансграничных рек продолжают ориентироваться на достижение двусторонних договоренностей.

Недостаточно четкое понимание и весьма слабое применение государствами Центральной Азии принципов и норм международного права в области использования и охраны трансграничных ресурсов являлось одним из сдерживающих факторов в решении существующих в регионе проблем [1. С. 226—244].

В результате страны разделились на тех, кто заинтересован в энергетическом режиме работы водохранилищ, и тех, которые выступают за ирригационный режим, что сказывается на их подходах к формированию и реализации политики в сфере водных ресурсов трансграничных рек.

Схожие позиции относительно использования трансграничных водных ресурсов региона занимают Таджикистан и Киргизия. Эти государства наиболее активно выступают за освоение водных ресурсов, строительство гидроэнергетических объектов, видя в этом возможность укрепления своей энергетической безопасности и дополнительный источник получения дохода.

Киргизия придерживается позиции, что подписанные между странами соглашения по трансграничным водным ресурсам ущемляют интересы страны. Киргизскую сторону не устраивают соглашения, подписанные после 1992 г., поскольку они зафиксировали приверженность советской системе использования водных ресурсов трансграничных рек, в основе которой лежал учет интересов всех сторон и ориентация работы водохранилищ на ирригационный режим. Не случайным следует считать принятие в июне 2011 г. Киргизией закона «О межгосударственном использовании водных объектов, водных ресурсов и водохозяйственных сооружений».

В Киргизии предлагают пересмотреть механизмы взаиморасчетов с соседними странами за использование своих гидроузлов в ирригационном режиме. В этих целях выдвигаются предложения по введению платы за воду как за отдельный ресурс с экономическим значением или выплат компенсаций за содержание водной инфраструктуры [2. С. 13—18]. Киргизские власти подсчитали, что если Казахстан и Узбекистан начнут платить за воду хотя бы по минимуму, это будет приносить стране порядка 350 млн долл. ежегодно.

Соседние государства, которые находятся с Киргизией в едином водно-энергетическом кольце, не хотят покрывать все ее издержки на содержание гидротехнических сооружений. Между тем затраты на поддержание ГЭС в рабочем состоянии и понесенный ущерб от неиспользуемых затопленных территорий ежегодно составляет порядка 120 млн долл., что равно почти пятой части бюджета Киргизии.

Схожие взгляды отстаивает Таджикистан, который настойчиво продвигает идею строительства новых крупных гидроэнергетических объектов на трансграничных реках. Так, Таджикистан продолжает курс на строительство Рогунской ГЭС, против чего категорически возражает Узбекистан. В случае ее строительства Таджикистан рассчитывает не только решить проблему с полноценным обеспечением электричеством всей страны, но и экспортировать ее в Афганистан и Пакистан. Пока реализации таджикских планов препятствует отсутствие инвестора и недостаток собственных средств. Данные факторы, а также экологические и техногенные риски не уменьшают решимости Таджикистана достроить данный объект.

Страны нижнего течения вынуждены реагировать на политику своих соседей, контролирующих сток трансграничных рек. Туркменистан реализует масштабные проекты по созданию искусственных водохранилищ в Каракумах, которые должны будут соединиться с Амударьей каналом. Национальная программа «Стратегия экономического, политического и культурного развития Туркменистана на период до 2020 года» предусматривает, что суммарная емкость всех водохранилищ страны должна достигнуть 11 млрд м³. Реализация столь масштабного проекта может обострить проблему обеспечения водными ресурсами соседних государств Центральной Азии, расположенных в бассейне реки Амударьи, ухудшить экологическую ситуацию в прилегающих к Аральскому морю территориях.

На долю Узбекистана приходится почти половина воды, которая потребляется в регионе. В этой связи любое изменение в использовании трансграничных рек

или строительство новых гидросооружений затрагивает интересы Узбекистана. Наличие у Узбекистана аграрного сектора является существенным фактором в определении позиции страны относительно распределения трансграничных водных ресурсов. В этом вопросе Узбекистан вынужден сотрудничать с Таджикистаном и Киргизией.

Водные ресурсы, прежде всего их объем, поступающий в Узбекистан, оказывают прямое влияние на количество выращиваемого хлопка. Нехватка воды вынудила Узбекистан в 2008 г. принять решение о сокращении площадей хлопчатника. Также существует проблема, связанная с деградацией почв в силу изношенности ирригационной сети. В результате отсутствие водосберегающих технологий и нехватка средств на улучшение систем мелиорации ведет к дефициту воды для полива.

Страны верховья, в отличие от стран низовья, имеют перспективы для развития. Согласно различным оценкам, гидроэнергетический потенциал используется Киргизией и Таджикистаном не более чем на 10%, в то время как сельское хозяйство, которое активно развивают страны нижнего течения, при уменьшающихся объемах водных ресурсов и увеличивающейся численности населения сталкивается с серьезными трудностями. Более того, в последние годы водные ресурсы трансграничных рек полностью разобраны.

Еще в конце 1980-х гг. ученые констатировали факт полного разбора рек Амударья и Сырдарья. Это стало причиной катастрофы, которая постигла Аральское море [8]. В целом в Центральной Азии происходит сокращение водных ресурсов, что связано с уменьшением площади ледников и изменением климата. Это делает труднодостижимыми задачи по увеличению сельскохозяйственных площадей и развитию промышленности странами нижнего течения.

На протяжении более чем двадцати лет в странах верховья и низовья трансграничных рек проходят диаметрально противоположные процессы. В то время как страны нижнего течения разрабатывают программы по снижению дефицита водных ресурсов (последний пример — утверждение в апреле 2014 г. Президентом Казахстана программы управления водными ресурсами), страны верховья прорабатывают масштабные планы по строительству новых крупных ГЭС, за счет которых предполагается решить экономические проблемы.

Данный курс последовательно проводит Таджикистан и Киргизия, которые намерены в больших объемах использовать водные ресурсы. Тем более что для этого есть определенные условия. Из 49 км³ водных ресурсов, формирующихся в Киргизии, страна использует около 25%, что позволяет строить планы по увеличению данного показателя [17. С. 14—15].

За двадцатипятилетний период, который прошел после распада СССР, страны региона не сумели преодолеть противоречия в сфере вододелия и выработать механизм взаимного учета диаметрально противоположных интересов, предпочитая ориентироваться исключительно на национальные интересы, которые преобладают над межгосударственными отношениями. Кроме того, межгосударственные противоречия усиливаются исторически накопленными противоречиями [16. С. 119—148].

Пока странам не удается достичь договоренности о прямой оплате за водные ресурсы, и расчет осуществляется по бартеру: газ за воду (Узбекистан — Киргизия и Таджикистан) или вода за электроэнергию (Таджикистан — Казахстан) и т.д.

Все известные направления рационального использования водных ресурсов в Центральной Азии имеют технические и экономически оправданные пределы. Так, уже не первый год идут споры о том, как использовать и делить водные ресурсы региона. Примерно 40% всех запасов питьевой воды находятся в Киргизии. Для обеспечения своих потребностей республике с пятиmillionным населением и 6% земель, пригодных для сельского хозяйства, хватает десятой части всего годового стока трансграничных рек. Все остальное идет в Казахстан, Узбекистан и частично в Туркменистан.

В последние годы проблемы, существующие в водно-энергетической сфере между странами Центральной Азии, усугубились. Более того, Таджикистан и Киргизия, расположенные в верховьях трансграничных рек, игнорируют аргументы других стран региона, объединяя свои усилия. Как отмечал посол Киргизии в Таджикистане Мирослав Ниязов, «стратегическое партнерство Таджикистана и Киргизии сулит колоссальные выгоды. Такому партнерству альтернативы нет» [15].

Политические переговоры, проводимые странами региона, не дали положительного результата. В апреле 2015 г. на VII Всемирном водном форуме Президент Туркменистана выступил с предложением созданию Водной стратегии ООН, направленной на развитие диалога между странами региона. О необходимости учитывать интересы друг друга говорилось в июне 2015 г. на Международной конференции высокого уровня, посвященной подведению итогов Международного десятилетия действий «Вода для жизни». Несмотря на многочисленные переговоры, ситуация продолжает ухудшаться. Для стран, расположенных в верховьях рек, хронической стала нехватка энергоресурсов в зимний период, а страны, находящиеся ниже по течению, испытывают острый дефицит воды, необходимой для сельскохозяйственных нужд. По различным оценкам, водные ресурсы смогут обеспечить регион Центральной Азии лишь до 2020—2025 гг. За указанный период суммарный объем водопотребления приоритетными отраслями может достичь такого уровня, за которым их потребность в воде может удовлетворяться за счет сокращения водоподачи на сельскохозяйственные нужды, что в перспективе приведет к необходимости уменьшения орошаемых площадей в регионе. И все это — на фоне ускоренного демографического роста [6. С. 90—100].

Ситуация с водными ресурсами в Центральной Азии стала одним из основных источников возможных межгосударственных конфликтов [11]. Доступ к водным ресурсам и, прежде всего, трансграничных рек, усилил конкуренцию между странами региона. Например, воды Сырдарьи в последние годы едва доходят до середины территории Узбекистана, западные области которого уже практически полностью обезвожены.

По прогнозам, через 15—20 лет водные ресурсы региона сократятся минимум на треть. По данным ООН, к 2040 г. объем годового стока Киргизии составит 19 км³, в то время как в 2006 г. этот показатель был равен 55 км³. Между тем только

в ближайшие десять-пятнадцать лет потребность в воде в регионе может увеличиться на 40%, что не может не отразиться на конфликтном потенциале региона. Недостаток водных ресурсов во многом ограничивает экономическое развитие государств Центральной Азии [13. С. 31—42].

Решение проблем совместного использования водно-энергетических ресурсов в Центральной Азии имеет не только решающее экономическое, экологическое значение, но и политическое и международное значение. По сути — это один из основных факторов формирования в регионе зоны стабильности, экономического развития и экологической безопасности.

Наличие большого количества подписанных документов не приблизило страны Центральной Азии к рациональному и взаимовыгодному использованию водных ресурсов, хотя в большинстве из них отмечается необходимость придерживаться принципов общности интересов и не допускать действия, которые могут нанести ущерб другой стороне.

Несмотря на договоренности, которые страны региона периодически достигают, по-прежнему нет механизма совместного управления водными ресурсами.

Основными барьерами, препятствующими принятию действенных мер, направленных на интегрированное управление водно-энергетическим комплексом, являются противоречия в подходах к решению водных проблем. Отсутствие четкого законодательства, регулирующего использование гидроресурсов трансграничных рек, также затрудняет поиск взаимовыгодных решений. Страны Центральной Азии испытывают значительные трудности в сопоставлении топливно-энергетических ресурсов и водных ресурсов, которые каждая из стран региона пока еще предлагает обменивать [2. С. 13—18].

Отсутствие эффективного механизма распределения воды, управления водопользованием и разрешения конфликтов, низкий уровень обмена информацией по вопросам качества воды и ее использования являются препятствиями для регионального сотрудничества в области использования водных ресурсов. Более того, прибрежные страны пытаются разделить выгоды от доступа к воде, а не саму воду, что ведет к осложнению совместного использования трансграничных рек.

Межправительственные соглашения, призванные регулировать использование водных ресурсов трансграничных рек Центральной Азии, не сняли с повестки дня данную проблему. В этой связи выработка механизма, учитывающего интересы всех стран Центральной Азии в использовании водно-энергетического потенциала, остается в числе приоритетов центрально-азиатских государств.

Странам Центральной Азии следует отказаться от прямого сопоставления ценовых параметров на поставляемые водные и энергетические ресурсы, поскольку это затрудняет выработку согласованного механизма их использования. Кроме того, страны региона должны учитывать косвенные потери, связанные с решением последствий, связанных с нарушением доступа к водно-энергетическим ресурсам. Речь может идти о создании надгосударственного органа, состоящего из представителей стран региона, наделенных правом выработки согласованной политики в использовании водно-энергетического потенциала и учитывающего совокупность выгод и потерь каждой из стран.

Подобная работа предполагает разработку совместного баланса по управлению водно-энергетическими ресурсами региона. В его основе должен быть расчет потребностей каждой из стран региона в водных и энергетических ресурсах и пути достижения компромисса в их использовании. Без взаимного учета интересов друг друга страны региона не смогут достичь компромисса. Возврат к советской системе лимитированной подачи воды и системе компенсаций позволит улучшить межгосударственные отношения и будет отвечать интересам всех сторон.

Строительство водно-энергетических объектов странами верховья приведет к дальнейшему ущемлению интересов стран низовья, которые при нынешнем режиме использования действующих водохранилищ и так не имеют перспектив улучшить ситуацию с доступом к водным ресурсам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Аманжолов Ж.М.* Многосторонние международные договоры в обеспечении водной безопасности в Центральной Азии // *Московский журнал международного права*. 2007. № 4.
- [2] *Ауелбаев Б., Ержанов Т.* Политика стран Центральной Азии и водно-энергетические проблемы региона // *Analytic (Казахстан)*. 2009. № 3.
- [3] *Боришполец К.П.* Вода как *Perpetuum Mobile* центрально-азиатской политики // *Вестник Московского университета*. Сер. 12. Политические науки. 2010. № 5.
- [4] *Гриняев С.Н., Фомин А.Н.* Актуальные вопросы применения механизма биржевой торговли для решения водно-энергетических проблем стран Центральной Азии. Аналитический доклад. М.: Центр стратегических оценок и прогнозов, 2009.
- [5] *Гусейнов В., Гончаренко А.* Водные ресурсы ЦАР // *Центральная Азия. Геополитика и экономика региона*. М.: Красная звезда, 2010.
- [6] *Жильцов С.С., Бименова А.Р.* Политика стран Центральной Азии в области использования водных ресурсов трансграничных рек // *Центральная Азия и Кавказ*. 2015. Т. 18. № 1.
- [7] *Жильцов С.С., Зонн И.С.* Борьба за воду // *Индекс безопасности*. 2008. № 3.
- [8] *Зонн И.С., Глянц М.Г.* Аральская энциклопедия. М.О., 2008.
- [9] *Искандархонова Б.А.* Правовое регулирование использования трансграничных рек в Центральной Азии // *Московский журнал международного права*. 2007. № 3.
- [10] *Кузьмина Е.М.* Геополитика Центральной Азии. М.: Наука, 2007.
- [11] *Медведев Н.П., Насиновски В.Е., Скакунов Э.И.* К концепции решения конфликтов в постсоветский период. М.: Сельская молодежь, 1995.
- [12] *Петров Г.* Конфликт интересов между гидроэнергетикой и ирригацией в Центральной Азии. Его причины и пути преодоления // *Центральная Азия и Кавказ*. 2010. № 3.
- [13] *Пикулина М.Л.* Проблема трансграничных водных ресурсов в Центральной Азии // *Казахстан Спектр*. 2013. № 1.
- [14] *Сарсембеков Т., Мироненков А.* Два в одном: можно ли разделить воду и гидроэнергию // *Мировая энергетика*. 2007. № 8.
- [15] Стратегическое водно-энергетическое сотрудничество сулит колоссальные выгоды для Душанбе и Бишкека, — посол Кыргызстана в Таджикистане. 2015. 19 января. URL: <http://ca-news.org/news:1137860>.
- [16] *Сырлыбаева Б.Р.* Управление водными ресурсами как фактор обеспечения безопасности Центральноазиатского региона // *Актуальные проблемы безопасности и сотрудничества в Каспийско-Центральноазиатском регионе: материалы XI Ежегодной Алматинской конференции (г. Алматы)*. 20 июня 2013 г. Алматы: КИСИ, 2013.
- [17] *Януш Павлитта* Правовые механизмы сотрудничества в области управления трансграничными водотоками в Центральной Азии // *Центрально-азиатская научно-практическая конференция «Водному сотрудничеству стран Центральной Азии — 20 лет: опыт прошлого и задачи будущего»*. Алматы. 20—21 сентября 2012, Казахстан.

POLITICS OF CENTRAL ASIA: WATER AND ENERGY ASPECT

S.S. Zhiltsov

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

This article analyzes the situation regarding the water resources of the transboundary rivers that developed in Central Asia after the collapse of the Soviet Union when the previous mechanism of mutual account of the interests of all the Central Asian republics broke down. Particular attention is given to the factors that have an impact on the formation and implementation of Central Asian politics regarding water use. A comparison is made of the international legal base that regulates conflicts involving the water resources of transboundary rivers and the legal documents of the Central Asian states. The paper analyzes the reasons for the failure to create a multisided mechanism for resolving the disputes that arise among the Central Asian countries with respect to water use of the transboundary rivers.

Key words: water resources, water apportioning, transboundary rivers, Central Asian, hydropower

REFERENCES

- [1] Amanzholov Zh. M. Mnogostoronnie mezhdunarodnye dogovory v obespechenii vodnoj bezopasnosti v Central'noj Azii. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava*. 2007. № 4.
- [2] Auelbaev B., Erzhanov T. Politika stran Central'noj Azii i vodno-jenergeticheskie problemy regiona. *Analytic (Kazahstan)*. 2009. № 3.
- [3] Borishpolec K.P. Voda kak Perpetuum Mobile central'no-aziatskoj politiki. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12. Politicheskie nauki*. 2010. № 5.
- [4] Grinjaev S.N., Fomin A.N. Aktual'nye voprosy primeneniya mehanizma birzhevoj trgovli dlja reshenija vodno-jenergeticheskikh problem stran Central'noj Azii. Analiticheskij doklad. M.: Centr strategicheskikh ocenok i prognozov, 2009.
- [5] Gusejnov V., Goncharenko A. Vodnye resursy CAR. *Central'naja Azija. Geopolitika i jekonomika regiona*. M.: Krasnaja zvezda, 2010.
- [6] Zhil'cov S.S., Bimenova A.R. Politika stran Central'noj Azii v oblasti ispol'zovaniya vodnyh resursov transgranichnyh rek. *Central'naja Azija i Kavkaz*. 2015. T. 18. № 1.
- [7] Zhil'cov S.S., Zonn I.S. Bor'ba za vodu. *Indeks bezopasnosti*. 2008. № 3.
- [8] Zonn I.S., Gljanc M.G. Aral'skaja jenciklopedija. M.O., 2008.
- [9] Iskandarhonova B.A. Pravovoe regulirovanie ispol'zovaniya transgranichnyh rek v Central'noj Azii. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava*. 2007. № 3.
- [10] Kuz'mina E.M. Geopolitika Central'noj Azii. M.: Nauka. 2007.
- [11] Medvedev N.P., Nasinovski V.E., Skakunov Je. I. K koncepcii reshenija konfliktov v post-sovetskij period. M.: Sel'skaja molodezh', 1995.
- [12] Petrov G. Konflikt interesov mezhdru gidrojenergetikoj i irrigaciej v Central'noj Azii. Ego prichiny i puti preodolenija. *Central'naja Azija i Kavkaz*. 2010. № 3.
- [13] Pikulina M.L. Problema transgranichnyh vodnyh resursov v Central'noj Azii. *Kazahstan Spekr*. 2013. № 1.
- [14] Sarsembekov T., Mironenkov A. Dva v odnom: možno li razdelit' vodu i gidrojenergiju. *Mirovaja jenergetika*. 2007. № 8.
- [15] Strategicheskoe vodno-jenergeticheskoe sotrudnichestvo sulit kolossal'nye vygody dlja Dushanbe i Bishkeka, — posol Kyrgyzstana v Tadzhikestane. 2015. 19 janvarja. URL: <http://ca-news.org/news:1137860>.

- [16] Syrlybaeva B.R. Upravlenie vodnymi resursami kak faktor obespechenija bezopasnosti Central'noaziatskogo regiona. Aktual'nye problemy bezopasnosti i sotrudnichestva v Kaspijsko-Central'noaziatskom regione: materialy XI Ezhegodnoj Almatinskoj konferencii (g. Almaty). 20 ijunja 2013 g. Almaty: KISI, 2013.
- [17] Janush Pavletta Pravovye mehanizmy sotrudnichestva v oblasti upravlenija transgranichnymi vodotokami v Central'noj Azii. *Central'no-aziatskaja nauchno-praktičeskaja konferencija «Vodnomu sotrudnichestvu stran Central'noj Azii — 20 let: opyt proshlogo i zadachi budushhego»*. Almaty 20—21 sentjabrja 2012, Kazahstan.

© Жильцов С.С., 2016.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ И КАЗАХСТАНА КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ ДУВУСТОРОННЕГО СОТРУДНИЧЕСТВА

М.Н. Шапкин

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова
ул. Моховая, 11-1, Москва, Россия, 125009

Предметом исследования статьи является сотрудничество в рамках военно-политического взаимодействия между Российской Федерацией и Республикой Казахстан. Автор подробно рассматривает деятельность организаций, осуществляющих борьбу с международным терроризмом, — ОДКБ, ШОС, СВМДА. Особое внимание в статье уделено таким направлениям сотрудничества в военной и гражданской сферах, которые являются прямым следствием военно-политического взаимодействия стран. В статье показано, что сотрудничество в военной сфере стимулирует создание совместных предприятий, совместное проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, требует подготовки военно-технических кадров. Раскрыта необходимость активного сотрудничества в сфере освоения космического пространства, затронуты актуальные вопросы, касающиеся проблем экологии, неизбежно возникающие при испытаниях военной техники и запусках космических аппаратов. Методы исследования основаны на элементах комплексного анализа, объективности, системности, сопоставимости исходных данных. В часть исследования был положен институциональный метод.

В статье сделаны выводы о важности и прагматичности сотрудничества, что позволяет судить о его достаточном запасе прочности даже в случае гипотетической смены внешнеполитических приоритетов одной из сторон. Особо важным представляется проведение согласованных действий ОДКБ, ШОС и СВМДА по борьбе с международным терроризмом, стимулировании, вследствие военно-политического взаимодействия, развития предприятий оборонного комплекса как на территории России, так и на территории Казахстана, совместном освоении космического пространства, необходимости пристального внимания к экологическим проблемам.

Ключевые слова: безопасность, соглашение, интеграция, Казахстан, военное сотрудничество, стратегическое партнерство, укрепление двустороннего сотрудничества, фактор сотрудничества, международный терроризм

Договор о коллективной безопасности (ДКБ) от 15 мая 1992 г. [5] между странами СНГ и Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи от 25 мая 1992 г. [4] между Российской Федерацией и Республикой Казахстан дали старт всестороннему военно-политическому взаимодействию России и Казахстана, которое способствовало успешному сотрудничеству как в военной, так и в гражданской сферах. За годы независимого существования были созданы различные структуры, имеющие военно-политическую составляющую, в которые входит Россия и Казахстан, а также заключены договоры и подписаны соглашения, касающиеся военной области. Исследование многостороннего сотрудничества в рамках военно-политического взаимодействия, а также сотрудничества в других направлениях, являющегося следствием военно-политических отношений, представляет определенный научный интерес.

Военно-политическое сотрудничество России и Казахстана исследовали с российской стороны И.Д. Звягельская и А.В. Грозин (Центр изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья, Институт востоковедения РАН), а также В.В. Егозарьян, А.Я. Бабаджанов, О.П. Чазов и другие. С казахстанской стороны — М.Ш. Губайдуллина, Б.Ж. Сомжурек, Л.К. Бакаев, Д.А. Франк и другие.

Представляют интерес мнения исследователей относительно военно-политических российско-казахстанских отношений, высказанные в последние годы. Так, российский исследователь О.П. Чазов отмечает, что необходимость военно-политического сотрудничества со стороны Казахстана обусловлена отсутствием ресурсов для создания собственной системы национальной безопасности, а выбор партнера, помимо исторических и культурных предпосылок, связан с внешнеполитической стратегией Казахстана и России в новой геополитической обстановке. Отношения постепенно становятся системой в стадии дальнейшей институционализации [9. С. 131].

При обсуждении проблем военно-политического сотрудничества учеными России и Казахстана в Новосибирском Академгородке 13—14 ноября 2014 г. казахстанский исследователь Д.А. Франк подчеркнул, что еще на этапе становления государственных суверенитетов России и Казахстана складывались тесные интеграционные связи, которые в последние годы стали более интенсивными, однако Казахстан и Россия имеют собственные стратегические интересы с теми государствами, с которыми у России отношения носят напряженный характер. Примером являются отношения Россия — США, Казахстан — США. Казахстан стремится поддерживать стабильные отношения с США, но при этом четко осознает, что генеральным стратегическим партнером является Россия [15. С. 7].

Казахстан также стремится поддерживать стабильные отношения с Турцией и Украиной, с которыми у России в настоящее время отношения напряженные. Вопрос о том, как это скажется в будущем на российско-казахстанских отношениях, в настоящее время исследован недостаточно.

От военно-политического взаимодействия и углубления всестороннего сотрудничества России и Казахстана во многом зависит ситуация в Центрально-Азиатском регионе. Ключевым направлением для руководства Казахстана является «многовекторная» политика, и «длина» этих векторов, в зависимости от стратегических целей, может меняться. 31 января 2006 г. был утвержден и вступил в силу индивидуальный план действий партнерства в формате «НАТО + Казахстан».

Можно предположить, что в процессе продвижения своих интересов в странах Центральной Азии НАТО сделало основную ставку на Казахстан.

Главным геополитическим основанием партнерства Казахстана и НАТО, возможно, является попытка уменьшить геополитическое влияние со стороны России и Китая в регионе. США планируют увеличить количество военных баз в Центрально-Азиатском регионе и, вероятно, вынашивают планы по превращению Казахстана в страну, аналогично Украине зависимую от США, для сдерживания России в регионе. Такой сценарий может привести к серьезным последствиям для России, учитывая возросшую конкуренцию в военной области между Россией и США в Арктическом регионе.

Следует отметить, что в работах, посвященных военно-политическому взаимодействию России и Казахстана, недостаточно внимания уделено вопросу развития двусторонних военных, военно-технических, экономических, научных, образовательных и других видов сотрудничества, которые являются прямым следствием совместных военно-политических решений. Научный интерес представляет анализ современного состояния военно-политических отношений России и Казахстана и их влияние на широкий спектр сотрудничества.

На сессии ДКБ в Москве 14 мая 2002 г. было принято решение о преобразовании ДКБ в полноценную международную организацию — Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) [6]. Участие в ОДКБ позволило России и Казахстану координировать деятельность территориальных органов государственной власти по важнейшим вопросам борьбы с чрезвычайными ситуациями, противодействовать незаконной миграции и незаконному обороту наркотиков с привлечением в случае необходимости органов власти других членов организации. ОДКБ — региональная организация, имеющая своей целью обеспечение безопасности стран, входящих в зону коллективной ответственности.

Высокий уровень боевой подготовки коллективных сил обеспечивает система боевой подготовки, включающая в себя учения, сборы, высшие военные учебные заведения, научно-исследовательские структуры. Миротворческие силы ОДКБ недавно провели учение «Нерушимое братство-2015», на котором отрабатывались возможные сценарии атаки боевиков на населенные пункты и другие операции по поддержанию мира Коллективными миротворческими силами.

Важным направлением деятельности ОДКБ является сфера информационной безопасности. В ходе операции «ПРОКСИ-2015» были выявлены информационные ресурсы, действующие в сфере вербовки граждан в ряды «Исламского государства».

На саммите ОДКБ в декабре 2015 г. была поставлена приоритетная задача — пресечение деятельности запрещенного в России «Исламского государства». Страны-участницы заявили о готовности укрепить силовой потенциал ОДКБ и развивать сотрудничество в рамках уже существующих региональных структур между Россией и Казахстаном и, как следствие, широкое интеграционное сотрудничество осуществляется также в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Хартия Шанхайской организации сотрудничества была подписана 7 июня 2002 г. Республикой Казахстан, Китайской Народной Республикой, Кыргызской Республикой, Российской Федерацией, Республикой Таджикистан и Республикой Узбекистан [14]. Страны-участницы договорились о многопрофильном сотрудничестве в целях укрепления мира, безопасности и стабильности в регионе, совместном противодействии терроризму, сотрудничестве в политической, экономической, оборонной и других областях. Высшим органом ШОС является Совет глав государств. ШОС была создана как международная структура, нацеленная прежде всего на обеспечение региональной безопасности. Приоритетным направлением для нее является борьба с международным терроризмом.

Сотрудничество России и Казахстана в борьбе с международным терроризмом приобретает особую значимость. Ход боевых действий в Сирии и Ираке, а так-

же оценка ситуации в Афганистане, показывают, что эта борьба может затянуться надолго. Территорию Афганистана международная террористическая организация «Исламское государство» использует в качестве плацдарма для распространения влияния по всему региону. Анализ сложившейся обстановки указывает на то, что планы исламистов заключаются в проникновении в приграничные с Афганистаном государства, затем в Казахстан и Киргизию и далее в населенные мусульманами российские территории. «Исламское государство» рассматривает афганскую территорию как транзитную.

Страны ШОС проводят совместные военные учения. Например, в маневрах «Мирная миссия — 2014» военнослужащие из России, Казахстана, Китая, Киргизии и Таджикистана отрабатывали порядок действий по уничтожению террористов и освобождению заложников. На саммите ШОС в Уфе, столице Башкирии, в июле 2015 г. лидеры государств договорились о дальнейшей борьбе с международным терроризмом, а именно согласовывать усилия, направленные на отпор терроризму, по осуществлению совместной борьбы с распространением радикальных идей через Интернет.

Важным направлением сотрудничества станет также создание Фонда развития и Банка развития ШОС. Была поддержана инициатива Китая по созданию «Экономического пояса Шелкового пути», отвечающая в первую очередь интересам Казахстана. С 2003 г. началось сотрудничество ОДКБ и ШОС, результатом которого в 2007 г. в Душанбе стало подписание «Меморандума о взаимопонимании между секретариатами ШОС и ОДКБ», определившего области сотрудничества между организациями, в 2011 г. — подписание «Протокола о взаимопонимании между Секретариатом ОДКБ и РАТС ШОС», в котором подчеркивался приоритет укрепления сотрудничества в борьбе с терроризмом.

Большинство угроз безопасности Казахстана — терроризм, наркотрафик, религиозный экстремизм, нелегальная миграция — исходит из сопредельных с центральноазиатским регионом стран. Одним из механизмов противодействия этим угрозам является участие Казахстана и России в работе межгосударственного объединения по обеспечению безопасности — Совещания по выработке мер доверия в Азии (СВМДА). СВМДА представляет собой международный форум по укреплению сотрудничества, направленного на обеспечение мира, безопасности и стабильности в Азии. К 2016 г. Россия и Казахстан заключили большое количество договоров и соглашений, позволивших сформировать правовую базу военно-политического сотрудничества, из которых особое значение имеет Договор между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о добрососедстве и союзничестве в XXI в. (11 ноября 2013 г.) [10].

Данный договор направлен на углубление евразийской интеграции и укрепление двусторонних отношений России и Казахстана. Особый акцент в статьях данного договора сделан на возможности проведения согласованной внешней политики с соблюдением принципа невмешательства во внутренние дела, что в полной мере соответствует интересам и России, и Казахстана и позволяет судить о практической значимости, прагматичности данного договора и отсутствии по-

пытки одной из сторон лоббировать исключительно свои интересы. Современное состояние военно-политического взаимодействия России и Казахстана находится на таком уровне, когда выполнение совместных военных проектов подразумевает активное двустороннее сотрудничество в военно-технической, экономической, космической, научной, технологической, информационной, экологической, социально-правовой и других сферах. Представляется обоснованным рассмотреть и проанализировать в данной статье некоторые наиболее значимые договоренности между Российской Федерацией и Республикой Казахстан, касающиеся интеграционного взаимодействия, продиктованного военно-политическими интересами.

Договор между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о военно-техническом сотрудничестве, подписанный в г. Москве 24 декабря 2013 г. Президентом В.В. Путиным и Н.А. Назарбаевым [3], включает в себя 19 статей. Анализ договора показывает, что Договаривающиеся Стороны проводят согласованную внешнюю политику, тесно взаимодействуют в деле укрепления мира, повышения стабильности и безопасности на евразийском пространстве и во всем мире. В этих целях Договаривающиеся Стороны укрепляют равноправное стратегическое партнерство. В интересах координации своей внешней политики Стороны используют и совершенствуют механизм регулярных встреч, прежде всего на высшем и высоком уровнях, проводя регулярный обмен мнениями и согласовывая позиции по вопросам двусторонних отношений, актуальным международным проблемам, представляющим взаимный интерес. Предусмотрено не только создание совместных предприятий и производств по разработке, выпуску, ремонту, модернизации и утилизации продукции военного назначения, и захватывает различные стратегически важные для обеих стран сферы, такие как проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, спланированы подготовка и обучение военных и военно-технических кадров, проведение выставок вооружения и военной техники, проведение совместных испытаний образцов вооружений и другие направления сотрудничества. В статье 11 Договора указано на необходимость обеспечения охраны прав на результаты интеллектуальной деятельности, используемые и полученные в ходе двустороннего военно-технического сотрудничества.

Договор заключен сроком на пять лет и автоматически продлевается на последующие пятилетние периоды. Договор позволил повысить эффективность военно-технического сотрудничества как в рамках ОДКБ, так и в рамках СНГ.

Подготовка военных кадров Казахстана в Российской Федерации также представляет собой важный элемент сотрудничества. Граждане Казахстана составляют около трети от всех граждан СНГ, получивших военное и специальное образование в России. Обучение граждан Казахстана производится по единым программам с российскими военнослужащими. На территории Казахстана располагается ряд крупных предприятий, которые ранее принадлежали к союзному ВПК, составляющих значительный потенциал: АО «Гранит» (испытание и обслуживание комплексов ПВО) и Машиностроительный завод им. Кирова (производство торпедного вооружения) в Алматы, АО «Уральский завод Зенит» (производство тралов,

миноискателей, запасных частей к торпедам) в Уральске, АО ЗИКСТО (производство противокорабельных мин) и АО «Завод им. Кирова» (производство корабельных средств связи) в Петропавловске. Россия и Казахстан заинтересованы в развитии связей и рассматривают возможность размещения на этих предприятиях новых заказов не только для своих стран, но и для совместного экспорта в третьи страны [8]. Казахстан проявляет интерес к таким предприятиям российского оборонно-промышленного комплекса, как «Концерн ПВО «Алмаз-Антей», ОАО «РОСНАНО», ГК «Ростех», ОАО «КАМАЗ», холдинг «Вертолеты России».

Важное значение для России и Казахстана имеют соглашения в области космических исследований. Четвертого июня 2014 г. В.В. Путин подписал закон «О ратификации Соглашения между Правительством Российской Федерации и правительством Республики Казахстан о сотрудничестве в области исследования и использования космического пространства в мирных целях» [7]. Само соглашение было подписано в Астане 22 мая 2008 г. [11]. Вступление соглашения в силу позволит подвести правовую основу под уже проводимое сотрудничество России и Казахстана в сфере космоса и создать условия для дальнейшей загрузки различных предприятий и организаций двух стран.

В соглашении определены следующие области сотрудничества: исследование космического пространства, дистанционное зондирование Земли, разработка космических аппаратов, создание и развитие наземной космической инфраструктуры, запуски космических аппаратов и научной аппаратуры, космическая связь и связанные с ней информационные технологии и услуги, спутниковые навигационные системы и технологии, пилотируемые космические полеты, космическая медицина и биология.

Несмотря на имевшиеся ранее разногласия, в 2011 г. состоялся пуск казахстанского спутника связи и вещания «КазСат-2», в 2014 — «КазСат-3», разработанных крупнейшими предприятиями российской ракетно-космической промышленности ГКНПЦ им. М.В. Хруничева и ОАО «Информационные спутниковые системы» имени академика М.Ф. Решетнёва» [12]. Подписаны и ратифицированы межправительственные соглашения о совместной работе по использованию и развитию российской глобальной навигационной спутниковой системы ГЛОНАСС.

Следующее направление сотрудничества, вытекающее из военно-стратегических и военно-политических интересов, — совместная добыча и переработка урановых руд. Урановые составляющие необходимы как для реакторов атомных подводных лодок, так и для реакторов мирных атомных электростанций. Казахстан занимает второе место в мире после Австралии по разведанным запасам урана и первое место в мире по его производству [16]. Можно предположить, что через несколько десятилетий, когда запасы нефти и газа на Земле подойдут к концу, геополитическими центрами мира станут несколько стран с наибольшими запасами урана. Несколько совместных российско-казахстанских предприятий в области мирного использования атомной энергии занимаются добычей урана на территории Казахстана, разработкой новых типов атомных реакторов малой и средней мощности.

Вследствие значительного научно-производственного потенциала России и Казахстана в атомной энергетике в России под контролем МАГАТЭ создан Международный центр по предоставлению услуг ядерного топливного цикла, включая обогащение урана. Планируется строительство АЭС в Казахстане, что приведет к технологическому прорыву республики в машиностроении и в других отраслях [1. С. 593].

Исследование более широкого спектра сотрудничества между Россией и Казахстаном указывает на необходимость анализа проблем в сфере экологии. В январе 2016 г. Президент В.В. Путин подписал указ о проведении в 2017 г. в Российской Федерации Года экологии [13]. Экологическая обстановка в Казахстане, связанная с военно-техническим сотрудничеством, представляет собой комплекс проблем, обусловленных необходимостью очистки территории бывшего Семипалатинского полигона и действующих российско-казахстанских полигонов, снижения выбросов вредных и ядовитых веществ при запуске космических аппаратов, ликвидации последствий неудачных запусков, решения экологических проблем на производствах по добыче и переработке урановых руд, защиты населения, проживающего вблизи опасных территорий, от воздействия токсичных веществ. Экологические проблемы также будут нарастать в будущем из-за нехватки водных ресурсов в Казахстане. Казахстан предложил программу партнерства «Зеленый мост», место в которой отведено и для России. Программа предполагает создание нового рынка экологичных товаров, услуг, технологий и придание нового стимула для развития «зеленых» направлений глобальной экономики [2. С. 3—9].

Из вышеизложенного следует, что военно-политические отношения между Россией и Казахстаном продолжают активно развиваться. Главным направлением является борьба с международным терроризмом в рамках таких организаций, как ОДКБ, ШОС и СВМДА. Ратификация договоров и соглашений между Россией и Казахстаном позволила создать совместные предприятия, провести научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в различных направлениях, подготовить военно-технические кадры. Военно-стратегические и мирные цели России и Казахстана способствуют активному совместному освоению космического пространства. Россия и Казахстан заинтересованы в совместных программах по улучшению экологической обстановки в регионе.

В заключение статьи следует отметить, что военно-политическое взаимодействие между Российской Федерацией и Республикой Казахстан носит взаимовыгодный, беспристрастный характер и способствует дальнейшему укреплению стратегического партнерства и выработке совместных решений, является не только декларативной, но и реальной возможностью стран согласовывать и гармонизировать в том числе свой внешнеполитический курс в соответствии с различными внутренними и внешними вызовами.

Существующая база договоров и соглашений позволяет не только укрепить двусторонние отношения России и Казахстана, но и является стратегически значимым примером успешного взаимодействия для всех стран, которые являются членами ЕАЭС или могут вскоре присоединиться к ЕАЭС на различных степенях интеграции.

Сотрудничество зависит от ряда факторов, и одним из важнейших является политическая стабильность внутри самих государств и политическая воля лидеров государств.

После распада Советского Союза наиболее обширными по территории и силе экономического потенциала оказались Россия, Украина и Казахстан. Казахское общество в силу особенностей политической культуры поддерживает сильного и единоличного лидера, в данном случае — Президента Н.А. Назарбаева. Ввиду зависимости проводимого курса от воли одного человека, что не гарантирует преемственность политического курса при смене власти, особую важность приобретает взаимный интерес и отсутствие в существующих договорах о военно-политическом взаимодействии России и Казахстана лоббирования исключительных интересов одной из сторон. Наиболее важные направления сотрудничества, которые явились прямым следствием военно-политического взаимодействия, прагматичность договоров и соглашений позволяет судить об их достаточной прочности вне зависимости от дальнейшего вектора развития политической системы Казахстана, возможные перспективы трансформации которой могут повлиять на интересы ведущих акторов мировой геополитики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Алтайбек С., Иванов Г.* Казахстан — Россия: тернистый путь к современной интеграции. Хронологическое собрание. 1731—2013 г. Алматы, 2014.
- [2] *Губайдуллина М., Кадирсызова Г.* «Зеленый мост»: экологическая инициатива Казахстана для развития Европейско-Азиатско-Тихоокеанского партнерства // Вестник КазНУ. 2012. № 4.
- [3] Договор между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о военно-техническом сотрудничестве // Официальный интернет-портал правовой информации. 2015. 20 ноября. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, № 0001201506160027.
- [4] Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между республикой Казахстан и Российской Федерацией, 25 мая 1992 г. // Сборник документов по международному праву. Алматы, 1998. Т. 1.
- [5] Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 г. Внешняя политика и безопасность современной России. М., 2002. Т. IV.
- [6] *Николаенко В.Д.* Организация Договора о коллективной безопасности (истoki, становление, перспективы). М.: Научная книга, 2004.
- [7] О ратификации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о сотрудничестве в области исследования и использования космического пространства в мирных целях. Федеральный закон от 04.06.2014 № 138-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. 2015. 10 декабря. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, № 0001201406040016.
- [8] *Парамонов В.* Россия и страны Центральной Азии: двустороннее сотрудничество в сфере безопасности // Центральная Азия и Кавказ. 2009. № 2(62).
- [9] Республика Казахстан: политическая модернизация. Сборник выступлений и статей / Под общей редакцией А.С. Сагынғали, Б.М. Каиповой. Алматы: Издательский дом «Таймас», 2008.
- [10] Российско-казахстанский договор о добрососедстве и союзничестве в XXI веке: полный текст // Kremlin.ru. 2015. 25 августа. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/1560>.

- [11] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о сотрудничестве в области исследования и использования космического пространства в мирных целях (Заключено в г. Астане 22.05.2008) // Сейчас.ру. 2015. 11 декабря. URL: <https://www.lawmix.ru/abrolaw/3060>.
- [12] Спутники связи. «КазСат-3» и «Луч» выведены на промежуточную орбиту // РИА Новости. 2015. 16 декабря. URL: <http://ria.ru/space/20140428>.
- [13] Указ Президента Российской Федерации от 05.01.2016 № 7 «О проведении в Российской Федерации Года экологии» // Официальный интернет-портал правовой информации. 2016. 15 января. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, № 0001201601080041.
- [14] Хартия Шанхайской организации сотрудничества // Центральный интернет-портал ШОС. 2015. 03 июня. URL: <http://www.infoshos.ru/?id=33>.
- [15] Ценности и идеалы независимого Казахстана. Коллективная монография / Под общей редакцией З.К. Шаукеновой. Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2015.
- [16] Uranium Mining Overview // World Nuclear Association. 2015. 5 июня. URL: <http://www.world-nuclear.org/info/Nuclear-Fuel-Cycle/Mining-of-Uranium/Uranium-Mining-Overview>.

MILITARY AND POLITICAL INTEGRATION OF RUSSIA AND KAZAKHSTAN AS A FACTOR OF STRENGTHENING BILATERAL COOPERATION

M.N. Shapkin

The Institute of Asian and African Studies
Lomonosov Moscow State University
Mohovaya str., 11/1, Moscow, Russia, 125009

The article deals with the modern stage of military and political relations between Russia and Kazakhstan.

The role of Organization of the Collective Security Treaty and the Shanghai Cooperation Organization in the fight against international terrorism is emphasized in the article. The article contains a profound analysis of main agreements between the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan and therefore defines areas of bilateral cooperation. It is concluded that the main areas of cooperation are the fight against international terrorism, strengthening of military capabilities, and the joint exploration of outer space.

Key words: security, agreement, integration, Kazakhstan, military partnership, strategic partnership, strengthening bilateral cooperation, factor of cooperation, international terrorism.

REFERENCES

- [1] Altajbek S., Ivanov G. Kazakhstan — Rossija: ternistyj put' k sovremennoj integracii. Hronologicheskoe sobranie. 1731—2013 g. Almaty, 2014.
- [2] Gubajdullina M., Kadirsizova G. «Zeljonyj most»: jekologicheskaja iniciativa Kazahstana dlja razvitija Evropejsko-Aziatsko-Tihookeanskogo partnjorstva. *Vestnik KazNu*. 2012. № 4.
- [3] Dogovor mezhdru Rossijskoj Federaciej i Respublikoj Kazahstan o voenno-tehnicheskom so-trudnichestve. *Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii*. 2015. 20 nojabrja. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, № 0001201506160027.

- [4] Dogovor o družbe, sotrudnicestve i vzajmnoj pomoshhi mezhdu respublikoj Kazahstan i Rossijskoj Federacije, 25 maja 1992 g. *Sbornik dokumentov po mezhdunarodnomu pravu*. Almaty, 1998. T. 1.
- [5] Dogovor o kolektivnoj bezopasnosti ot 15 maja 1992 g. *Vneshnjaja politika i bezopasnost' sovremennoj Rossii*. M., 2002. T. IV.
- [6] Nikolaenko V.D. Organizacija Dogovora o kolektivnoj bezopasnosti (istoki, stanovlenie, perspektivy). M.: Nauchnaja kniga, 2004.
- [7] O ratifikacii Soglashenija mezhdu Pravitel'stvom Rossijskoj Federacii i Pravitel'stvom Respubliki Kazahstan o sotrudnicestve v oblasti issledovanija i ispol'zovanija kosmicheskogo prostranstva v mirnyh celjah. Federal'nyj zakon ot 04.06.2014 № 138-FZ. *Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii*. 2015. 10 dekabnja. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, № 0001201406040016.
- [8] Paramonov V. Rossija i strany Central'noj Azii: dvustoronnee sotrudnicestvo v sfere bezopasnosti. *Central'naja Azija i Kavkaz*. 2009. № 2(62).
- [9] Respublika Kazahstan: politicheskaja modernizacija. Sbornik vystupenij i statej / Pod obshej redakciej A.S. Sagyngali, B.M. Kaipovoj. Almaty: Izdatel'skij dom «Tajmas», 2008.
- [10] Rossijsko-kazahstanskij dogovor o dobrososedstve i sojuznichestve v HHI veke: polnyj tekst. *Kremlin.ru*. 2015. 25 avgusta. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/1560>.
- [11] Soglashenie mezhdu Pravitel'stvom Rossijskoj Federacii i Pravitel'stvom Respubliki Kazahstan o sotrudnicestve v oblasti issledovanija i ispol'zovanija kosmicheskogo prostranstva v mirnyh celjah. Zakljucheno v g. Astane 22.05.2008. *Sejchas.ru*. 2015. 11 dekabnja. URL: <https://www.lawmix.ru/abrolaw/3060>.
- [12] Sputniki svjazi. «KazSat-3» i «Luch» vyvedeny na promezhutochnuju orbitu. *RIA Novosti*. 2015. 16 dekabnja. URL: <http://ria.ru/space/20140428>.
- [13] Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 05.01.2016 № 7 «O provedenii v Rossijskoj Federacii Goda jekologii». *Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii*. 2016. 15 janvarja. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, № 0001201601080041.
- [14] Hartija Shanhajskoj organizacii sotrudnicestva. *Central'nyj internet portal ShOS*. 2015. 3 ijunja. URL: <http://www.infoshos.ru/?id=33>.
- [15] Cennosti i idealy nezavisimogo Kazahstana. Kollektivnaja monografija / Pod obshej redakciej Shaukenovoj Z.K. Almaty: Institut filosofii, politologii i religiovedenija KN MON RK, 2015.
- [16] Uranium Mining Overview. *World Nuclear Association*. 2015. 05 ijunja. URL: <http://www.world-nuclear.org/info/Nuclear-Fuel-Cycle/Mining-of-Uranium/Uranium-Mining-Overview>.

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ СЕВЕРНОГО И ЮЖНОГО ЙЕМЕНА В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

В.А. Анникова, М.К. Хусейн

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Авторы статьи предпринимают попытку многостороннего анализа политико-исторических причин противостояния Северного и Южного Йемена и невозможности полноценного их объединения, а также вероятные последствия дальнейшей эскалации конфликта для Аравийского полуострова и всего ближневосточного региона.

Ключевые слова: интеграция, дезинтеграция, политическое противостояние, политико-идеологические приоритеты, исламский фундаментализм, национально-религиозные группы, межконфессиональные конфликты, сепаратизм, международно-региональная безопасность.

Сегодняшний Йемен — одна из беднейших экономически, но богатых историко-политическими событиями стран Ближнего Востока. С момента основания Йемен пережил множество революций, войн, переворотов. Более ста лет страна пребывала в расколотом состоянии, так как еще в 1839 г. британцы захватили и колонизировали ее южную часть, а на севере с 1872 г. царил сюзеренитет Османской империи.

С тех пор борьба за объединение стала смыслом существования множества национальных сил: от южан-социалистов до северян-монархистов. Поэтому процессы интеграции Севера и Юга, затянувшейся более чем на два десятилетия, даже после официального объединения все еще сопровождаются вооруженным противостоянием, вспышками агрессии и социально-экономическими потрясениями.

Для йеменцев раскол страны означал не только перманентное состояние войны, но и экономический кризис, нищету, социальное неблагополучие — все то, что они и так переживали на протяжении многих десятилетий. Начиная с 60-х гг. прошлого столетия в обеих частях государства произошло множество переворотов, пограничных столкновений, которые показали невозможность объединения государства насильственными методами и обусловили необходимость демократических преобразований для достижения единства.

Формальное объединение Йеменской Арабской Республики (ЙАР) и Народной Демократической Республики Йемен (НДРЙ) 22 мая 1990 г. не решило всех накопившихся проблем и не поставило окончательную точку в интеграционных процессах. Путь к становлению единого государства длился гораздо дольше, и события, сопровождающие годы после официального провозглашения Йеменской Республики (ЙР), носят далеко не мирный характер и указывают на наличие множества нерешенных проблем в государстве вплоть до сегодняшнего дня.

Одна из главных проблем интеграции современной Йеменской Республики состоит в том, что она была создана на основе двух разных государств — капита-

листического Севера и социалистического Юга, формировавших в течение десятилетий разные идейно-политические воззрения у своих граждан в силу дифференциации населявших эти страны племен и их религиозных предпочтений. После объединения двух государств в ЙР произошли заметные изменения в сфере идеологии. Несомненно, религиозно-племенной фактор сыграл большую роль в усложнении интегративных процессов.

Рассматривая роль ислама в формировании мировоззрения народа Йемена, оказавшего также влияние на процесс объединения, нужно учесть исторические предпосылки, которые поставили эту религию на главенствующее место в системе политико-идеологических приоритетов йеменцев. Есть несколько ключевых моментов, рассмотрение которых представляется важным для понимания сложностей, возникающих на пути интегративных процессов.

Первый фактор — это особенности распространения ислама на юге Аравийского полуострова, которые обеспечили возникновение межконфессионального конфликта между зейдитами и шафиитами. Второй фактор заключается в том, что в условиях доминирования племенных отношений ислам стал связующим звеном в социальной структуре общества. В-третьих, необходимо обратить внимание на идейно-политическое развитие каждой из частей Йемена до объединения и на роль ислама в формировании политической оппозиции в ЙР. Следующим важным аспектом распространения мусульманской религии стала политика исламизации, проводившаяся в целях недопущения распространения идей социализма после объединения страны. И последней важной предпосылкой является изменение в начале 90-х социально-экономических условий жизни людей, повлиявшее на широкое распространение идей исламского фундаментализма.

На сегодняшний день политика, проводимая ЙР в отношении распространения идеологии исламского фундаментализма, вызывает серьезную озабоченность мирового сообщества, влияя не только на внутригосударственные процессы, но и международно-региональную безопасность.

На фоне других острых проблем ЙР как одной из беднейших арабских стран, таких как высокий процент нетрудоспособного населения и безработицы, нехватка природных ресурсов, пресной воды, особо выделяется одно из главных исторически сложившихся противоречий религиозного характера — наличие приверженцев разных исламских вероучительных школ — шиитов-зейдитов и суннитов-шафиитов. В настоящее время практически все население ЙР исповедует ислам: суннитами-шафиитами являются 60%, шиитами-зейдитами — около 40%, поэтому проблема взаимоотношений между последователями двух основных конфессий является традиционной для Йемена [5].

Как отмечает специалист по Йемену Адиль Рида, лицам, добывавшимся власти, всегда было выгодно поддерживать религиозную раздробленность, которую они зачастую только усиливали для сохранения своих привилегий [8].

Такого рода корыстные устремления всегда являлись движущими силами йеменской оппозиции, выступавшей под различными идеологическими лозунгами. Интересы южан-шафиитов были ущемлены северянами-зейдитами, занявшими

все ключевые посты в политической и экономической сферах жизни объединенного Йемена. Но противоречия присутствуют не только на религиозном, но и на племенном уровне, представленном сепаратизмом северных шиитов-хуситов [6].

Устойчивость племенных отношений, особенно на Севере, объясняется социально-экономическими особенностями развития этой части Йемена. Фактически до сегодняшнего дня можно говорить о каждом йеменском племени как об отдельном государственном образовании, обладающем своей территорией, обычаями, порой не совпадающими с законами шариата. Это ведет к хозяйственно-экономической замкнутости каждого племени, а значит, создает предпосылки для вооруженной борьбы за свою территорию и права.

И действительно, до настоящего момента племена в Йемене представляют собой внушительную вооруженную силу — еще до объединения ЙР совокупные северные племена превосходили численностью армию ЙАР.

Племенные лидеры контролируют наиболее прибыльные, не всегда легальные сегменты экономики, к примеру торговлю оружием; еще одним распространенным видом деятельности племен является похищение иностранных граждан с целью выкупа.

Огромное влияние на развитие идеологических доктрин оппозиционных и правящих сил, а также племенных йеменцев оказывает мусульманская религия. Отсюда вытекает и традиция использования ислама для выражения политического протеста на Севере, заложенная еще во времена борьбы против османского завоевания: сопротивление развернулось под духовным знаменем зейдизма, выступавшего против официальной религиозной доктрины Османской империи.

Влияние религиозного фактора на идейно-политические установки значительно возросло в 90-е гг. — в пору особой сложности интегративных процессов. Помимо смены официальной идеологии государства прибавилась проблема конфессионального притеснения части жителей, результатом которого явились рост оппозиционно настроенных граждан и усугубление отношений между зейдитами и шафиитами.

Во многом росту оппозиционных сил способствовали и ухудшившиеся социально-экономические и политические условия. Оппозиционные настроения нашли свое выражение в идеологии исламского радикализма. Не последнюю роль в распространении по территории Йемена радикальных исламистских организаций сыграла нерешенность межплеменных проблем.

Благодатной почвой для распространения исламистской идеологии является Юг Йемена, где до недавнего времени царил атеистический социализм, разрушивший традиционные принципы мусульманской веры, а ее последующее возрождение происходило под надзором радикальных исламистов. Вдобавок свойственная данным территориям неблагоприятная социально-экономическая обстановка и переустройство родоплеменных отношений способствуют активизации маргинальных слоев населения, потребностям которых отвечает примитивная идеология исламского экстремизма.

Таким образом, борьба официальной власти против автономии и влияния племенных лидеров, проблема легитимности власти, религиозные конфликты между

шиитами и суннитами, множество различных политических сил, боровшихся за влияние на Севере; новая государственная идеология, кардинально изменившая экономическую систему и социальные роли в обществе, уничтожившая традиционные структуры власти и племенные формы организации общества на Юге — все эти факторы все больше и больше способствовали отдалению двух частей Йемена друг от друга.

Современный этап интеграции сопровождается возросшим количеством беспорядков, начавшихся еще весной 2009 г., и ожесточенным противостоянием между жителями северной и южной частей объединенного государства, пик которого пришелся на 2011—2012 гг.

Воодушевившись событиями «Арабской весны» [4] и воспользовавшись политическим хаосом вследствие накрывшей страну протестной волны против режима президента Салеха, движение мусульман-хуситов смогло нарастить свое влияние на севере ЙР.

Вооруженные столкновения, осуществляемые боевым крылом движения — группировкой «Ансар Аллах», велись не только с официальной властью, представленной избранным в 2012 г. Президентом Абд Раббу Мансур Хади, но и с другими силами — основной оппозиционной партией страны «Аль-Ислах», одним из самых влиятельных северных племен Хашид, а также террористической организацией «Аль-Каида на Аравийском полуострове» (АКАП) [12].

Первоначально оправданием шиитов была борьба против коррумпированной власти суннитского большинства и союза Йемена с США, а также требование автономии северной провинции Саада. Правительство, в свою очередь, опасалось их стремления восстановить свергнутую в 1962 г. теократическую власть при активной поддержке шиитского Ирана [2].

С сентября 2014 г. последовало радикальное изменение ситуации в стране, когда действующий руководитель Мансур Хади предпринял попытку покончить с влиянием бывшего президента Салеха и партии «Аль-Ислах». Хуситы, на стороне которых также выступают вооруженные отряды, лояльные Салеху [7], ответили на это захватом ряда государственных учреждений, столицы Йемена, городов Ибб, Дамар, некоторых северо-западных провинций, а также расположенного на Красном море города Ходейда [9].

В 2015 г. под контролем «Ансар Аллах» оказались премьер-министр, глава администрации президента, члены правительства и сам Президент, вынужденные подать в отставку.

В результате диалога сторон было достигнуто соглашение о создании новой конституции, предусматривающей трансформацию Йемена в федеративное государство и обеспечивающей всеобщее представительство в органах власти национально-религиозных групп, включая хуситов [1].

В это же время организация АКАП объявила о присоединении к «Исламскому государству» (ИГИЛ), а в Южном Йемене уже вовсю обсуждали восстановление независимости упраздненной в 1990 г. НДРЙ [3].

Мансур Хади по сей день остается признанным на международном уровне действующим главой государства, в то время как различные политические силы

Йемена при участии ООН ведут переговоры о формировании новых органов власти, мировое сообщество наблюдает полный провал интеграционных процессов и угрозу гражданской войны в ЙР [11].

Существуют весомые аргументы в пользу объединения, к которым можно отнести йеменский язык, представляющий собой смешанное гармонизированное продолжение языков Аравийского полуострова; общее арабское происхождение; единое географическое пространство — древние государства, возникавшие на территории Йемена, включали в себя земли и Севера и Юга, а иногда даже занимали всю территорию ЙР.

Независимо от того, что ЙР населяют множество племен, их всегда сближала идея единого государства и гордость за свою историю. Все же сегодня в Йемене не наблюдается краткосрочной перспективы разрешения политического кризиса. Отчасти это обусловлено невозможностью создания устойчивой власти, которая бы устраивала все конфликтующие силы: в любом случае кто-то из лидеров останется в стороне от управления государством, а каждый из них имеет как огромные амбиции, так и силовые ресурсы. К тому же Юг Йемена является не только основной территорией деятельности «Аль-Каиды», но и важной зоной контроля морских сообщений через Аденский залив и Красное море. Здесь проходит около половины мирового балкерного транзита, треть контейнерных и четверть танкерных перевозок мировой нефти [10].

Таким образом, полное отсоединение северных провинций может активизировать шиитский протест во всех близлежащих странах залива, который, несомненно, будет поддержан Ираном. В свою очередь, результатом автономизации шафиитских провинций на Юге и укрепления позиций ИГИЛ может стать значительное увеличение притока боевиков на мировую террористическую арену и расширение связей йеменских радикалов с их собратьями на африканском континенте. Такое развитие ситуации придаст новый импульс исламскому радикализму и мировому терроризму.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] В Йемене достигнуто предварительное соглашение о прекращении огня // Newsru.co.il. 21.01.2015. URL: http://newsru.co.il/mideast/21jan2015/yemen_711.html.
- [2] В Йемене убиты 34 боевика «Аль-Каиды», планировавшие теракты против иностранцев // Newsru.com. 17.12.2009. URL: <http://www.newsru.com/world/17dec2009/yemen.html>.
- [3] Возрождение оплота СССР на Ближнем Востоке: Южный Йемен взял курс на независимость // Orientalexpress.info. 27.01.2015. URL: http://orientalexpress.info/news/hirak_janub.
- [4] Иванов В.Г. «Естественный уровень образования» как фактор стабильности политического режима. Часть II // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2012. № 1.
- [5] ЙЕМЕН. Энциклопедия Кругосвет. Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/strany_mira/EMEN.html?page=0,1#part-8.
- [6] Коротаев А.В. Социальная история Йемена, X в. до н.э. — XX в. н.э.: вождества и племена страны Хашид и Бакил. М.: Ком Книга, 2006.
- [7] Новая «арабская весна» или мятежники против исламистов: что происходит в Йемене // Tass.ru. 23.03.2015. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1847523>.

- [8] *Рида Адиль*. Мухавалят ли фахм ас-саура аль-йаманийя (Попытка понять йеменскую революцию). Каир, 1974 (на араб. яз.).
- [9] Салех: победа хуситов не приведет к росту влияния Ирана в Йемене // *Ria.ru*. 13.11.2014. URL: http://ria.ru/arab_je/20141113/1033157816.html.
- [10] *Сатановский Е.* Детонатор будущего катаклизма на Ближнем Востоке // *Военное обозрение*. 14.09.2010. URL: <http://vprk-news.ru/articles/6248>.
- [11] СМИ: сторонники движения «Ансар Аллах» в Йемене объявили всеобщую мобилизацию // *Tass.ru*. 21.03.2015. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1846257>.
- [12] Шиитское движение хоуситов в Йемене. Досье. Биографии и справки // *Tass.ru*. 20.01.2015. URL: <http://tass.ru/info/1709704>.

PROBLEMS OF INTEGRATION OF NORTH AND SOUTH YEMEN IN THE CONTEXT OF REGIONAL POLITICAL PROCESSES

V.A. Annikova, M.K. Hussein

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The authors of the article attempt the analysis of multilateral political and historical reasons for the opposition of North and South Yemen and the complete as well as the probable consequences of further escalation of the conflict on the Arabian Peninsula and the entire Middle East region.

Key words: integration, disintegration, political opposition, political-ideological priorities, Islamic fundamentalism, national-religious groups, religious conflicts, separatism, international regional security

REFERENCES

- [1] V Jemene dostignuto predvaritel'noe soglasenie o prekrashhenii ognja. *Newsru.co.il*. 21.01.2015. URL: http://newsru.co.il/mideast/21jan2015/yemen_711.html.
- [2] V Jemene ubity 34 boevika «Al'-Kaidy», planirovavshie terakty protiv inostrancev. *Newsru.com*. 17.12.2009. URL: <http://www.newsru.com/world/17dec2009/yemen.html>.
- [3] Vozrozhdenie oplota SSSR na Blizhnem Vostoke: Juzhnyj Jemen vzjal kurs na nezavisimost'. *Orientalexpress.info*. 27.01.2015. URL: http://orientalexpress.info/news/hirak_janub.
- [4] Ivanov V.G. «Estestvennyj uroven' obrazovaniya» kak faktor stabil'nosti po-liticheskogo rezhima. Chast' II. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Politologija*. 2012. № 1.
- [5] JEMEN. Jenciklopedija Krugosvet. Universal'naja nauchno-populjarnaja onlajn-jenciklopedija. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/strany_mira/EMEN.html?page=0,1#part-8.
- [6] Korotaev A.V. Social'naja istorija Jemena, X v. do n.je. — XX v. n.je.: vozhdstva i plemena strany Hashid i Bakil. M.: Kom Kniga, 2006.
- [7] Novaja «arabskaja vesna» ili mjatezhniki protiv islamistov: chto proishodit v Jemene. *Tass.ru*. 23.03.2015. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1847523>.
- [8] Rida Adil'. Muhavaljat li fahm as-saura al'-jamanijja (Popytka ponjat' je-menskuju revoljuciju). Kair, 1974 (na arab. jaz.).

- [9] Saleh: pobeda husitov ne privedet k rostu vlijanija Irana v Jemene. *Ria.ru*. 13.11.2014. URL: http://ria.ru/arab_je/20141113/1033157816.html.
- [10] Satanovskij E. Detonator budushhego kataklizma na Blizhnem Vostoke. *Voенное обозрение*. 14.09.2010. URL: <http://vpk-news.ru/articles/6248>.
- [11] SMI: storonniki dvizhenija «Ansar Allah» v Jemene ob#javili vseobshhju mobilizaciju. *Tass.ru*. 21.03.2015. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1846257>.
- [12] Shiitskoe dvizhenie housitov v Jemene. Dos'e. Biografii i spravki. *Tass.ru*. 20.01.2015. URL: <http://tass.ru/info/1709704>.

РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ ИРАНА В СТРАНАХ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА (на примере Бахрейна, Саудовской Аравии и Кувейта)

Ю.И. Ильина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
ул. Моховая, 11-1, Москва, Россия, 125009

В данной статье автор рассматривает эволюцию религиозно-политического влияния Ирана на страны Персидского залива на примере некоторых из них. В статье затрагиваются этнические, теологические и собственно политические аспекты иранского влияния в так называемых «нефтяных монархиях».

Автор анализирует истоки возникновения крупнейших транснациональных шиитских религиозно-политических движений, таких как «Ад-Дава» и «Харакят Ар-Рисаля», тесно связанных с шиитским духовенством Наджафа и Кербелы. Их взаимоотношения с иранским шиитским духовенством, пришедшим к власти в Иране после революции 1979 г., не были однозначными. В равной мере не было однозначным и отношение лидеров данных движений к иранскому режиму.

Помимо вышеназванных организаций в статье рассматриваются и становление локальных шиитских политических движений, играющих в настоящее время ведущую роль в странах Персидского залива, несмотря на заявления о вездесущей «руке Ирана».

Ключевые слова: Бахрейн, ислам, исламское правление, исламская революция, Иран, Кувейт, политическое влияние, религия, Саудовская Аравия, шиизм.

Международные отношения между Ираном и странами Персидского залива были неоднозначными на протяжении многих столетий. Главными факторами здесь выступали межэтнические и конфессиональные различия. При этом арабами Аравийского полуострова Персия, а затем Иран воспринимались как угроза их независимости (как в до, так и после обретения национального суверенитета арабскими арабами. Причем не меньшие опасения с их стороны вызывала и политика Ирана в правление Мохаммада Реза Пехлеви страны Персидского залива воспринимались шахским Ираном, который в международных кругах рассматривали чуть ли не местной державой — «жандармом Персидского залива», исключительно как сфера своего политического влияния. Так, в 1959 г. Меджлис (иранский парламент) даже провозгласил Арабские Эмираты (ставшую впоследствии ОАЭ) иранской провинцией, а в 1971 г. не признал факт провозглашения независимости ОАЭ [11].

В политических международных условиях на БСВ второй половины XX-го в., когда практически весь арабский мир находился в политической (а некоторые арабские государства временами и в военной) конфронтации с Израилем, Иран проводил в отношении Тель-Авива более лояльную политику.

Лояльность правительства шаха к Израилю выражалась в том, что Иран, вопреки решению всех арабских стран, имел некоторые экономические и политические контакты с Тель-Авивом, в частности, продавал нефть в эту страну. Данные

обстоятельства подогревали неприязнь к Тегерану в арабском мире. Более того, в 1960-м г. Иран признал Израиль, что повлекло разрыв дипломатических отношений с Египтом.

После Исламской революции 1979 г. в Иране и провозглашения ИРИ противостояние Ирана и стран Персидского залива еще более обострилось. Дело в том, что духовный лидер Ирана Р. Хомейни призвал к экспорту Исламской революции, и первую очередь в эти страны с целью их освобождения от «рабской зависимости» от Запада. Активная деятельность и нарастающее влияние организации «Хизбалла» в Ливане укрепило отношение к Ирану как к потенциальной угрозе всем правящим режимам так называемых «нефтяных монархий», хотя при этом в правящей элите Ирана существовало и существует как минимум два диаметрально противоположных подхода к концепции «вилаят-е-факих». Данный фактор по существу касается непосредственно только внутренней идеологической и политической жизни ИРИ [8. Р. 90—120.].

Так, рассматривая собственно иранскую политическую сферу, следует отметить, что «консерваторы» во главе с аятоллой Джаннати и аятоллой Месбахом Язди придерживаются позиции, что власть «вали-факиха», как и власть «Пречистых Имамов», которых он замещает, должна быть абсолютной, и «Шура» («Верховный совет»), состоящий только из улемов, обладает лишь консультативными полномочиями.

«Умеренные» улемы, лидером которых является аятолла А. Хашеми-Рафсанджани, бывший Президент Ирана М. Хатами, а также нынешний Президент Х. Роухани, относятся к так называемым «реформаторам» (Ислах талабан). Эти «реформаторы» являются сторонниками сохранения светско-республиканской формы правления и совершенствования демократических механизмов.

Иранское влияние не следует связывать лишь религиозной общностью между шиитами Ирана и шиитскими общинами Саудовской Аравии, Бахрейна, Кувейта и других стран. Необходимо учитывать, что шиитские религиозно-политические движения в странах Персидского залива зародились еще до Исламской революции 1979 г. и не были связаны с иранским шиитским духовенством.

В конце 1960-х — начале 1970-х гг. наиболее крупными шиитскими религиозно-политическими движениями были «Харакат ар-рисаля» и «Ад-Дава» (Призыв). «Ад-Дава», возникшее в иракском городе Наджафе — одном из крупнейших шиитских религиозных центров, представляло интерес «традиционного» шиитского духовенства Ирака и имело свои филиалы в Кувейте, Бахрейне и ОАЭ. Ее основателем являлся Мохаммад Садык Камуси [1].

Другим крупным движением было «Харакат ар-рисаля» (Движение «Послание»), руководимое великим аятоллой Мухамадом аль-Хусейни аш-Ширази¹ из Кербелы — главной святыни шиитов². Оно создало разветвленную сеть филиа-

---

¹ В связи с этим движение также именуют «ширазиун», что означает «последователи Ширази».

² В битве неподалеку от г. Кербела 9—12 октября 680 г. был убит имам Хусейн — внук пророка Мухаммада.

лов в шиитских общинах Бахрейна, Кувейта, Саудовской Аравии. Между этими шиитскими образованиями существовали определенные идеологические и организационные противоречия.

После Исламской революции в Иране оба эти движения стали пропагандировать идеи «исламского правления» Хомейни при материальной и организационной поддержке со стороны иранского правительства. Однако конкуренция между ними не ослабевала.

С 1982 г. иранцы стали создавать собственные так называемые «освободительные движения», подконтрольные непосредственно Тегерану и не связанные с иракским духовенством. Иранское духовенство сделало ставку на движение «Ад-Дава», так как оно поддерживалось авторитетными муджтахидами Наджафа.

В то же время деятельность «Харакат ар-Рисаля» стала активно подавляться иранцами. Их сторонники в Иране были подвергнуты преследованиям, а многие из них — арестованы. В ответ Мохаммад аш-Ширази подверг иранское правительство жесткой критике, указав на «диктаторские замашки» Хомейни [4]. Последователи Ширази с тех пор выработали свою модель исламского правления, тогда как идеологической основой движения «Ад-Дава» вплоть до сегодняшнего дня остается концепция «вилаят-е-факих».

В частности, аш-Ширази выступил против концепции единоличного наместника «Пречистых имамов» на Земле, «вали-факих», и считал, что в качестве духовного лидера мусульман должен выступать совет ученых, включающий представителей различных религиозно-правовых школ ислама — мазхабов.

С другой стороны, аш-Ширази крайне негативно относился к концепции национального государства и считал ее греховным новшеством (бид'а), создающим препятствия для объединения исламской «уммы». Проживая в Ираке, он демонстративно не имел паспорта и не получал никаких разрешений на проживание в этой стране. Однако из собственного интервью аятоллы аш-Ширази стало известно, что его отец имел иранское подданство и до конца своей жизни не отказывался от него. Его родственники в большинстве своем живут в настоящее время в Иране, хотя и называют Кербелу своей родиной (ватан). Родословные многих шиитов, коренных жителей стран Персидского залива, как и в случае с шейхом аш-Ширази, восходят к Ираку или Ирану [5. Р. 100—101].

На сегодняшний день шиитские общины в странах Персидского залива не являются политически однородными конфессиями. Вместе с тем их идеологическое мышление формируется под влиянием двух основных теоретических центров шиизма — Наджафа и Кума.

При этом стоит отметить, что их идеологическая палитра не ограничивается либо доктриной Хомейни или же традиционными шиитскими представлениями о том, что подлинно исламское государство может быть создано только после пришествия имама Махди. Духовенство в тех же Куме и Наджафе разделено как на полностью поддерживающих идеи Хомейни, так и на сторонников их критического осмысления.

Анализируя роль шиитских общин в общественной жизни стран Персидского залива, нельзя не заметить, что существующие противоречия между ними, с одной

стороны, и их соотечественниками-суннитами — с другой носят не только религиозный, но и этнический характер.

Особенное противостояние наблюдается в Бахрейне.

В отличие от других соседних арабийских стран здесь шииты являются не меньшинством, а большинством местного населения, составляя около 74% процентов мусульман (при том, что последние формируют 70% населения Бахрейна) численностью около 390 тыс. чел. [3].

В Бахрейне шииты именуют себя «Бахрани» и считают себя коренными жителями данной территории, а суннитов называют «Араб», то есть бедуинами, пришедшими из глубины Аравийского полуострова. Кроме того, шиитское население Бахрейна и восточных провинций Саудовской Аравии имеют общий языковой диалект, который отличается от того, на котором говорят местные сунниты [2. Р. XXII].

В Бахрейне последователи «Харакят ар-Рисалия» создали собственную политическую партию «Джамаат уль-амаль уль-исламия» («Общество исламского действия») и, объединившись с другими шиитскими группами в партию «Аль-Вифак» («Согласие»), имеют представительство в парламенте. Их сторонники идеологически противостоят другой части проирански настроенного шиитского духовенства, представленному движением «Ад-Дава» и основателем филиала этого движения в Бахрейне шейхом Исой Касемом. Поэтому они до настоящего времени не оформились в единую, организованную политическую силу.

Правящий режим Бахрейна всячески подавляет деятельность всех «проиранских» шиитских организаций. Репрессивная политика правительства Бахрейна по отношению к шиитам, усилившаяся после протестов 2011 г., сопровождается рядом грубых нарушений внутреннего законодательства (не говоря уже о международных конвенциях), а также дискриминацией шиитского населения в сфере образования, трудовых отношений, судопроизводства [9. Р. 9—10]. Такой политический курс в отношении шиитов поддерживается ближайшим союзником правящего режима Бахрейна — Саудовской Аравией. Данный фактор еще более подталкивает бахрейнцев к поиску союзников за рубежом, и в первую очередь в Иране.

Шиитское население Саудовской Аравии исторически проживает в восточной части страны, богатой нефтью, и составляет около 24,8% от общей численности населения, или 4 млн 310 тыс. чел. [3].

С начала формирования социальной стратификации саудовского общества шиитам традиционно отводились самые низшие позиции. Безусловно, в Саудовской Аравии, как и в других арабских государствах Персидского залива, на такое социальное положение шиитской общины повлиял религиозный фактор. Ваххабизм, являющийся идеологическим ориентиром правящего режима династии Саудов, не признает шиитские мазхабы и считает их последователей неверующими [7. Р. 8]. Более того, шииты подвергаются дискриминации в сфере образования, а также в доступе в органы государственного управления, полицию и вооруженные силы.

Такая ситуация создает благодатную почву для роста недовольства в среде шиитов и активизации радикальных группировок. Одной из таких групп является «Хизбалла-уль-Хиджаз» («Хизбалла в Хиджазе»), главной целью которой является свержение власти династии Саудов и создание на территории Саудовской Аравии исламской республики по образцу Ирана.

«Хизбалла в Хиджазе» является малочисленной радикальной группой, которая находится вне закона и обвиняется властями страны в совершении ряда террористических актов [10]. Ее возникновение напрямую связано с обострением ирано-саудовских отношений, произошедшего после революции 1979 г., и связанного с этими событиями усилением дискриминации местных шиитов. Если до этого саудовский режим видел в шиитах меньшинство, которое со временем ассимилируется, то после указанной Исламской революции стал воспринимать шиитов как потенциальных агентов влияния Ирана и как угрозу собственной власти.

Большинство саудовских шиитов, судя по опросам, не восприняли иранскую революцию 1979 г. как сигнал к свержению саудовского правящего режима. Вместе с тем события в Иране воодушевили определенную часть шиитской общины к более открытому исповеданию своей веры.

В настоящее время «Харакат ар-рисаля» охватывает в Саудовской Аравии подавляющее большинство шиитского населения. Благодаря таким харизматичным религиозным деятелям, как шейх Хасан Ас-Сафар и шейх Нимр ан-Нимр, местные шииты стали мощной и сплоченной силой, которая обладает серьезным материальным и человеческим ресурсом. Эта партия имеет и свою собственную политическую программу, направленную на решение локальных задач во имя укрепления потенциала шиитской общины в стране. Как и в 1980-х гг., шиитская община королевства оказывается вовлеченной в международную политику. Беспорядки в Бахрейне, имеющие под собой этническую и межконфессиональную основу, а также гражданская война в Йемене, где правительство Саудовской Аравии продолжает безуспешно бороться с «фантомами иранского влияния», приводят в итоге к реальному усилению авторитета ИРИ в шиитской среде (и не только в ней), как в Йемене, так и в Саудовской Аравии [6].

Так называемую «Кувейтскую модель» взаимоотношений между суннитами и шиитами зачастую называют «образцовой» для стран Персидского залива в том смысле, что здесь, в отличие от Бахрейна, Катара и Саудовской Аравии, шииты практически не подвергаются дискриминации и имеют соответствующий доступ к участию в деятельности органов государственной власти.

Представляется нелишним отметить, что с этнической точки зрения шиитская община Кувейта сформировалась из местного шиитского населения (бахрани), а также из эмигрантов из Ирака и Ирана (аджами). Численность шиитов составляет примерно 22,8% населения страны, или 210 тыс. человек [3].

Тем не менее, Исламская революция в Иране оказала мощное мобилизующее действие и на шиитскую общину Кувейта. Однако Кувейт, в силу своего географического положения и небольших размеров территории, находился под влиянием как Саудовской Аравии, так и Ирана. Поддержка кувейтским правительством Ира-

ка во время ирано-иракской войны привело к радикализации части шиитской общины и ее сближению с проиранскими организациями, ставившими своей целью «экспорт» исламской революции в страны Персидского залива.

Как известно, революционный «проект» Р.Х. Хомейни не предполагался исключительно шиитским, тем не менее, геополитические и этнические особенности политического положения в зоне Персидского залива привели к нагнетанию межконфессиональной напряженности в этой стране. Немалую роль в этом сыграли насильственные акции, осуществленные иранскими агентами влияния, как например, захват гражданского самолета (рейс 422 Бангкок—Кувейт) членами ливанской «Хизбаллы» в 1988 г. [12].

После оккупации Кувейта Ираком в 1990-м г. трения между суннитами и шиитами несколько сгладились, так как они в равной степени столкнулись с политикой ассимиляции со стороны правительства Саддама Хусейна.

В результате высокого уровня интеграции шиитов — сторонников Аш-Ширази в кувейтские органы власти они оказались в меньшинстве в шиитском представительстве в общественной жизни Кувейта сравнительно с «проиранской» партией, известной под названием «Исламский национальный союз». Если «Харакат ар-рисаля» в настоящее время имеет в парламенте одного представителя — Салеха Ашура, то их противники — троих. Тем не менее, благодаря поддержке правительства им удалось объединить несколько шиитских групп в политическую партию «Итиляфат-таджаму аль-ватанийя» («Коалиция патриотических групп»).

Участие Кувейта в гражданской войне в Йемене в составе коалиционных сил во главе с Саудовской Аравией не может не сказаться и на межконфессиональных отношениях. Так, шиитский депутат Дашти посетил Иран, где побывал в доме Имада Мугнии, известного деятеля «Хизбаллы» и участника захвата самолета в Кувейте, о котором упоминалось выше. Данная поездка вызвала крайне негативную реакцию со стороны суннитов, обвинивших шиитского парламентария в лояльности Ирану.

Подводя итоги, следует отметить следующие объективные и субъективные факторы активности ИРИ в арабийских странах.

1. Вследствие дискриминационной политики правительства Бахрейна, Саудовской Аравии и отчасти Кувейта по отношению к шиитскому населению и отсутствия каких-либо перспектив к изменению данного положения (за исключением Кувейта), религиозно-политическое влияние Ирана усилилось и продолжает усиливаться.

2. Усиление влияния Ирана может быть катализировано успехами Исламской республики вследствие ликвидации радикальных группировок, поддерживаемых Саудовской Аравией и Катаром в Сирии и Ираке, а также неудачным завершением военной кампании Саудовской Аравии и их союзников в Йемене.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Dagher S.* Ex-Hussein Officials and Others Go on Trial // *The New York Times*. 28 December 2008.
- [2] *Holes C.* Dialect, Culture and Society in Eastern Arabia // *Glossary*. Leiden, 2001. Vol. 1.

- [3] *Izady M.* Persian Gulf Religious composition map. URL: <http://gulf2000.columbia.edu>.
- [4] *Louer L.* The Limits of Iranian Influence Among Gulf Shi'a. 2015. URL: <https://www.ctc.usma.edu>.
- [5] *Louer L.* Transnational Shia Politics. Religious and Political Networks in the Gulf. London, 2008.
- [6] *Milani M.* Iran's Game in Yemen. Why Tehran Isn't to Blame for the Civil War // The Foreign Affairs. 2015. URL: <https://www.foreignaffairs.com>.
- [7] *Perazzo B.* On being Shia in Saudi Arabia. URL: <http://www.gulfinstitute.org>.
- [8] *Ramazani R.K.* Independence without Freedom: Iran's Foreign Policy. Charlottesville, 2013.
- [9] Shia Rights Watch. Bahrain 2014. The Lost Generation. URL: <http://shiarightswatch.org>.
- [10] Tracking terrorism website. URL: <http://www.trackingterrorism.org>.
- [11] *Troudi M.* L'Iran et les pays arabes, une relation ambivalente et compliquée. URL: <http://www.politique-actu.com>.
- [12] الكويت أزمات تتجاوز ابراهيم الهطلاني الطائفية. URL: <http://www.al-monitor.com>.

IRANIAN RELIGIOUS AND POLITICAL INFLUENCE IN PERSIAN GULF COUNTRIES (Bahrain, Saudi Arabia and Kuwait)

Yu.I. Ilyina

Lomonosov Moscow State University
Mohovaya str., 11/1, Moscow, Russia, 125009

This article is focuses on evolution of Iranian political influence in Persian Gulf countries. It examines theological and political aspects of such influence and its consequences for the region.

The author analyses origins of the transnational Shia movements such as “Harakat ar-Risala” and “ad-Dawa” linked with traditional Shia institutions at Najaf and Kerbela, and its ambiguous relationships with post-revolution Iranian elite. In the same way, not all of Shias of Persian Gulf was “fascinated” by “Islamic revolution” in Iran and became admirers of R. Khomeini’s conception of “*vilayat-e-faqih*”.

In addition, the author traces history of local political Shia movements, that are, in fact, more influential on domestic politics of Gulf countries that mythical “Iran’s hand”.

Key words: Bahrain, Islam, Islamic rule, Islamic revolution, Iran, Saudi Arabia, political influence, Religion, Shia Islam, Kuwait

---

РОЛЬ РОССИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ ПО БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ

А.А. Уранян

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В настоящей статье исследуется роль России в международном сотрудничестве, направленном на борьбу с терроризмом. Автор анализирует антитеррористическую деятельность России со времен войны в Чечне в 1990-е гг. и до настоящего времени. В статье отмечается, что государство регулярно выступает с полезными профильными инициативами на мировой арене и действует в рамках международного права в процессе принятия решений и при проведении соответствующих операций. Особое внимание уделяется событиям, произошедшим в 2015 г., когда Россия начала решительную борьбу с терроризмом в Сирии, став единственным государством, которое осуществляет контртеррористические действия по официальной просьбе легитимного президента Сирии: автор дает оценку данным событиям и делает прогноз о развитии ситуации в обозримом будущем. В данной статье в процессе анализа используются комплексный, логический и исторический подходы, конкретизация, а также методы индукции, дедукции и прогнозирования, благодаря им удалось, в частности, целостно и системно охарактеризовать современную роль России в международном сотрудничестве по борьбе с терроризмом и разработать наиболее эффективную для государства линию поведения в обозримом будущем.

Ключевые слова: международный терроризм, Россия, Сирия, международное право, сотрудничество государств

Российская Федерация стала одним из первых государств, которое столкнулось с международным терроризмом во всех его современных наиболее опасных формах. В 1990-е гг. во времена Первой и Второй войны в Чечне на территории этой республики действовали боевики-наемники из 50 разных стран мира, каждая из которых преследовала свои собственные интересы в России. При этом многочисленные теракты осуществлялись в Москве и других городах России, в Беслане была захвачена террористами школа, в результате чего погибло много людей. Все это продемонстрировало реальную угрозу современного международного терроризма, для противодействия которому должны быть приложены все возможные усилия внутри страны и на мировой арене.

Российская Федерация является активным участником предпринимаемых мировым сообществом совместных антитеррористических действий, государство внесло большой вклад в формирование и укрепление международной антитеррористической коалиции, которая была создана США сразу после трагических событий 11 сентября 2001 г. [4. С. 31].

Россия проводила сбалансированную и неконфронтационную внешнюю политику, твердо и последовательно отстаивая приоритет международного права и центральной роли ООН в решении главных мировых проблем, благодаря чему ей неоднократно удавалось избежать раскола в рядах международной антитеррористической деятельности, вызванного односторонним проведением военной опе-

рации США и их союзников в Ираке. Во многом вследствие грамотной политики России были разработаны и утверждены резолюции СБ ООН, которые помогли найти выход из сложнейшего иракского кризиса и восстановить пошатнувшееся единство международного сообщества, включая вопросы противодействия международному терроризму.

Российская Федерация выступила с инициативой формирования под эгидой ООН Глобальной стратегии противодействия новым угрозам и вызовам на основе норм и принципов действующего международного права. Время подтвердило значимость и актуальность данной инициативы, которая получила широкую поддержку в мире. На 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН была консенсусно принята новая резолюция, предложенная Россией с целью конкретизировать последующие шаги международного сообщества по разработке Глобальной стратегии.

Инициатива России получила практическое воплощение при формировании по решению Генерального секретаря ООН К. Аннана Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам («Группа мудрецов»), которая должна была разрабатывать рекомендации по механизмам и инструментам коллективного противодействия современным глобальным вызовам и угрозам [5. С. 25].

Россия поддержала единогласное принятие СБ ООН резолюции 1535 (март 2004 г.) о проведении реформы Контртеррористического комитета СБ ООН (КТК) в целях повышения его организационного и экспертного потенциала, эффективности деятельности, направленной на совместную практическую работу государств в борьбе с международным терроризмом.

Данное значимое решение СБ ООН закрепило КТК как координирующий центр международной антитеррористической деятельности под эгидой ООН и при этом подтвердило общий настрой мирового сообщества на последующее развитие консолидированных механизмов противодействия современным вызовам и угрозам. Россия способствует укреплению взаимодействия КТК с основными региональными и международными организациями, в том числе СНГ, ОДКБ, ШОС.

Россия также инициировала в рамках СБ ООН разработку и принятие в конце апреля 2004 г. резолюции 1540 о недопущении попадания ОМУ и средств его доставки к негосударственным субъектам, в первую очередь к террористам и преступникам.

Поддерживая все существующие направления международно-правового укрепления антитеррористического взаимодействия, Россия настаивает на скорейшем согласовании в ООН проектов Всеобъемлющей конвенции по международному терроризму и Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма. В настоящее время еще не удалось преодолеть имеющиеся в мире разногласия относительно самого определения терроризма, четко разграничить терроризм от борьбы за самоопределение, оценивается целесообразность распространения действия данных документов на спецслужбы и вооруженные силы государств, а также анализируется правомерность обладания ядерным оружием [7. С. 19].

Главным элементом в комплексе российских мер противодействия международному терроризму является пресечение каналов его финансирования. Для реа-

лизации международных обязательств и положений внутренних документов национальное законодательство России было приведено в соответствие с международными стандартами. Основным в этом отношении стало внесение изменений в январе 2003 г. в Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [10], которые потребовались для выполнения на практике «восьми специальных рекомендаций» по противодействию финансированию терроризма, сделанных ранее Группой разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ).

Проведенные изменения законодательства и практические меры были по достоинству оценены специальной миссией ФАТФ. Ее отчет прозвучал на июньском (2003 г.) пленуме ФАТФ, после которого Россия стала постоянным членом этой группы. В октябре 2003 г. на пленуме ФАТФ Россия была объявлена уже полноправным членом.

Имеющиеся достижения на пути противодействия финансированию терроризма, создания в этих целях адекватных национальных механизмов и процедур позволили государству выйти на более высокий уровень международного сотрудничества, прежде всего в том, что относится к повышению эффективности противодействия финансированию терроризма в зонах традиционных российских приоритетных интересов, например в СНГ.

В 2015 г. если, по выражению министра иностранных дел России С.В. Лаврова, измерять его «внешнеполитическим аршином», был не просто насыщенным, но перенасыщенным событиями, которые в своем преимуществе являются эпохальными и формируют новую международную реальность для России, где государству принадлежит особая роль. Россия по обращению Президента Сирии Б. Асада обеспечивает военно-воздушные удары по позициям боевиков ИГ. Специалисты говорят, что за 4 месяца своей работы Россия продемонстрировала намного лучшие по сравнению с антитеррористической коалицией во главе с США результаты, при этом были задействованы и силы военно-морского флота России. Стало очевидным, что без нее невозможно уже решение ни одной серьезной геополитической проблемы в мире [11. С. 8—9].

В 2015 г. цепная реакция распространения терроризма вышла за пределы Ближнего Востока. «Воины джихада» сбили российский самолет с туристами, летевший из Египта, устроили серию терактов в Париже (Франция), Сан-Бернардино (США, Калифорния). Только в 2015 г. в мире возникло порядка 30 эксклавов, включая эксклавы на Кавказе и в Центральной Азии, где говорят о намерении встать под черные знамена ДАИШ (ИГ).

Свыше 15 000 исламистов из разных экстремистских группировок присягнули на верность «халифату» в Египте и Ливии, Алжире и Тунисе, Иордании и Марокко, Йемене и Турции, в Афганистане, Узбекистане, Пакистане, Нигерии, Нигере, Мали, Чаде. В одних только Ираке и Сирии на стороне ДАИШ сражаются выходцы из 100 государств мира. При этом в первую тройку языков «межнационального общения» в террористическом интернационале после арабского и английского языков входит русский язык, поскольку на нем говорят боевики, приезжающие из государств постсоветского пространства.

На 70-й юбилейной сессии ООН в Нью-Йорке Президент России В.В. Путин предложил мировому сообществу оказать решительное противодействие международному терроризму. Он в очередной раз обратил внимание всех государств на необходимость в своей деятельности руководствоваться «общими интересами в рамках соблюдения международного права», объединить усилия для борьбы с терроризмом, создать широкую, «наподобие антигитлеровской», антитеррористическую коалицию [2].

Однако инициатива В.В. Путина Западом не была поддержана. Эти государства считают законно избранного Президента Сирии большим злом по сравнению с террористами. В сложившейся ситуации Россия приняла официальное обращение руководства Сирии, и 30 октября 2015 г. Совет Федерации ФС РФ по соответствующему запросу Президента России В.В. Путина единогласно одобрил применение вооруженных сил России за рубежом, и государство начало противостоять ИГ на дальних подступах [13. Р. 39].

Ударты ВКС РФ по объектам террористов в Сирии удивили Запад, которому пришлось адаптировать свои стратегии под новую реальность участия в конфликте России, поскольку именно она не дает США и НАТО представить свою позицию в качестве единого мнения всего мирового сообщества.

Спровоцированная западными демократиями и арабскими монархиями «гибридная война» в Сирии, которая длится уже 5 лет и захват ИГ внушительных территорий Сирии и Ирака обеспечили создание гибкой и разветвленной структуры с влиятельными покровителями мировой политики и финансов. Данное квазигосударство уничтожить только ракетными ударами невозможно, поскольку его существование поддерживается международным криминалом и жадной наживы.

Дополнительные трудности в противостоянии терроризму вызывает еще и то обстоятельство, что концепции «глобального лидерства» и «глобального доминирования» в настоящее время являются основными во внешней политике США. При этом доминировать и лидировать намного удобнее в ослабленном и фрагментарном мире на больших хаотизированных пространствах (так называемые «серые зоны»). Данному миру, по логике западных государств, совершенно не нужны национальные сильные и суверенные государства, также как не нужно ему и международное право равных, а именно эти основы международной жизни активно защищает и отстаивает сегодня Россия [3. С. 10].

В этом смысле Россия не просто ведет борьбу с международной террористической угрозой, но и препятствует развитию разрушительных процессов, которые грозят полностью изменить политическую карту на Ближнем Востоке, где уже не будет национальных арабских государств, а ливийцы, иракцы, сирийцы и многие другие народы станут достоянием истории наряду с вавилонянами и шумерами.

Совместные действия ВКС России и сирийской армии при поддержке Ирана могут приостановить разрушительный процесс на Ближнем Востоке. Вместе с тем не стоит испытывать иллюзий: на месте поверженного ИГ довольно быстро появятся многочисленные преемники данных террористов. После того, как войска

США и НАТО вторглись в Ирак, была разгромлена Ливия и произошла так называемая «арабская весна», Ближний Восток стал центром по массовой подготовке террористов разных видов. Все это наглядно демонстрирует мировому сообществу реальные результаты деятельности США и их союзников на Ближнем Востоке. В настоящее время победить международный терроризм можно, только объединив усилия всех здоровых сил мирового сообщества и сформировав единый анти-террористический фронт, что уже неоднократно предлагал сделать Президент России В.В. Путин.

В условиях противостояния России ИГ абсолютно беспрецедентной по своей агрессивности стала атака Турции (члена НАТО) российского бомбардировщика. Данные действия должны рассматриваться в качестве серьезной провокации, которая имеет долгосрочные последствия.

Президент России В.В. Путин назвал эту атаку «ударом в спину», который закономерно и обоснованно вызвал принятие ответных и довольно жестких мер со стороны России [6]. По мнению автора настоящего исследования, сложившаяся ситуация не должна перечеркнуть многолетнее непростое выстраивание взаимоотношений с Турцией, однако следует учесть допущенные просчеты и осторожнее относиться к своим партнерам, не ограничиваться официальными контактами, а активнее взаимодействовать с гражданским обществом. Президент В.В. Путин во время своей ежегодной пресс-конференции в 2015 г. заметил: «На межгосударственном уровне я не вижу перспектив наладить отношения с властями Турции, а гуманитарное сотрудничество, безусловно, возможно» [1].

Несмотря на то, что Турция своими действиями создала дополнительные препятствия на пути формирования широкой коалиции по противодействию ИГ, существуют и положительные обстоятельства, например, участники переговоров по Сирии договорились составить список террористических организаций, которых нельзя допускать к мирному политическому процессу.

В условиях сирийского кризиса иранская ядерная проблема отошла на второй план. Однако в мировой политике все взаимосвязано, и 14 июля 2015 г. в Вене после продолжительных дискуссий международным посредникам (США, Великобритании, Китаю, России, Германии и Франции) и Ирану удалось согласовать исторический Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД). Он стал гарантом мирного характера ядерной программы Ирана в обмен на снятие с государства экономических санкций.

СВПД является трудным и неоднозначным документом, который накладывает на Тегеран определенные обязательства на 8—15 лет: сокращает исследования в сфере обогащения урана, снижает количество центрифуг на объекте «Натанз» с 19 000 до 5060, устанавливает предел запасов обогащенного урана на уровне «менее 300 кг», изменяет профиль объекта «Фордо», позволяет под присмотром мирового сообщества строить реактор на тяжелой воде в Араке. Более того, Иран дал согласие на соблюдение дополнительного протокола к соглашению о безопасности (обеспечил МАГАТЭ возможность детальных проверок) и проведение консультации с МАГАТЭ перед строительством атомного объекта [8].

Снятие санкций с Ирана позволит государству более уверенно чувствовать себя на мировой арене и оказывать более существенное влияние на борьбу с международным терроризмом на Ближнем Востоке.

В целом, несмотря на многочисленные проблемы противостояния ИГ в регионе, для России есть и некоторые положительные моменты сложившейся ситуации в регионе. ИГ оттягивает силы Запада, ослабляет позиции ведущих региональных игроков — Турции, Ирана, ослабляет фронт противников Б. Асада — союзника Москвы, отвлекает внимание мировой общественности от событий на Украине, формирует условия для повышения цен на нефть. Иными словами, появляется дополнительная возможность для геополитического маневра, включая повод заявлять о необходимости улучшения взаимоотношений с Западом, вызванной борьбой с террористической угрозой.

Более того, война в Ираке и Сирии утилизирует радикалов с Северного Кавказа, которые, скорее всего, оттуда уже не вернуться, и не только вследствие смерти. Ситуация в Вазиристане (горный северо-западный Пакистан) показывает, что основная часть джихадистов из России и Центральной Азии оседает там и не возвращается обратно.

Однако в долгосрочной перспективе укрепление ДАИШ (ИГ) несет в себе серьезную угрозу отечественной национальной безопасности. В первую очередь, потому, что, как показал опыт США, Ирана, Саудовской Аравии, любое содействие данной организации ведет к быстрой потере контроля над ситуацией и доказывает свою ошибочность.

Ожидание, что организация обретет хотя бы статус непризнанного государства, с которым можно работать, бесперспективно. Ваххабитский эмират изначально очень напоминал ИГ, потребовалось 150 лет, чтобы он преобразовался в Саудовскую Аравию. При этом России нужен адекватный и сильный сосед, способный в отдаленной перспективе стать одним из центров силы в новом многополярном мире.

Представляется целесообразным для России в среднесрочной перспективе для стабилизации ситуации в Ираке и Сирии и полноценной борьбы ИГ сделать следующее.

1. Помогать укреплению представительства суннитов и прочих меньшинств в органах государственной власти Ирака, включая силовые; выступать против дискриминации суннитской общины; активно поддерживать единство Ирака посредством реального диалога всех здоровых сил общества.

2. Оказывать содействие реальному мирному процессу и политическому урегулированию в Сирии, чтобы ведущие державы не самоустраивались от «забытой войны» в этом государстве.

3. Налаживать и укреплять сотрудничество с представителями умеренных исламистов, разочаровавшихся в политике Запада и ищущих привилегированного партнера. Сегодня эти силы обвиняют США и НАТО в поддержке их врагов в Египте, Ливии, Тунисе, Сирии и Йемене, а также в целом в срыве «арабской весны» [12. Р. 35]. Данный поворот дает России хороший шанс увеличить свое влия-

ние и коалиционный потенциал, вернуться к позициям, утраченным во время революций 2010—2012 гг., существенно ослабив позиции Запада. Таким образом, Россия сможет усилить контроль ситуации в одном из центров ближневосточной политики и поддерживать позитивные тенденции среди умеренных исламистов.

В настоящее время в исламском мире существуют две основные тенденции, которые подпитываются социально-цивилизационными запросами, это интеграция и фундаментальные реформы в политике, экономике и культуре. Почти во всех мусульманских странах, включая богатые страны, крайне высок уровень критики всех сторон организации общественной жизнедеятельности.

Однако интеграцию и реформы можно провести по гиперадикальному сценарию, а можно сделать их умеренно-исламистскими. При этом светские либерально-капиталистические или национально-социалистические альтернативы остались в прошлом, перемешавшись с религиозными концепциями. Массовое уязвленное сознание мусульман старается нащупать выход из сложившейся проблемы глубинного залегания, ее решение займет десятилетия и будет очень болезненным.

Россия заинтересована в успешном завершении интеграции и реформ в исламском мире, в превращении его в современное мощное межгосударственное объединение с высоко развитой экономикой, стабильным обществом, независимой военно-политической стратегией. Все это позволило бы противостоять гегемонии Запада, экспансии Китая и продолжению усиления неоперсидской империи, представленной сегодня Ираном [9. С. 75—76].

В завершение настоящей статьи отметим, что роль России в современном международном сотрудничестве по борьбе с терроризмом сложно переоценить. Государство имеет богатый опыт противодействия преступлениям данного вида на собственной территории, является активным участником и инициатором многих конструктивных коллективных мер на мировой арене, направленных на решение рассматриваемой проблемы. При этом Россия является одним из центров формирующегося сегодня многополярного мира, а значит обеспечивает баланс сил, не позволяя США и их союзникам по военно-политическому блоку НАТО действовать в обход резолюциям Совета Безопасности ООН в деле противостояния международному терроризму. Россия выступает в качестве одного из ведущих акторов, осуществляющих антитеррористическую деятельность на Ближнем Востоке, и есть все основания полагать, что данная тенденция сохранится и укрепится в обозримом будущем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Большая пресс-конференция Владимира Путина // Официальный сайт Президента Российской Федерации. 17.12.2015. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50971>.
- [2] Владимир Путин принял участие в пленарном заседании юбилейной, 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385>.
- [3] *Власов Г.П.* Глобализация и международный терроризм (Тезисы доклада на Моск. политич. форуме «Глобализация и преступность в XXI веке» (27 декабря 2015 г.). М.: Наука, 2016.

- [4] *Игнатенко А.Г.* Терроризм: взгляд в будущее // *Обозреватель*. 2012. № 7.
- [5] *Макушев Д.Н.* Терроризм в условиях глобализации // *Государство и право*. 2011. № 3.
- [6] Путин назвал гибель Су-24 ударом в спину // *Лента.ру*. 24.11.2015. URL: <http://lenta.ru/news/2015/11/24/putinudar>.
- [7] *Руднев В.И.* Политическая, социально-экономическая несправедливость в мире и международный терроризм // *Общественные науки и современность*. 2010. № 3.
- [8] Санкции с Ирана снимут после подтверждения МАГАТЭ о выполнении обязательств // *Интерфакс*. 17.07.2015. URL: <http://www.interfax.ru/world/454540>.
- [9] *Сарычев В.А.* Терроризм и организованная преступность. М.: ЮНИТИДАНА, 2015.
- [10] Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ // *Правовая система «Консультант плюс»*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834.
- [11] *Хамин О.Л.* Как противостоит Россия международному терроризму? // *Мировая политика*. 2015. № 12.
- [12] *Pandey S.* *International Terrorism and the Contemporary World*. Sarup & Sons, 2015.
- [13] *Walsh J.* *Modern International Terrorism — Response* // *Global Terrorism and International Crime: Proceedings of the 4th World Anti-Criminal and Anti-Terrorist Forum*. Herzliya: International Institute for Counter-Terrorism, 2015.

THE ROLE OF RUSSIA IN THE INTERNATIONAL ANTI-TERRORISM COOPERATION

A.A. Uraniyan

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

This article examines the role of Russia in the international anti-terrorism cooperation. The author analyzes Russian anti-terrorist activities since the war in Chechnya in 1990s till nowadays. The article notes that the state performs regularly with useful profile initiatives on the world arena and operates within the framework of the international law in the decision making process and during the operations. Particular attention is paid to the events that occurred in 2015, when Russia began a struggle against terrorism in Syria, becoming the only state that carries out anti-terrorist actions according to the official handling of the legitimate president of Syria: the author evaluates the data of events and makes forecast on the development of the situation in the foreseeable future.

Key words: international terrorism, Russia, Syria, international law, cooperation of states

REFERENCES

- [1] Bol'shaja press-konferencija Vladimira Putina. *Oficial'nyj sajt Prezidenta Rossijskoj Federacii*. 17.12.2015. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50971>.
- [2] Vladimir Putin prinjal uchastie v plenarnom zasedanii jubilejnoj, 70-j sessii General'noj Assamblei OON v N'ju-Jorke. *Oficial'nyj sajt Prezidenta Rossijskoj Federacii*. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385>.

- [3] Vlasov G.P. Globalizacija i mezhdunarodnyj terrorizm (Tezisy doklada na Mosk. politich. forumе «Globalizacija i prestupnost' v XXI veke» (27 dekabnja 2015 g.). M.: Nauka, 2016.
- [4] Ignatenko A.G. Terrorizm: vzgljad v budushhee. *Obozrevatel'*. 2012. № 7.
- [5] Makushev D.N. Terrorizm v uslovijah globalizacii. *Gosudarstvo i pravo*. 2011. № 3.
- [6] Putin nazval gibel' Su-24 udarom v spinu. *Lenta.ru*. 24.11.2015. URL: <http://lenta.ru/news/2015/11/24/putinudar>.
- [7] Rudnev V.I. Politicheskaja, social'no-jekonomicheskaja nespravedlivost' v mire i mezhdunarodnyj terrorizm. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. 2010. № 3.
- [8] Sankcii s Irana snimut posle podtverzhenija MAGATJe o vypolnenii objazatel'stv. *Interfaks*. 17.07.2015. URL: <http://www.interfax.ru/world/454540>.
- [9] Sarychev V.A. Terrorizm i organizovannaja prestupnost'. M.: JuNITIDANA, 2015.
- [10] Federal'nyj zakon «O protivodejstvii legalizacii (otmyvaniju) dohodov, poluchennyh prestupnym putem, i finansirovaniju terrorizma» ot 07.08.2001 № 115-FZ. Pravovaja sistema «Konsul'tant pljus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834.
- [11] Hamin O.L. Kak protivostoit Rossija mezhdunarodnomu terrorizmu? *Mirovaja politika*. 2015. № 12.
- [12] Pandey S. International Terrorism and the Contemporary World. Sarup & Sons, 2015.
- [13] Walsh J. Modern International Terrorism — Response. *Global Terrorism and International Crime: Proceedings of the 4th World Anti-Criminal and Anti-Terrorist Forum*. Herzliya: International Institute for Counter-Terrorism, 2015.

«ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОЯС НОВОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ» В КОНТЕКСТЕ ОТНОШЕНИЙ КНР И РФ

Цю Сяофэнь

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В основе создания КНР «Экономического пояса нового Шелкового пути» стоит задача возродить исторический торговый путь, соединяющий Европу и Азию. В процессе создания данного проекта КНР и РФ имеют широкое пространство для сотрудничества, например, в области торгово-экономического взаимодействия, развития трансграничной инфраструктуры, а также расширения двусторонней торговли и инвестиций, углубления финансового сотрудничества, в сфере образования, в области энергетики, расширения производственного и сельскохозяйственного сотрудничества. При этом обе стороны считают российский интеграционный проект — Евразийский экономический союз и китайский — «Экономический пояс нового Шелкового пути» не конкурентами, а взаимодополняющими структурами.

Ключевые слова: КНР, РФ, «Экономический пояс нового Шелкового пути», Евразийский экономический союз, интеграция

В сентябре 2013 г. Президент Китайской Народной Республики Си Цзиньпин посетил Казахстан, где выдвинул стратегическую концепцию «Экономического пояса нового Шелкового пути». В ноябре 2013 г. было принято «решение о некоторых важных вопросах, касающихся всесторонних углубленных реформах» на третьем пленуме ЦК КПК 18-го созыва, а также было внесено предложение: «ускорить с соседними странами и регионами строительство инфраструктуры, содействовать строительству «Экономического пояса нового Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути» [15]. Данная инициатива китайского правительства вызвана глобальными вызовами и региональными изменениями в АТР, требованием координирования политики общего внутреннего и международного развития, а также усилением позиций США в АТР ввиду создания Транстихоокеанского партнерства.

Создание «Экономического пояса нового Шелкового пути» должно способствовать решению пяти основных целей: во-первых, установить политическую связь стран Евразии, национальных лидеров, во-вторых, создать общую инфраструктуру (дороги, железнодорожные узлы, аэропорты, трубопроводы, телекоммуникации, услуги почтовой связи, пограничного контроля, таможи, контроля качества товаров и др.), в-третьих, свободный торговый поток, в-четвертых, свободное денежное обращение, содействовать развитию расчетов национальных валют, в-пятых, способствовать общению и диалогу между разными цивилизациями и религиями, а также содействовать образовательным и культурным обменам, развитию туризма. «Экономический пояс нового Шелкового пути» имеет стратегическое значение для общей дипломатии Китая и окружающих его стран и регионов, которые являются важной частью «китайской стратегии открытости».

Создание нового Шелкового пути должно способствовать стимулированию глубокого сотрудничества между КНР и странами Азии и Европы в рамках политики в сфере безопасности, чтобы в будущем Китай смог находиться в более выгодном для себя геополитическом и геоэкономическом положении [3. С. 34—44].

Позже, 28 марта 2015 г., китайский государственный комитет по развитию и реформам, Министерство иностранных дел, Министерство торговли совместно издали документ «видение и содействие строительству Экономического пояса Шелкового пути и Морского шелкового пути 21-го века». Документ гласит, что для «Экономического пояса нового Шелкового пути» главное в том, чтобы соединить следующие транспортные каналы: из Китая через Центральную Азию и Россию в Европу (Балтийское море), из Китая через Центральную Азию, Западную Азию в Персидский залив, Средиземное море, из Китая в Юго-Восточную Азию, Южную Азию, в Индийский океан [10].

РФ является важной частью «Экономического пояса нового Шелкового пути». Россия находится в Европе и Азии, обладает обширной территорией, ее площадь составляет более одной трети площади Евразийского континента, она очень богата природными ресурсами. Потенциал российского экономического развития огромный. Кроме того, РФ обладает стратегическими ядерными силами, и мощными вооруженными силами. Не менее важным фактором значимости страны на международной арене является то, что Россия входит в постоянные члены Совета Безопасности ООН.

В качестве срединного государства Евразии Россия установила партнерские отношения со странами Центральной Азии, Западной Азии, Юго-Восточной Азии, Южной Азии и поэтому она сильно влияет на развитие стран этих регионов. Например, сотрудничество в области безопасности между Россией и странами региона ЦА быстро развивается, а в некоторой степени можно сказать, что в области безопасности в Центральной Азии Россия играет первостепенную роль. Более того, в некоторых важных областях экономики стран Центральной Азии Россия играет ключевую роль, в частности, в энергетике [2. С. 5—30].

Россия, Беларусь и Казахстан создали Евразийский экономический союз, впоследствии к нему присоединились Кыргызстан и Армения. Кроме того, более одного миллиона трудовых мигрантов из Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана работают в России, приток денежных переводов имеет важное значение для экономической и социальной стабильности трех стран ЦА. Россия и страны Центральной Азии также тесно связаны в гуманитарной сфере.

Важное значение России для строительства «Экономического пояса нового Шелкового пути» является то, что у КНР и РФ аналогичные стратегические цели и интересы. Россия является крупнейшим соседом Китая, оба государства связаны «всесторонним стратегическим партнерством», поэтому РФ находится в приоритете для китайской дипломатии [9].

Для КНР, обладающей хорошими отношениями с Россией, нужно прагматично выстраивать сотрудничество с США, у которых отношения с РФ из-за введенных санкций сильно ухудшились. В свою очередь, Россия уделяет большое внимание отношениям с Китаем. С российской точки зрения, «восточная дипломатия»

может стать поддержкой для России, если она и Запад не смогут урегулировать свои конфликты. Особенно после кризиса на Украине в конце 2013 г. во внешней политике России произошли существенные изменения. Основной задачей РФ в сфере экономики на данный момент является снижение последствий экономических санкций со стороны Запада за счет всестороннего укрепления и развития экономического сотрудничества со странами Азии, особенно с КНР. Сочетание военной мощи России с экономическими возможностями Китая сможет создать глобальный стратегический баланс.

КНР и РФ совместно построят «Экономический пояс нового Шелкового пути» в соответствии с их общей целью создания более справедливого и рационального мирового политического и экономического порядка. Самой большой привлекательностью «Экономического пояса нового Шелкового пути» является его инновационная модель сотрудничества, а также концепции и принципы, а именно то, что все страны независимо от их размера равны и имеют право на независимую внутреннюю и внешнюю политику [10].

Конечная цель строительства «Экономического пояса нового Шелкового пути» заключается в содействии формированию более справедливого мирового политического и экономического порядка, в соответствии с интересами большинства стран. Эти идеи также являются основой принципов китайско-российских отношений партнерства и стратегического взаимодействия. Россия и Китай, в качестве постоянных членов Совета Безопасности ООН, несут ответственность за создание нового равноправного, справедливого мирового политического и экономического порядка [12].

Строительство «Экономического пояса нового Шелкового пути» совпадает с национальными интересами КНР и РФ в вопросе обеспечения стабильности, безопасности и развития в Евразии. В настоящее время в Евразии еще не установлена взаимоприемлемая и стабильная система безопасности. Распад СССР и ОВД, большие политические изменения в Восточной Европе вызвали геополитические и геоэкономические изменения во всей Евразии. Сила и влияние России не может равняться с былыми возможностями СССР. На постсоветском пространстве накоплено много действующих и «замороженных конфликтов» (Приднестровье, Карабах, Южная Осетия, Абхазия и т.д.). Но ни один из конфликтов невозможно решить без участия России.

В этом контексте экономическое сотрудничество и совместное развитие способствуют и обеспечат стабильность и безопасность в Евразии. После финансового кризиса в Европе главной движущей силой экономического роста в Евразии являются Китай, Индия и другие развивающиеся страны Азии. Экономические структуры стран в Евразии имеют свои особенности, европейские страны сильны высокотехнологичной и инновационной продукцией, Россия богата энергетическими ресурсами, а Китай занимает лидерство в области инвестиций и промышленного производства.

Строительство «Экономического пояса нового Шелкового пути» способствует углублению китайско-российского стратегического взаимодействия и партнерства, отвечает коренным интересам обеих стран.

Новая модель китайско-российских отношений является примером для других крупных мировых держав. Укрепление политических отношений между двумя странами содействует усилению взаимного доверия. Укрепление транспортных коммуникаций может снизить логистические издержки, повысить эффективность, улучшить инвестиционную среду и содействовать экономическому развитию.

Укрепление торговых связей способствует привлечению прямых инвестиций, поможет повысить рентабельность, а также способствовать накоплению капитала и повышению трудовой занятости населения, повышению уровня национального дохода. Укрепление финансового сотрудничества, особенно расширение двусторонних расчетов национальными валютами, поможет уменьшить валютный риск в экономической сфере и торговле как для банков, так и для предприятий. Расширение контактов между людьми, углубление обменов и сотрудничества в области образования, науки, культуры, здравоохранения и других областях, заложит социальную основу для развития отношения между Китаем и Россией [8].

В рамках построения «Экономического пояса нового Шелкового пути» значение роли России, а также важность сотрудничества между КНР и РФ не вызывает сомнений. Если Россия сможет играть активную и важную роль в строительстве «Экономического пояса Шелкового пути», данный проект будет способствовать укреплению экономического сотрудничества этих стран с КНР, а также ускорению процесса «Экономического пояса нового Шелкового пути».

Однако проблемы стоят перед КНР и РФ в процессе строительства «Экономического пояса Шелкового пути».

Российские интересы на территории бывшего Советского Союза немного различаются с интересами Китая. Россия была уникальной евразийской империей после непрерывного расширения территории и имеет огромное богатство ресурсов. Имперское мышление всегда влияет на поведение России. В основе российской внешней политики в значительной степени является национальная идеология, имперская идеология. После распада Советского Союза в РФ произошла редукция экономического и социального развития [11].

Россия обеспокоена возможным негативным влиянием «Экономического пояса Шелкового пути» на развитие Евразийского экономического союза, что может нанести ущерб интересам России в регионе ЦА. Это обусловлено тем, что задача строительства «Экономического пояса нового Шелкового пути» заключается в создании рынков и транспортных путей из Китая в Европу для экспорта китайских товаров. Россия также обеспокоена возможным притоком дешевых китайских товаров в евразийский регион, российские товары могут быть вытеснены с постсоветского пространства, во-вторых, интеграция транспортных проектов в Китае и Евразии может конкурировать с транссибирской железнодорожной магистралью России и Байкало-Амурской магистралью (БАМ), в-третьих, китайские инвестиции в основном направлены на добычу энергоресурсов в Евразии, в-четвертых, наличие нелегального экспорта китайской рабочей силы в процессе внешнеэкономического сотрудничества может принести к демографическому взрыву в регионе, в-пятых, проекты сотрудничества, предпринимаемые КНР в евразийском регионе, могут привести к экологическим проблемам в Евразии [13].

Китайская программа экономического сотрудничества со странами Евразии является очень привлекательной для стран региона. Если Китай получит успех в экономической сфере, то его политическое влияние в регионе неизбежно вырастет, а перед Россией будет стоять проблема конкуренции. Поэтому КНР и РФ, чтобы построить новый Шелковый путь, сталкиваются со многими неопределенными вызовами. Например, в 2009 г. китайские и российские власти подписали «План сотрудничества Северо-Восточного Китая с Дальним Востоком России и Восточной Сибири (2009—2018)». Более 200 проектов, упомянутые в документе, или еще не начинались или еще только на стадии обсуждения. Построение «Экономического пояса нового Шелкового пути» также может испытать последствия экономического спада, повышение риска сотрудничества в области безопасности, а также различные препятствия со стороны Запада, стран Евразии и даже внутриполитические проблемы КНР [7].

Несмотря на многочисленные трудности, с которыми сталкиваются Китай и Россия, построение «Экономического пояса нового Шелкового пути» вполне вероятно. Во-первых, необходимо использовать нынешнюю благоприятную возможность для развития китайско-российских отношений, укрепить экономические связи и консультации с Россией, чтобы изучить модель механизмов взаимовыгодного многостороннего сотрудничества «Экономического пояса нового Шелкового пути» и Евразийского экономического союза в целях содействия китайско-российскому сотрудничеству между КНР и странами СНГ. Китай и Россия смогут активнее сотрудничать по совместной борьбе против сепаратизма, экстремизма и терроризма, укрепить информационную безопасность, реагировать на внешние угрозы, например, противодействовать «цветным революциям». На региональном уровне Китаю и России необходимо активнее сотрудничать в евразийском регионе, Азиатско-Тихоокеанском регионе, на Ближнем Востоке, участвовать в построении механизма диалога и системы безопасности Северо-Восточной Азии, а также обеспечении стратегического баланса в регионе, укреплению региональной безопасности и стабильности.

Китайско-российское сотрудничество в евразийском регионе может способствовать развитию транспортной, энергетической сфер, обрабатывающей промышленности, высоких технологий и в других областях. В транспортном секторе Россия активно разрабатывает арктическую энергетику и арктический транспорт, также предлагает КНР участвовать в совместных проектах. Китай и Россия смогут сотрудничать в области развития арктической энергетики, судоходства и судостроения. Кроме того, Россия и страны евразийских регионов надеются разработать транспортную систему «Восток—Запад».

После того как Россия и Китай подписали меморандум о сотрудничестве в области строительства высокоскоростной железной дороги из Москвы в Казань, обе стороны начали сотрудничать в совместных проектах. Как ожидается, в будущем будет осуществляться высокоскоростной железнодорожный проект от Пекина в Москву. В энергетическом секторе, в дополнение к пропаганде и реализации соглашения о сотрудничестве по строительству восточной и западной линии газо-

провода, обе стороны могут рассмотреть вопрос о расширении экспорта российской нефти в Китай через казахстанские трубопроводы [13].

Китай может сотрудничать с Россией в Евразии в областях горнодобывающей промышленности, металлургии, строительных материалов, железных дорог, электричества, химической, текстильной, автомобильной промышленности, связи, инженерной техники, аэрокосмической и других промышленных отраслях. Соответственно, Китай готов помочь другим странам развивать трудоемкие, капиталоемкие и наукоемкие сферы промышленности, содействовать их промышленному развитию и модернизации экономики.

КНР поддерживает развитие российского Дальнего Востока, участвует в реализации стратегии повторной индустриализации России, а также может укрепить двустороннее сотрудничество в стратегических аспектах крупных проектов с упором на углубление сотрудничества в областях энергетики, высоких технологий, совместным военно-стратегическом планировании и сотрудничестве по противоракетной системе, провести обсуждение военных доктрин и опыта военных реформ, усилить совместные профилактические мероприятия против «цветной революции» в таких областях, например, как сетевая информационная безопасность, укрепить двустороннее сотрудничество в области культуры [5]. Так, 2016 и 2017 г. являются годами обмена между китайскими и российскими СМИ. Китай и Россия могут использовать эти возможности провести ряд юбилейных мероприятий и обменов и укрепить основу двусторонних отношений.

РФ и КНР могут использовать механизмы ШОС в целях содействия объединения «Экономического пояса нового Шелкового пути» и Евразийского экономического союза. В 2014—2015 гг. Россия как председатель ШОС предложила шесть приоритетов, включая разработку «Стратегии развития ШОС до 2025 года», укрепление политической солидарности и расширение взаимного сотрудничества, партнерских отношений, укреплению роли ШОС в качестве платформы диалога, создания центра противодействия угрозам безопасности, укреплению экономических и культурных связей [14].

В рамках ШОС, КНР и РФ, а также страны Центральной Азии могут обсуждать общие интересы и проекты двустороннего и многостороннего сотрудничества, особенно в области финансов, энергетики, транспорта, связи и в других областях в целях содействия взаимодействию ЕАЭС и ЭПШП [6].

Евразийские страны укрепляют сотрудничество с Китаем по поводу двух движущих сил: с одной стороны, КНР является относительно надежной силой продвижения равновесия отношений между странами в Евразии. С другой стороны, китайская политическая поддержка, финансирование и технологии важны для содействия экономическому росту в этом регионе и поддержанию социальной стабильности.

Для КНР отношения с Россией и другими государствами Евразии равнозначные. Китаю необходимо избегать конфликтов и противоречий между ними. Евразийские страны можно разделить на две категории: одни держат большую дистанцию в отношениях с Россией, даже имеет глубокие исторические противоречия

(Прибалтика, страны Восточной Европы, Украина, Грузия и т.д.), а другие имеют близкие отношения с Россией, по крайней мере остаются нейтральными (Беларусь, Казахстан, государства Центральной Азии и т.д.). Повышение уровня сотрудничества между Китаем и странами СНГ часто может содействовать сотрудничеству Китая с Россией. Энергетическое сотрудничество между Китаем и странами Центральной Азии играет важную роль в вопросе продвижения китайско-российского сотрудничества в сфере энергетики [3. С. 37—51].

Взаимодействие КНР и диалог с европейскими странами и международными организациями способствуют строительству «Экономического пояса нового Шелкового пути». В то время как Европа, Америка, Япония, Южная Корея, Турция и другие международные акторы развивают свои экономические проекты исходя из собственных геополитических интересов, которые не полностью совпадают с целями ЭПШП, установление КНР с ними экономического сотрудничества содействует развитию и социальной стабильности в странах и в Евразии. Кроме того, такие международные организации, как Всемирный банк, Азиатский банк развития, в вопросе продвижения сотрудничества евразийских стран также имеют свой собственный план развития.

Таким образом, Китаю необходимо вести диалоги с ЕС и США и международными организациями в целях расширения диалога и коммуникаций, чтобы изучить возможность сотрудничества между ними. Это будет также способствовать развитию сотрудничества между Россией и Китаем в аспекте построения «Экономического пояса нового Шелкового пути».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Зонн И.С. Великий Шелковый путь становится Великим Нефтегазовым путем // Проблемы постсоветского пространства. 2015. № 2.
- [2] Жильцов С.С. Политика России на Каспии // Проблемы постсоветского пространства. 2014. № 2.
- [3] Жильцов С.С., Зонн И.С. Каспийский регион на перекрестке геополитических стратегий // Центральная и Кавказ. 2014. Т. 17. № 1.
- [4] Китайский «Экономический пояс Великого шелкового пути» не является конкурентом ЕАЭС. URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/news/view/94625>.
- [5] Ли Цзин, Чжан Цзяньпин. Экономический пояс шелкового пути и новые шансы для китайско-русского сотрудничества // Российские труды. 2014. № 5.
- [6] Лукин А.В. Идея «Экономического пояса шелкового пути» и европейская интеграция // Международная жизнь. 2014. № 7.
- [7] Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР (2009—2018 годы).
- [8] Ся Вэйхан. Влияющие факторы китайско-русских отношений и перспектива в новую эпоху // Народный форум. 2014. № 32.
- [9] Чжао Хуашиэн. Основополагающие пункты экономического пояса нового шелкового пути // Вестник Синьцзян-педагогического университета. 2014. № 3.
- [10] Чжэн Юнъянь. Экономический пояс шелкового пути и китайская дипломатия // Современный мир. 2016. № 2.
- [11] Чжан Цзяньжун. Строительство Сообщества китайско-русский стратегических интересов, в целях содействия стабильности и развитию в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Сибирское научное исследование. 2014. № 5.

- [12] Чжан Цзе. Геополитическая стратегия Китая в Центральной Азии и его влияние на экономический пояс шелкового пути // Исследование всемирной географии. 2016. № 1.
- [13] Чэнь Сяоцинъ. Анализ китайско-российских энергетических интересов в рамках ШОС // Вестник института международных отношений. 2011. № 5.
- [14] Шилина М.Г. Шанхайская организация сотрудничества как формат политического и экономического взаимодействия государств: реалии и перспективы // Бизнес. Общество. Власть. 2014. № 21.
- [15] Цэн Сянхун. Строительство экономического пояса нового шелкового пути и китайская внешняя политика в Центральной Азии // Труды шанхайского университета коммуникаций. 2015. № 2.

“SILK ROAD ECONOMIC BELT” IN THE CONTEXT OF RELATIONS BETWEEN CHINA AND RUSSIA

Xiaofen Qiu

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The establishment of “Silk Road Economic Belt” in China, the task to revive the historic trade route between Europe and Asia. In the process of this project, China and Russia have a broad space for cooperation. For example, in the field of trade and economic cooperation, cross-border infrastructure development and expansion of bilateral trade and investment, deepen financial cooperation, promote high-technology cooperation in the field of education, strengthen the Sino-Russian energy cooperation, expansion of industrial and agricultural cooperation. At the same time both sides consider the Russian integration project — the Eurasian Economic Union and Chinese — “The economic belt of the new Silk Road” are not rival, but complementary structures.

Key words: China, Russia, “Silk Road Economic Belt”, Eurasian Economic Union, integration

REFERENCES

- [1] Zonn I.S. Velikij Shelkovyj put' stanovitsja Velikim Neftegazovym putem. *Problemy postsovetskogo prostranstva*. 2015. № 2.
- [2] Zhil'cov S.S. Politika Rossii na Kaspii. *Problemy postsovetskogo prostranstva*. 2014. № 2.
- [3] Zhil'cov S.S., Zonn I.S. Kaspijskij region na perekrestke geopoliticheskikh strategij. *Central'naja i Kavkaz*. 2014. T. 17. № 1.
- [4] Kitajskij «Jekonomicheskij pojas Velikogo shelkovogo puti» ne javljaetsja konkurentom EAJeS. URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/news/view/94625>.
- [5] Li Czin, Chzhan Czjan'pin. Jekonomicheskij pojas shelkovogo puti i novye shansy dlja kitajsko-russkogo sotrudnichestva. *Rossijskie trudy*. 2014. № 5.
- [6] Lukin A.V. Ideja «Jekonomicheskogo pojasa shelkovogo puti» i evropejskaja integracija. *Mezhdunarodnaja zhizn'*. 2014. № 7.
- [7] Programma sotrudnichestva mezhdju regionami Dal'nego Vostoka i Vostočnoj Sibiri RF i Severo-Vostoka KNR (2009—2018 gody).

- [8] Sja Vvejhan. Vlijajushhie faktory kitajsko-russkih odnoshenij i perspektiva v novuju jepohu. *Narodnyj forum*. 2014. № 32.
- [9] Chzhao Huashjen. Osnovopolagajushhie punkty jekonomicheskogo pojasa novogo shelkovogo puti. *Vestnik Sin'czjan-pedagogicheskogo universiteta*. 2014. № 3.
- [10] Chzhjen Junnjan'. Jekonomicheskij pojas shelkovogo puti i kitajskaja diplomatija. *Sovremennyy mir*. 2016. № 2.
- [11] Chzhan Czjan'zhun. Stroitel'stvo Soobshhestva kitajsko-russkij strategicheskikh interesov, v celjah sodejstvija stabil'nosti i razvitiju v Aziatsko-Tihookeanskom regione. *Sibirskoe nauchnoe issledovanie*. 2014. № 5.
- [12] Chzhan Cze. Geopoliticheskaja strategija Kitaja v Central'noj Azii i ego vlijanie na jekonomicheskij pojas shelkovogo puti. *Issledovanie vsemirnoj geografii*. 2016. № 1.
- [13] Chjen' Sjaocin'. Analiz kitajsko-rossijskih jenergeticheskikh interesov v ramkah ShOS. *Vestnik instituta mezhdunarodnyh odnoshenij*. 2011. № 5.
- [14] Shilina M.G. Shanhajskaja organizacija sotrudnichestva kak format politicheskogo i jekonomicheskogo vzaimodejstvija gosudarstv: realii i perspektivy. *Biznes. Obshhestvo. Vlast'*. 2014. № 21.
- [15] Czjen Sjanhun. Stroitel'stvo jekonomicheskogo pojasa novogo shelkovogo puti i kitajskaja vneshnjaja politika v Central'noj Azii. *Trudy shanhajskogo universiteta kommunikacij*. 2015. № 2.

© Цю Сяофэнь, 2016.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СТРАНАХ ЕС

ЕВРОПЕЙСКОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО ИЛИ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО СТРАН ЕВРОПЫ?

А.А. Канунников

Институт Европы РАН

Моховая ул., 11-3, Москва, Россия, 125993

Настоящая статья посвящена исследованию гражданского общества в странах Европейского Союза. Показано существование двух терминов — «европейское гражданское общество» и «гражданское общество стран Европы». Отмечена неопределенность термина «европейское гражданское общество», не раскрывающего принцип принадлежности к «европейскому гражданскому обществу» — социокультурный или географический. Рассматривается возможность применения концепции гражданского общества, разработанной для описания реалий на уровне национального государства, к описанию явления на транснациональном уровне, например, в случае Европейского Союза. В статье выделяются три периода участия гражданского общества европейском интеграционном процессе. В статье делается вывод, что рассматривать европейское гражданское общество как автономную социальную сферу, противостоящую государству, пока, по крайней мере, преждевременно.

Ключевые слова: европейское гражданское общество, неправительственные организации, гражданское общество, организованное гражданское общество, социальная сфера, Европейская социальная модель, социальное развитие, управления межнациональным пространством, демократия

Вопрос о существовании «европейского гражданского общества» не такой простой, как может показаться на первый взгляд. Кто-то без всяких сомнений дает утвердительный ответ, в то время как другие категорически отрицают существование «европейского гражданского общества».

Начнем с того, что, по крайней мере, одна из созданных в Европейском Союзе неправительственных организаций так и называется — «Постоянный форум европейского гражданского общества» («Permanent Forum of European Civil Society» Forum — GEIE) [8].

В повседневной жизни, выступая от имени европейского гражданского общества, Форум поощряет активное участие граждан в жизни Европы, строительстве Европейского Союза, «основанного на ценностях мира, демократии, уважения к человеческой личности, равенстве между мужчинами и женщинами, солидар-

ности и взаимном признании культурного разнообразия, для того, чтобы отвечать на вызовы XXI века». В Уставе организации говорится, что «Форум способствует координации на европейском уровне действий местных организаций гражданского общества...» [4].

Однако учредители организации «Постоянный форум европейского гражданского общества» не раскрывают в своем Уставе определения двух ключевых положений: что они включают в понятие «гражданское общество» и что для них значит «европейское».

Действительно, Европа — в данном случае это географическое или социокультурное понятие? Если географическое, то почему представлены не все страны Европы? Если социокультурное, то как определить, где Европа начинается и где заканчивается? Хотелось бы уяснить, когда говорят о «европейском гражданском обществе», то имеют в виду социокультурный или географический принцип принадлежности?

На эти вопросы концепция «европейского гражданского общества» не дает прямых ответов. Именно поэтому у термина «европейское гражданское общество» есть не только свои сторонники, но и многочисленные оппоненты.

Противники концепции «европейского гражданского общества» говорят, что если в общепринятом понимании «гражданское общество» — это общественная сфера, противостоящая государству, то в Европе нет единого государства: противостоять некому и, соответственно, не может быть «противостоящей сферы». Их оппоненты отвечают, что, действительно, пока нет единого государства. Однако мы являемся свидетелями процессов европеизации во многих областях, имеющих отношение к формированию европейского гражданского общества — от формирования общеевропейской элиты и общеевропейского экспертного сообщества, образующих европейскую общность, до приведения национальных законов к общеевропейским требованиям. Европейский паспорт, флаг, единая валюта и недавно предложенная Конституция являются символами, генерирующими европейскую идентичность. Субъекты гражданского общества в современной Европе объединены во множество сетей, хотя, может быть, и в меньшей степени по сравнению с европейскими партиями или сетями европейских СМИ. Эти явления являются доказательством формирования европейского гражданского общества. Государство может и должно способствовать укреплению способности общества к саморегулированию, скажем, путем создания такой организационно-правовой формы, как «европейская ассоциация», так, по крайней мере, считает д-р Г.-Ф. Шупперт (Schuppert) [13].

Другой подход сформулировал д-р К. Румфорд (Rumford), который рассматривает «европейское гражданское общество» в контексте европейского социального пространства и отмечает раздробленность гражданского общества и многообразие природы формирования [11]. Он считает, что говорить о европейском гражданском обществе просто наивно по двум причинам: эти ассоциации, во-первых, не связаны с национальным государством, и, во-вторых, их нельзя считать интегрированными и структурированными сообществами по интересам [12]. Сто-

ронники этого подхода вообще рассматривают вопросы развития европейского общества (и гражданского общества в частности) в контексте управления Европейским Союзом, возникающих проблемам постнационального гражданства и дефицита демократии, и призывают при изучении этих проблем отойти от парадигмы «интеграции или сплоченности».

Говоря о европейском гражданском обществе, авторы ряда работ ставят вопрос о том, может ли концепция гражданского общества, разработанная для описания реалий на уровне национального государства, быть применима к описанию явления на транснациональном уровне, например, в случае Европейского Союза [6. Р. 277].

Основные элементы гражданского общества, такие как независимость гражданского общества от государства, автономия по отношению к официальным институтам, рынку и частной сфере, автономный характер гражданских ценностей, децентрализация, связь с общественностью — существуют как на европейском, так и на национальном уровне. Однако и здесь возникают спорные вопросы, касающиеся концепции гражданского общества, которые могут относиться как к европейскому, так и к национальному уровню. В дискуссиях на эту тему высказываются предложения по-другому посмотреть на саму концепцию «европейский уровень» по отношению к европейскому гражданскому обществу.

Во-первых, поскольку ЕС не является государством, то европейское гражданское общество меньше подвержено риску потерять свою автономию и попасть под контроль государства, чем на национальном уровне. Однако, с другой стороны, возникает опасность, что из-за частого привлечения Европейской комиссией организаций гражданского общества стран ЕС к сотрудничеству гражданское общество может потерять свою автономию не в результате репрессивных мер, а из-за отсутствия необходимого дистанцирования от органов управления.

Сторонники такого подхода считают, что европейское гражданское общество может более смело и эффективно, чем на национальном уровне, где оно конкурирует с государством за выражение интересов всеобщего блага, отстаивать свои специфические интересы. Европейские институты управления доступны для европейских ассоциаций гражданского общества совершенно в другом виде, чем национальные институты.

Во-вторых, европейское общество, если допустить, что оно существует как таковое, а не является просто суммой обществ национальных государств, более ориентировано на экспертизу, что открывает большие возможности для деятельности гражданского общества.

В-третьих, европейское гражданское общество характеризуется плюралистической и децентрализованной структурой договоренностей с национальными государствами, которые остаются основным определяющим фактором в деятельности Европейского Союза [6].

Изучая вопрос о том, каким образом развитие наднациональной политической системы воздействует на само гражданское общество и его деятельность, например, в сфере охраны окружающей среды, исследователь Кентского университета

в Кентербери (графство Кент, Англия) Кристофер Рутс (C. Rootes) приходит к довольно пессимистическим выводам. Существование, например, европейского экологического движения могло бы, с его точки зрения, рассматриваться как первый шаг к формированию глобального экологического движения, однако сеть организаций экологического движения в рамках ЕС не является ни достаточно плотной, ни достаточно активной, чтобы выступить в такой роли [9].

Действительно, большинство сетей экологических организаций являются узко специализированными и в своей деятельности ориентированы на национальный, а не на европейский уровень. Кроме того, им не хватает ресурсов для эффективного европейского сотрудничества, и их сотрудничеству мешают сохраняющиеся национальные различия. Коллективные действия происходят главным образом в рамках национальных государств, которые имеют смысл как реализация европейской экологической политики, относящейся к компетенции национальных и местных властей, и вряд ли отвечают в полной мере общеевропейским задачам, поставленным ЕС. Что касается понимания общих проблем и мобилизации на акции протеста, то и здесь нет единодушия, не говоря уже о наличии общего европейского экологического сознания.

Сторонники существования европейского гражданского общества говорят, что оно обычно недооценивается, поскольку его сравнивают с моделями национального гражданского общества, в силу чего такой анализ является неглубоким и неполным.

В то же время многими исследователями признается тот факт, что в процессе формирования европейского гражданского общества проявились некоторые особенности. Так, в частности, известно, что проект европейской интеграции начался в экономической сфере и занял несколько десятилетий. В этой связи вызывает удивление пассивность европейских ассоциаций гражданского общества из аграрной и промышленной сфер, а также тот факт, что в течение длительного времени другие организации гражданского общества не имели практически никаких отношений с европейскими институтами.

Другой особенностью европейского гражданского общества называют его «неброскую» деятельность и локальные формы работы с общественностью. Эту особенность обычно объясняют тем, что европейские зонтичные организации не имеют прямого членства или местных отделений, в силу чего их вряд ли можно охарактеризовать как общеевропейские движения.

Практика последних десятилетий показывает, что из всех европейских институтов только Комиссия и ее административный аппарат были точкой прямого контакта для европейского гражданского общества. В соответствии с существующим законодательством реализация европейских решений лежит полностью на национальных и местных органах управления, что оставляет мало места для маневра в этом отношении.

Говоря об автономии европейского гражданского общества, следует отметить, что оно действительно находится в меньшем контакте с гражданами, чем национальные организации гражданского общества. Складывается впечатление, что ев-

ропейское гражданское общество умышленно старается не демонстрировать свою автономию по отношению к Европейской комиссии, чтобы не потерять ее поддержку.

Еще на одну особенность европейского гражданского общества следует обратить внимание — это его сильная децентрализация и многополярность, что может объясняться активным вмешательством на европейском уровне отдельных национальных организаций гражданского общества и следствием значительного влияния на них исторического прошлого своих стран.

Следует заметить, что еще до начала реализации проекта европейской интеграции уже существовали признаки межнационального гражданского общества в Европе. Изучая развитие гражданского общества на европейском уровне с 1950-х гг., некоторые исследователи выделяют три периода в этом процессе [6. Р. 277].

Первый охватывает период 1950—60-х гг., когда Европа и ее гражданское общество были разделены национальными, политическими и конфессиональными границами. Европейское гражданское общество перед лицом европейской интеграции представляло собой европейские движения с весьма ограниченным влиянием на европейскую политику, нацеленную на создание единой Европы исходя из интересов промышленных и аграрных групп.

С другой стороны, зонтичные организации — Комитет профессиональных сельскохозяйственных организаций (COPA) и Союз конфедераций промышленников и работодателей Европы (UNICE) были полностью сосредоточены на решении задач, возникающих при создании Европейского экономического сообщества. Тогдашние транснациональные европейские организации гражданского общества, такие как «Красный Крест» и «Ротари-клуб», не имели никакого отношения к ЕЭС и поддерживали отношения с национальными правительствами и общественностью.

Второй период начинается с конца 1960-х гг. и продолжается примерно до середины 1980-х гг., когда европейское гражданское общество стало шире участвовать в процессах европейской интеграции, что было обусловлено в большей степени внутренними процессами, нежели инициативами на государственном уровне. В это время создается множество объединений на европейском уровне, среди них Европейская конфедерация профсоюзов. Поскольку у Европейского сообщества были очень ограниченные возможности, и организация была сосредоточена на создании общего экономического рынка, только группы, имеющие непосредственные интересы, вступили в прямой диалог с общеевропейскими институтами и открыли свои офисы в Брюсселе.

Третий период обозначился с конца 1980-х гг., когда компетенция ЕЭС, а затем Европейского Союза, значительно выросла и распространилась на политику в таких областях, как безопасность, социальная сфера, образование и другие важные сферы жизни европейского общества. Граждане стран Европы начинают активно участвовать в прямых выборах Европейского парламента, растет число референдумов по договорам и вопросам присоединения. Положительно повлияли на развитие европейского гражданского общества события по преодолению разделения на Восток и Запад, благодаря новым техническим возможностям стали активно развиваться связи, повысились требования к уровню сотрудничества.

Европейское гражданское общество не только повысило свой авторитет, но и выросло количественно в этот период. Так, с 1995 по 2000 г. число групп, сотрудничающих с Брюсселем, выросло с 2200 до 3500 [6]. В этот период европейское гражданское общество стало более разнообразным и профессиональным. Одновременно усилилась связь между европейским гражданским обществом и процессами европейской интеграции — обсуждение европейской конституции является ярким тому доказательством. Этот процесс наглядно показал уровень развития европейского гражданского общества и продемонстрировал его способность влиять на повседневные решения Евросоюза и быть его надежным партнером.

Следует отметить, что в публикациях, посвященных теме европейского общества, часто один и тот же объект исследования называют по-разному — европейское гражданское общество, европейская общественная сфера или европейское социальное пространство (а иногда — европейские социальные пространства). Тем не менее, термин «европейское гражданское общество» стал доминирующим в понимании европейского общества в значительной степени в результате собственных предпочтений ЕС в его использовании [10].

Применение термина «европейское гражданское общество» для описания транснационального европейского контекста часто подвергается критике, поскольку рассматривается как попытка воспроизвести на наднациональном уровне модель, которая достигла предела своих возможностей на национальном уровне [3]. Высказывается также предположение, что попытка представить гражданское общество в Европе как транснациональное является нежеланием отказываться от концептуальных основ национального государства. «Наши самые базовые знания о том, что считать обществом, требуют большего, чем мы обычно готовы принять в современных риторических определениях нации и национальной идентичности», — пишет профессор Крейг Калхун (Craig Calhoun), директор Лондонской школы экономики и политических наук [2. P. 217—231].

С точки зрения перспектив изучения ЕС, в термине «европейское гражданское общество» есть одно методологическое преимущество, заключающееся в том, что определена основа для сравнений между ЕС и национальным государством. Популярность изучения перспектив будущей политики ЕС способствовала привлечению внимания к теме «европейского гражданского общества» [5].

В научной литературе часто встречаются критические замечания относительно формирования российского гражданского общества «сверху». В этой связи надо отметить, что было бы ошибкой думать, что процесс формирования европейского гражданского общества носит исключительно стихийный характер и является только результатом инициатив «снизу». Руководство Европейского Союза прилагает большие усилия не только для развития самого европейского гражданского общества, но и для глубокого научного изучения проблем его развития.

Это связано прежде всего с тем, что формы управления, принятые в ЕС, предполагают приоритетные отношения с организованным гражданским обществом. Кроме того, в общественном сознании европейцев отсутствие или слабость граж-

данского общества рассматривается как проявление недостаточности демократии в ЕС. И наконец, гражданство ЕС требует совместного общественного пространства, в котором граждане могут осуществлять свои права за пределами национальных государств.

Необходимо отметить еще одно обстоятельство формирования европейского гражданского общества — тесную связь с усилиями ЕС по созданию транснационального социального пространства.

Действительно, деятельность свободных ассоциаций граждан стран тесно связана с процессами социального развития и, в частности, защиты социальных прав граждан. Общеизвестным является тот факт, что европейская интеграция состоялась в значительной степени в экономической, финансовой, а в последнее время политической сфере, однако этого нельзя сказать о социальной интеграции. Более того, многие российские авторы, например, М.В. Каргалова, считают, что до сих пор так и не удалось создать универсальный механизм социальной защиты граждан Европы [0. С. 317].

Тема создания общеевропейского социального пространства в условиях интеграции достаточно подробно изучена в российской и зарубежной политологии. Вопрос заключается в том, в какой степени организации гражданского общества Европы на национальном и общеевропейском уровне были вовлечены в интеграционный процесс, который активно развивался в 1950—60-е гг. на национальном уровне, а в дальнейшем приобрел общеевропейский характер.

Процесс экономической интеграции на территории стран ЕС поставил задачу создания единого социального пространства, что потребовало в свою очередь совершенствования системы отношений основных партнеров по интеграции. Главная ставка делалась на соединение социального диалога, главного инструмента политики социального партнерства, с диалогом политическим и гражданским. Этот процесс можно рассматривать в контексте совершенствования системы управления межнациональным пространством в целом, поскольку в создаваемом новом интеграционном объединении должны быть и новые формы управления, основанные не на диктате и принуждении, а на достижении согласия через диалог и взаимодействие. Если в условиях национального государства властные и законодательные полномочия при желании последнего используются для поддержания баланса интересов государства, бизнеса и гражданского общества, то в условиях интеграционного объединения общепринятой модели решения этой задачи нет. Опыт ЕС показал, что для достижения положительных результатов все участники политического, социального, гражданского диалога должны обладать определенным уровнем толерантности и быть готовыми к разумным компромиссам.

Как уже отмечалось, уровень развития государств — членов ЕС зачастую значительно отличается, однако их связывает нечто общее, что называется Европейской социальной моделью (ЕСМ). Именно в процессе формирования Европейской социальной модели складывался диалог с гражданским обществом европейских стран, именно через диалог и партнерство гражданское общество участвовало в формировании Европейской социальной модели.

Национальные социальные модели имеют общие ценности, которые вписываются в понимание ЕСМ: социальная справедливость; социальная безопасность; социальное сплочение; конкурентоспособная экономика; благоприятная для общества экология. Эти ценности полностью разделяются гражданским обществом европейских стран. При этом формы участия организаций гражданского общества в отстаивании и продвижении этих ценностей отличаются в зависимости от страны, ее политических и демократических традиций, уровня организованности самого гражданского общества.

Подводя итог рассмотрения вопроса о гражданском обществе в странах Европейского Союза, можно утверждать, что если рассматривать общество с точки зрения наличия в нем возможности для граждан участвовать в обсуждении проблем, разработке и принятии решений, затрагивающих интересы членов общества, то можно совершенно уверенно говорить о существовании европейского гражданского общества. В этом случае *гражданское* — это только одна из характеристик *европейского* общества. В этом смысле европейское гражданское общество можно рассматривать как транснациональное, и более того, являющееся частью глобального гражданского общества. При этом транснациональное или глобальное гражданское общество в данном случае не только не исключает существование национального гражданского общества в отдельных государствах, но и состоит из гражданских обществ национальных государств.

В то же время если рассматривать гражданское общество как автономную социальную сферу, противостоящую наднациональному государству, то есть существующую вне рамок национального государства, характерной чертой которой является свободный индивидуальный выбор при самоорганизации, то говорить о европейском гражданском обществе пока, по крайней мере, преждевременно, тем более рассматривать его как часть глобального гражданского общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Каргалова М.В.* От социальной идеи к социальной интеграции. М.: Интердиалект+, 1999.
- [2] *Calhoun C.* Nationalism, Political Community and the Representation of Society: Or, Why Feeling at Home is Not a Substitute for Public Space // *European Journal of Social Theory*. 1999. № 2(2).
- [3] *Delanty G.* Social Theory and European Transformation: Is There a European Society? // *Sociological Research Online*. 2003. № 1.
- [4] European group of economic interest Permanent forum for European civil society (Unofficial translation from the French registered version). URL: http://en.forum-civil-society.org/IMG/pdf/Statute_EEIG.pdf.
- [5] *Hix S.* The Political System of the European Union. Houndmills: Palgrave, 1999.
- [6] *Kaelble H.* Gibt es eine europäische Zivilgesellschaft? ZMlgesellschaft — national und transnational / Gosewinkel D., Rucht D., Daele W.v.d., Kocka J. Berlin, edition sigma, 2004.
- [7] Laeken Declaration. URL: <http://n-europe.eu/glossary/term/647>.
- [8] Permanent Forum of European Civil Society. URL: <http://www.en.forum-civil-society.org>.
- [9] *Rootes C.* Global Visions: Global Civil Society and the Lessons of European Environmentalism // *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 2002. № 13(4).
- [10] *Rumford Ch.* The European Union: A Political Sociology. Blackwell, 2002.

- [11] *Rumford Ch. Social Spaces beyond Civil Society: European Integration, Globalization and the Sociology of European Society // Innovation. 2011. № 4(3).*
- [12] *Rumford Ch. European Civil Society or Transnational Social Space? Conceptions of Society in Discourses of EU Citizenship, Governance and the Democratic Deficit: An Emerging Agenda // European Journal of Social Theory. 2003. № 6(1).*
- [13] *Schuppert G.F. Europäische Zivilgesellschaft — Phantom oder Zukunftsprojekt? // Forschungs-journal Neue Soziale Bewegungen. 2001. № 14(4).*

EUROPEAN CIVIL SOCIETY OR CIVIL SOCIETY OF THE EUROPEAN COUNTRIES?

A.A. Kanunnikov

The Institute of Europe Russian Academy of Sciences
Mokhovaya str., 11-3, Moscow, Russia, 125993

This article is devoted to the study of civil society in the European Union. It shows the existence of two terms — “European civil society” and “civil society in Europe”. There is a vagueness of the term “European civil society” because it does not disclose the principle of belonging to a “European civil society” — a socio-cultural or geographical. There is a doubt about the possibility of the application of the civil society concept developed to describe the realities at the level of the nation-state, to the description of the phenomenon at a transnational level, for example, in the case of the European Union. The article shows three periods of civil society participation in the European integration process. The article concludes that is premature to consider the European civil society as an autonomous social sphere, opposing the state.

Key words: European civil society, non-governmental organizations, civil society, organized civil society, the social sphere, the European social model, social development, governance interethnic space, democracy

REFERENCES

- [1] Kargalova M.V. *Ot social'noj idei k social'noj integracii. M.: Interdialekt+, 1999.*
- [2] Calhoun C. Nationalism, Political Community and the Representation of Society: Or, Why Feeling at Home is Not a Substitute for Public Space. *European Journal of Social Theory. 1999. № 2(2).*
- [3] Delanty G. Social Theory and European Transformation: Is There a European Society? *Sociological Research Online. 2003. № 1.*
- [4] European group of economic interest Permanent forum for European civil society (Unofficial translation from the French registered version). URL: http://en.forum-civil-society.org/IMG/pdf/Statute_EEIG.pdf.
- [5] Hix S. *The Political System of the European Union. Houndmills: Palgrave, 1999.*
- [6] Kaelble H. *Gibt es eine europäische Zivilgesellschaft? ZMlgesellschaft — national und transnational / Gosewinkel D., Rucht D., Daele W. v.d., Kocka J. Berlin, edition sigma, 2004.*
- [7] Laeken Declaration. URL: <http://n-europe.eu/glossary/term/647>.
- [8] Permanent Forum of European Civil Society. URL: <http://www.en.forum-civil-society.org>.

- [9] Rootes C. Global Visions: Global Civil Society and the Lessons of European Environmentalism. *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 2002. № 13(4).
- [10] Rumford Ch. *The European Union: A Political Sociology*. Blackwell, 2002.
- [11] Rumford Ch. Social Spaces beyond Civil Society: European Integration, Globalization and the Sociology of European Society. *Innovation*. 2011. № 4(3).
- [12] Rumford Ch. European Civil Society or Transnational Social Space? Conceptions of Society in Discourses of EU Citizenship, Governance and the Democratic Deficit: An Emerging Agenda. *European Journal of Social Theory*. 2003. № 6(1).
- [13] Schuppert G.F. Europäische Zivilgesellschaft — Phantom oder Zukunftsprojekt? *Forschungs-journal Neue Soziale Bewegungen*. 2001. № 14(4).

© Канунников А.А., 2016.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ СОВЕТА ЕВРОПЫ, ЕС И РФ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ПРОДВИЖЕНИЯ ДЕМОКРАТИИ

М.В. Данилина

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Статья рассматривает вопрос взаимодействия Совета Европы, ЕС и РФ в сфере защиты прав человека и продвижения демократии. Автор использует институциональный метод, метод мягкой силы и открытый метод координации (ОМК). На основе проведенного исследования в рамках институционального подхода выявлена прямая конкуренция между ЕС и Советом Европы, имеющая место в сферах прав человека и построения демократии. На взгляд автора, применение мягкой силы и распространение российских ценностей относительно прав человека и демократии в Европе могло бы быть решением проблемы. Для решения глобальных проблем в Европе ЕС, СЕ и РФ могут использовать открытый метод координации если не в краткосрочной, то в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: ЕС, Совет Европы, Россия, конфликт интересов, защита прав человека, продвижение демократии

Сфера прав человека и продвижения демократии в XX—XXI вв. традиционно является одной из ключевых как в жизни мировой цивилизации в целом, так и политологической науки в частности.

Во второй половине XX в. на Европейском континенте ответственность за данные основополагающие направления общественного развития наряду с ООН разделили между собой Совет Европы (СЕ) — крупнейшее межгосударственное объединение евразийского пространства в области нормотворчества, прав человека и демократии и Европейский Союз — крупнейшее объединение большей части стран географической Европы, обладающее многими функциями единого государства.

Важным вкладом в сфере защиты прав человека были Хельсинские соглашения, которые в 1975 г. подписали 35 стран, включая СССР. Продолжая поддерживать ООН, в 1990-е гг. к отношениям ЕС и СЕ в сфере защиты прав человека и продвижения демократии на постоянной полноценной основе присоединилась Россия — держава с большой долей населения в своей европейской части.

Отношения данного треугольника в контексте описываемой проблематики в упомянутый период и последовавшие за ним первые десятилетия XXI в. определялись, с одной стороны, особенностями взаимоотношений ЕС и СЕ, с другой — состоянием соблюдения прав человека и становления демократических начал в постсоветской России.

При этом их следует рассматривать как в контексте взаимодействия на сугубо европейском (в рамках «большой» географической Европы) и в этой связи носящего более непосредственный, «прикладной» характер, уровне взаимоотношений,

так и в рамках общемировой системы международных отношений в части совместного реагирования упомянутых ключевых акторов Старого Света на крупнейшие события на мировой арене и связанные с ними проблемы в области прав человека и продвижения демократии.

В рамках каждого из вышеупомянутых уровней взаимные интересы Совета Европы, Европейского Союза и Российской Федерации в сфере прав человека и продвижения демократии неоднократно пересекались, что выражалось в конфликтах интересов. В этой связи целями настоящей статьи являются:

1) анализ имеющихся конфликтов интересов в сфере прав человека и продвижения демократии в рамках двусторонних и трехсторонних отношений в «треугольнике» СЕ—ЕС—Россия;

2) обзор и критический анализ мнений политических и экспертных кругов рассматриваемых субъектов международных отношений относительно наличия конфликтов интересов СЕ, ЕС и РФ в сфере прав человека и продвижения демократии и способов их разрешения;

3) определение собственных подходов автора на основе рассмотренного фактологического материала и мнений политического и экспертного сообществ.

АНАЛИЗ КОНФЛИКТОВ

Непосредственные отношения между Советом Европы и Европейским Союзом в области прав человека в 1990—2010-е гг. характеризовались, с одной стороны, асимметрией в качественном наполнении работы по данному направлению в пользу последнего, с другой — взаимным дублированием многих функций, и, как следствие, многочисленными разногласиями. В их числе — разногласия и прямая конкуренция на уровне базисных документов обеих организаций в области прав человека — Хартии Европейского Союза о правах человека 2000 г. и Европейской конвенцией прав человека и основных свобод 1950 г., наличие риска правовой нестабильности в государствах, являющихся одновременно членами обеих организаций, разногласия между ключевыми судебными инстанциями обеих организаций — Европейским Судом по правам человека, находящимся в юрисдикции Совета Европы, и Судом Европейского Сообщества, и т.д.

С другой стороны, говоря об отношениях обеих упомянутых организаций с Россией, следует отметить, что характер их взаимодействия в двух- и трехстороннем формате также различался, поскольку в первом случае значительно большую роль играли особенности самих организаций и интересы России в выстраивании отношений с каждой из них. Трехсторонний же формат, несмотря на имевшиеся базисные разногласия, предполагал большую степень комплиментарности сторон, прежде всего потому, что его участники, идя на подобного рода взаимодействие, заранее просчитывали цели данного сотрудничества, носившего более локальный характер, а потому разногласия, проистекавшие из их собственной политической природы и базисных интересов, в некоторой степени отступали на второй план. В этой связи можно утверждать о безусловно более высокой плодотворности трехстороннего формата сотрудничества трех крупнейших геополитических

актеров Старого Света, пусть и в части более локального, «точечного» по своим масштабам взаимодействия сторон.

При этом очевидна тенденция, связанная с тем, что чем более прикладной является та или иная сфера сотрудничества, тем легче найти общий язык и взаимопонимание указанным акторам, поскольку в сугубо экономической сфере (исключая вопросы поставок энергоносителей), а также по многим прикладным вопросам сотрудничества в гуманитарной области отношения по линии РФ—СЕ—ЕС в гораздо меньшей степени отягощены взаимными претензиями политического и геополитического характера либо не имеют таковых обременений вовсе.

В трехстороннем формате отношений СЕ—ЕС—РФ по проблематике прав человека, как и во всех иных категориях взаимоотношений данных акторов, имеются свои примеры как позитивного сотрудничества, так и проблемных нюансов.

К первым из них можно отнести введение в России с 1 января 2012 г. апелляционного порядка пересмотра судебных решений в соответствии с Федеральным законом от 09.12.2010 № 353-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» [21], ставшего возможным в значительной степени благодаря тесному взаимодействию Евросоюза и Совета Европы с государственно-правовым управлением Администрации Президента Российской Федерации. Целью данного проекта являлось создание полноценной апелляционной инстанции в системе судов общей юрисдикции в России посредством широкого комплекса правовых мероприятий, в числе которых: анализ соответствующего законодательства с точки зрения европейских стандартов; подготовка рекомендаций о внесении поправок в отношении кассации и надзора; разработка методики обучения по вопросам применения нового порядка апелляции; организация учебно-практических семинаров по реформе системы апелляции, а также оценка изменений в законодательстве и проведение реформы системы апелляции [23].

При этом применительно к проблематике обеспечения прав человека по линии РФ—СЕ—ЕС ситуация остается неоднозначной, что в значительной степени обусловлено желанием рассматриваемых европейских акторов решить собственные геополитические и иные задачи в отношении России на двусторонних треках посредством тактических уступок ее властям, даже если таковые ведут к фактическому «примирению» с имеющимися фактами нарушения прав человека со стороны последней. Как отмечали в этой связи участники состоявшейся в Берлине 21 января 2009 г. по инициативе местного Молодежного правозащитного движения конференции «Европа и Россия: политические интересы против борьбы за Права Человека» в лице молодежных активистов, студентов и исследователей, «ЕС в отношениях с Россией занимает позицию „торга“, связывая вопросы защиты прав человека с экономическими предпочтениями и порой закрывая глаза на имеющиеся нарушения в угоду своим интересам» [5].

В свою очередь Совет Европы вплоть до «замораживания» отношений с РФ по причине украинского кризиса в 2014 г. зачастую «(поддерживал неправомерную) позицию российского правительства в силу того факта, что Россия (являлась) крупнейшим плательщиком взносов в бюджет этой организации» [5]. При этом один из ключевых правоприменительных и правогагарантирующих инструментов

объединенной Европы — Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ), «с одной стороны, выносит ежегодно десятки решений в пользу российских граждан, права которых были нарушены, а с другой, не в состоянии добиться тем самым системных изменений в национальном законодательстве и правоприменительной практике» [26].

Реальный конфликт интересов РФ с ЕС и СЕ связан с позицией России, которая настроена на сотрудничество с Западом, но не хочет вмешательства в свои внутренние дела. Принятие на себя глобальных обязательств, по мнению Запада, предполагает вмешательство в суверенитет государства. Разногласия между РФ и Западом касаются и вопроса, в какой степени можно применять решения международного права. Так, 14 июля 2015 г. Конституционным Судом РФ было принято беспрецедентное для РФ постановление: в случае если решения Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) противоречат Конституции РФ, то российские органы власти могут их не исполнять [7].

Сложности во взаимоотношениях между Россией, СЕ и ЕС российские эксперты, и в частности Федор Лукьянов [26], обуславливают тем, что Запад, утратив иллюзии в отношении становления однополярного мира на «вечные времена» после победы над СССР в холодной войне, к 2008—2009 гг. осознал неэффективность былых путей разрешения мировых проблем. При этом «эрозия» Ближнего Востока и проблем в иных очагах нестабильности планеты лишь усиливают и без того шаткое положение ставшего фактической иллюзией однополярного мира. Мир был многополярен всегда, поскольку даже в эпоху максимального доминирования США и Запада в целом в 1990-е гг. оставались иные мощные центры силы — Китай, Россия, Индия, Бразилия, Аргентина, ориентированные на собственный вектор развития.

Кризис взаимоотношений России с ЕС и СЕ в двустороннем формате, начавшийся на рубеже 2013—2014 гг. ввиду обвинений европейцами Москвы по неправомочным, на их взгляд, действиям по поддержке сепаратистских регионов Донбасса и присоединению Крыма, наложил свой крайне негативный отпечаток и на трехсторонний формат сотрудничества, в том числе по правам человека, сделав его фактически невозможным в силу полного «замораживания» сотрудничества по широкому спектру политических и иных направлений, сопровождаемого введением массированных экономических и многочисленных политических санкций со стороны Европы. И это крайне печально, поскольку перспектива налаживания плодотворного сотрудничества на основе конкретных проектов потенциально вполне реальна, хотя и может быть обременена возникновением потребности в преодолении всеми сторонами перманентно возникающей инерции, связанной со сложным комплексом взаимных интересов и противоречий.

В качестве наглядного примера в контексте взаимодействия в области демократии (неотъемлемой частью которой является право наций и этносов на развитие самобытных культуры и языка) можно привести реализованную в период с 22 июня 2009 г. по 31 декабря 2011 г. Совместную программу Совета Европы и Европейской Комиссии в сотрудничестве с Министерством регионального раз-

вития Российской Федерации «Меньшинства в России: развитие языков, культуры, СМИ и гражданского общества» с бюджетом в € 2 750 000 [10]. Ее общая цель состояла в «поощрении этнических и национальных меньшинств в России и в расширении признания их особой самобытности в области культуры, образования, языков, СМИ и гражданского общества» [10].

По результатам отборочного конкурса из первоначально поданных со всей России 314 заявок [22] «был утвержден список из 24 организаций-получателей грантов в 12 регионах (включая пилотные: 4 организации в Республике Мордовия и 2 в Республике Дагестан)» [20]. Проекты выполнялись «в 22 регионах (включая пилотные: 3 проекта в Алтайском крае, 3 в Республике Дагестан, 6 в Республике Мордовия, а также 3 в Республике Карелия). Несколько проектов являются межрегиональными» [20].

В Республике Мордовия на выигранный в рамках конкурса грант в размере 3,5 млн рублей «сотрудники Поволжского центра разработали и выпустили красочные комплекты по оформлению кабинетов родного языка и культуры. Эти учебные материалы были переданы не только школам Мордовии, но и всем регионам России с компактным проживанием мордвы» [22]. Положительную оценку со стороны экспертной комиссии Совета Европы получил также «проект Института образования, который разработал электронные учебники по мокшанскому и эрзянскому языкам» [22].

Говорить о прямом трехстороннем сотрудничестве России, ЕС и СЕ по проблематике прав человека и становления демократии, сопряженной с событиями на мировой арене вне рамок Европейского макрорегиона, весьма проблематично по причине сохраняющегося по настоящее время «замораживания» взаимодействия на двусторонних треках в связи с начавшимся в 2013 г. украинским кризисом и проистекающего из этого сворачивания контактов в рамках «треугольника». С другой стороны, даже во вполне «благополучный» период взаимоотношений «треугольника» в начале 2010-х гг. и ранее составляющие его акторы не проявляли очевидного стремления к взаимодействию на вышеупомянутом треке между собой, предпочитая руководствоваться собственными политическими и иными интересами.

В этой связи возможен лишь анализ политики каждой из трех сторон и примеров «точечного» взаимодействия сторон по отношению к крупнейшим мировым кризисам последних лет, сопряженным с проблематикой соблюдения прав человека и становления демократии — «арабской весне» (2011 г. по настоящее время) и в рамках нее Ливийскому (2011 г.) и Сирийскому (2011 — наст. время) кризисам, а также по ситуации с резким наплывом беженцев из стран Магриба и Ближнего Востока в Европу летом 2015 г.

Относительно отношения к «оранжевым революциям» на постсоветском пространстве и в Восточной Европе в 2000—2010-е гг. следует отметить, что между главой Европейского Совета Дональдом Туском и Президентом РФ Владимиром Путиным существуют серьезные разногласия в оценках на сей счет.

Первый считает, что у большинства из них «есть право на европейскую мечту» [27], каковую можно реализовать посредством революционного движения,

в том случае, если оно направлено на конечную интеграцию в Объединенную Европу. В то же время Президент России В. Путин полагает, что «оранжевые революции — это наработанная схема дестабилизации общества, каковая родилась не сама по себе» [24]. По мнению В. Путина, позволительны протесты против далеко не всегда справедливой политики властей, однако при этом абсолютно «недопустимо втянуть себя в какие-то схемы по дестабилизации общества» [24], каковые, на его взгляд, представляют собой действия под руководством прозападной оппозиции, в том числе и в России.

В результате следует отметить, что сотрудничество в области прав человека и становления демократии по линии «треугольника» РФ—СЕ—ЕС, несмотря на свою замороженность по состоянию на 2016 г. в связи с кризисом на Украине, продолжает являться одной из наиболее перспективных областей для первоочередной «реанимации».

Причины тому кроются, в первую очередь, в намерении западной стороны острее реагировать на нарушения в этих сферах в России, в том числе посредством применения наблюдательных миссий по линии Совета Европы и иных инструментов мониторингового характера. Для России же возобновление полноценного диалога по данным направлениям является скорее «имиджевым» фактором, направленным на реанимацию отношений с мировым сообществом, поскольку факты нарушения прав человека и отсутствия фактических демократических начал (прежде всего реальных, а не формальных избирательных кампаний) тесным образом связаны с деятельностью действующего режима и вряд ли могут быть преодолены без глубинных политических реформ. Последние же вряд ли возможны в ближайшей перспективе.

АНАЛИЗ МНЕНИЙ

Проводя анализ мнений политического сообщества о взаимодействии ЕС и СЕ с Россией, можно разделить их на две группы: против и в поддержку данного вида взаимодействия как среди зарубежных, так и среди российских экспертов и политических деятелей. Генеральный секретарь Совета Европы Ягланд положительно высказывается о сотрудничестве СЕ с Россией: «Я уверен, что Совет Европы — это хорошая площадка для диалога. Страсбург может внести свой вклад в восстановление украинского государства» [15]. В ЕС ряд стран настроены очень позитивно по отношению к России. В частности, среди зарубежных деятелей в поддержку взаимодействия с Россией высказывается Ксавье Беттель, премьер-министр Люксембурга, который «глубоко убежден в том, что Европа нуждается в России, как и Россия нуждается в Европе» [7]. Министр иностранных дел Сербии Ивица Дачич также поддерживает взаимодействие с РФ. По его словам, «мы уже говорили: мы хотим стать членом Евросоюза (...) Но это никак не может быть в ущерб нашим хорошим отношениям с Москвой» [25].

Постоянный представитель Российской Федерации при Евросоюзе Владимир Чижов также поддерживает взаимодействие России с ЕС. По его мнению, ключевыми проблемами в отношениях по линии Россия—ЕС являются финансово-эко-

номический кризис в еврозоне и внутренние проблемы, отнимающие у объединения все больше внимания и сил от взаимоотношений с внешним миром, включая Россию [29].

«Россия не стремится к конфронтации ни с США, ни с Евросоюзом, ни с НАТО, наоборот, Россия открыта для самого широкого взаимодействия с западными партнерами», — заявляет глава МИД РФ Сергей Лавров. «Поодиночке подавляющее большинство членов Евросоюза мне говорит, что ошибка идти на конфронтацию с Россией из-за Украины, которая сама оказалась жертвой политики Евросоюза, который пытался ее поставить перед выбором», — добавляет он [14].

О проблемах взаимодействия говорит глава Представительства ЕС в России Вигаудас Ушацкас: «Сотрудничество в области образования, науки и инноваций развивается очень активно, однако это пока не позволяет переломить негативные тенденции в российско-европейских отношениях» [19]. Трудности взаимодействия отметил и глава МИД Болгарии: «Базовые принципы наших отношений с Россией, во-первых, это, конечно, завершение выполнения Минских договоренностей. Без этого мы не можем продвигаться в наших отношениях с Россией. Это абсолютно четко» [2]. О трудностях упоминает и министр иностранных дел России Сергей Лавров: «Ситуация в Европе весьма непростая — слишком много конфликтов между западными странами с одной стороны и Россией — с другой, в том числе из-за украинского кризиса» [15].

Против сотрудничества с Россией высказался Европарламент. 4 февраля 2016 г. на пленарной сессии в Страсбурге он принял резолюцию, в которой призвал Совет ЕС сохранять санкции против России до возврата Крыма в состав Украины. «Восстановление контроля Украины над полуостровом является одним из условий, необходимых для возобновления отношений сотрудничества с Российской Федерацией, в том числе приостановления соответствующих санкций», — подчеркивается в резолюции [6].

Вышесказанное справедливо относительно текущего состояния. Если говорить об общем характере и тренде в оценках политического сообщества относительно дальнейших перспектив взаимодействия по линии ЕС—СЕ—РФ, то следует отметить, что ситуация с фактической «заморозкой» последнего, в том числе по линии прав человека и становления демократии, вызывает общее сожаление в экспертных кругах как Европы, так и России.

Мнения можно классифицировать на отечественные и зарубежные, а в их рамках на позитивные и негативные. При этом обнаружить конкретные примеры реагирования экспертных и академических кругов на отношения в рамках «треугольника» РФ—ЕС—СЕ более проблематично, нежели в рамках двусторонних треков.

Одним из наиболее показательных примеров негативного реагирования по линии СЕ—ЕС явилась жесткая оценка деятельности последнего в сфере прав человека в связи с наплывом в Европу беженцев с Ближнего Востока и Северной Африки со стороны комиссара Совета Европы по правам человека Нила Муйжниека в декабре 2015 г. По его словам, реакцию Евросоюза на данную острейшую

проблему нельзя охарактеризовать иначе как «катастрофическую». «Такой подход неверен и лишь приносит дополнительные страдания беженцам, среди которых много детей и которые уже прошли через очень травмирующий опыт», — отметил комиссар в заявлении, опубликованном на сайте Совета Европы [9]. При этом особое беспокойство правозащитников вызывают такие негативные тенденции, как лишение гражданства осужденных за причастность к террористическим группам, слежка за подозреваемыми, обыски без разрешения суда, каковые существенно ухудшают положение с правами человека в отношении данных категорий граждан. Это говорит о том, что в настоящее время Европа сталкивается с серьезными проблемами, которые накладывают отпечаток и на ее взаимоотношения с Россией, ситуация признается катастрофической, Россия уходит на второй план.

В свою очередь российские эксперты из академических кругов, как, например, Дмитрий Матвеев из ИГСУ РАНХиГС, полагают, что «баланс качнулся в сторону безопасности, (и — *авт.*) гайки, скорее всего, будут закручиваться еще какое-то время, (поскольку — *авт.*) у каждого своя работа: у комиссара (Совета Европы по правам человека — *авт.*) — напоминать о правах, а у правительств — обеспечить защиту населения, иначе люди не поймут и пойдут голосовать за правых, как случилось во Франции» [9].

Тем более что, напоминает Владимир Оленченко из Центра европейских исследований ИМЭМО РАН, «постановления Совета Европы носят рекомендательный характер, он может разве что поощрить страну за исполнение рекомендаций, приведя ее в качестве примера» [9], но при этом не имеет реальных юридических рычагов влияния на выполнение ею тех или иных рекомендаций. По словам Ольги Трофимовой из Центра европейских исследований ИМЭМО РАН, ситуация дополнительно усугубляется тем, что «единая миграционная политика ЕС существует только на бумаге, консенсуса нет (а потому — *авт.*), пока все зависит не от правозащитников, а от того, что будет происходить в Сирии и Ираке» [9].

Жесткую оценку со стороны СЕ получила, как утверждают на Западе, ситуация в присоединенном к России при участии национальных вооруженных сил Крыму, сделанная на основе проведенной 7—12 сентября 2014 г. мониторинговой миссии под руководством Комиссара Совета Европы по правам человека Нильса Муйжниека в Крыму, Киеве и Москве. По словам западноевропейцев, речь в первую очередь шла о гонениях со стороны новых властей Крыма на представителей крымско-татарского населения, поддержавших антироссийски настроенный Меджлис крымских татар, а также о жестком давлении на оппозиционно настроенных лиц из числа блоггеров, общественных активистов и т.д., зачастую вынуждающих их покидать полуостров в целях личной безопасности. В настоящее время Россия прекратила деятельность Меджлиса крымских татар в связи с его экстремистской направленностью.

Ходатайство о включении Меджлиса в данный список является следствием постановления главы крымской прокуратуры Н. Поклонской [17]. США и ЕС выступили против данного решения, отмечая, что эта мера нарушает права отдельного народа [17]. Негативную оценку получила также ситуация вокруг попыток

захвата храмов Украинской православной церкви Киевского патриархата в Крыму и ряд иных тревожных фактов, связанных с нарушением базисных принципов соблюдения прав человека [12].

Негативную тенденцию с соблюдением прав и свобод человека в области журналистики на обширном пространстве 47 государств — участников Совета Европы отразил запуск данной организацией в апреле 2015 г. в сотрудничестве с пятью партнерскими организациями — правозащитной организацией «Article 19», Ассоциацией европейских журналистов, Европейской федерацией журналистов, Международной федерацией журналистов и «Репортерами без границ» онлайн-платформы, призванной «публиковать „сигналы тревоги“, сообщая о случаях угроз свободе СМИ, и передавать эту информацию различным органам Совета Европы (поскольку — *авт.*) по всей Европе журналисты и другие деятели СМИ подвергаются нападениям, домогательствам, лишению свободы и порой убийствам за свою профессиональную деятельность или за отдельные репортажи» [8].

Россия также жестко критикуется Советом Европы за якобы сохраняющуюся негативную ситуацию с похищениями людей на Северном Кавказе, а также за случаи исчезновения лиц, которых суд защитил от экстрадиции в страны, где им угрожала опасность, но которых в итоге отправляли именно в эти страны [4].

Говоря о взаимодействии по линиям РФ—СЕ и РФ—ЕС, следует отметить, что позиция высшего российского руководства, излагаемая министром иностранных дел С. Лавровым, свидетельствовала о позитивной повестке в 2015 г. и положительных ожиданиях от отношений с СЕ.

Лавров, в частности, отметил, что Москва признательна генсеку Совета Европы за его роль в урегулировании украинского кризиса и достаточно непредвзятое отношение к этой проблеме. Министр имел в виду создание специальной группы под эгидой Совета Европы по контролю за ходом расследования происходящего на Майдане и трагедии 2 мая 2014 г. в Одессе. «Мы придаем большое значение деятельности именно этого органа Совета Европы, в котором утвердилась культура консенсуса. Ценим усилия, прилагаемые генеральным секретарем Ягландом и всем его аппаратом. Совет Европы и Комитет министров основывают свою деятельность на универсальных юридически обязывающих конвенциях, создающих единое правовое пространство в сфере защиты прав человека для всей Европы», — заявил Лавров [16].

При этом в отношении Евросоюза у России, судя по высказываниям министра иностранных дел, имеется куда больше озабоченностей в сфере прав человека. Речь, в частности, идет о неоднозначном отношении Москвы к идее Брюсселя начать операцию против нелегальных перевозчиков беженцев в ЕС через Средиземное море, сохраняющей свою актуальность и в 2016 г. «Вопрос непростой, потому что, насколько мы поняли наших европейских коллег, он будет сопряжен с запросом Совета Безопасности ООН на применение силы в определенных ситуациях. Учитывая прошлый опыт обращений в эту организацию, мы будем смотреть, чтобы не возникло никакой двусмысленности в мандате, который Совбез может выдать Евросоюзу», — объяснил позицию России Лавров [16].

ФОРМИРОВАНИЕ СОБСТВЕННОЙ ПОЗИЦИИ С УЧЕТОМ МНЕНИЙ ЭКСПЕРТОВ

Дискуссионным вопросом среди экспертов в последнее время является вопрос применения мягкой силы. По мнению доцента Института международных отношений и политических наук Вильнюсского университета Клайдиюса Маниюкаса, «ЕС — это „мягкая сила“. В Восточном пространстве у него не хватает „жесткой силы“, которая есть у России» [28].

Доцент кафедры сравнительной политологии РУДН Казаринова Д.Б. объясняет важность мягкой силы для ЕС следующим образом: «ЕС поднял идею „мягкой силы“ на свой внешнеполитический щит по ряду взаимозависимых причин. Во-первых, он обладает мощным ресурсом притягательности, той самой „мягкой силой“, а также развитыми национальными и наднациональными инструментами его реализации, а во-вторых, что еще более важно, другой силой, кроме „мягкой“, он не располагает в той мере, чтобы претендовать на ту роль глобального лидера, к которой ЕС стремится» [18]. Д.Б. Казаринова отмечает, что «среди трех факторов мягкой силы, как для Европы, так и для России самый выигрышный — фактор культуры». Роль общего знаменателя в этом процессе играет Совет Европы, полноправным членом которого РФ является с 1996 г. [18].

По мнению председателя Редакционного совета журнала «Россия в глобальной политике» Сергея Караганова, европейские элиты ощущают для себя вызов в новой политике России, базирующейся на трех «китах»: всемерной поддержке собственного суверенитета не только в прямом смысле этого слова, но и в рамках культурной, ментальной идентичности, что идет вразрез с европейским универсализмом; целеполагании, заключающемся не в потреблении ресурсов, но в служении глубоким духовным идеалам, в том числе религиозным; готовность следовать традиционным интересам собственной внешней политики и защищать ее силой в том случае, если это понадобится [11].

На наш взгляд, применение мягкой силы и распространение российских ценностей относительно прав человека и демократии в Европе могло бы быть решением проблемы.

По мнению А.А. Байкова, «проблема доверия — ключевая в международной политике. Именно эта ее роль и определяет возрастающую значимость «„мягкой силы“ в международных делах как фактора, способствующего или препятствующего установлению доверия в глобальных отношениях» [1]. По его мнению, «наличие доверия в международных отношениях — предпосылка решения любых проблем» [1]. О проблеме доверия упоминает и Майкл Эмерсон: «Институциональный аспект практически полностью отсутствует в официальных документах, если не считать чисто символических замечаний о необходимости использовать существующие многосторонние организации. Однако именно этого и не хватает для того, чтобы инициатива Большой Европы заслужила доверие и обрела созидательную организационную структуру» [30].

Мы также соглашаемся с тем фактом, что взаимное недоверие между тремя сторонами является серьезным препятствием на пути к эффективному сотрудничеству ЕС, СЕ и России.

А.А. Байков делает вывод о «низкой эффективности стратегии «мягкой силы» в паре «Россия — ЕС». Наличие в многогранных и многоплановых отношениях между Россией и Европейским Союзом теснейшим образом переплетенных национальных интересов самых разных стран не делают эти отношения проще, а груз историко-психологических проблем не добавляют им доверия. Поэтому в условиях его дефицита разумно сделать выбор в пользу постоянно функционирующего и формализованного диалога, причем лучше всего — по конкретным, в том числе техническим, аспектам сотрудничества» [1]. По нашему мнению, формализованный подход возможен в краткосрочной перспективе, в долгосрочной перспективе ЕС, СЕ и Россия должны постепенно возвращаться к полноценному диалогу и сотрудничеству: без тесной кооперации и координации действий эффективное решение глобальных проблем просто невозможно.

В то же время существуют и крайне негативные мнения относительно сотрудничества с Россией. Так, министр финансов Германии Вольфганг Шойбле призвал Европу не поддаваться на «провокации Путина» в попытке расколоть Евросоюз. Министр отметил, что Россию беспокоит не расширение Евросоюза, а «мягкая сила» Европы: «Вот почему (Путин) пытается ослабить Европу, раскалывая нас и склоняя нас думать в узких категориях национальных интересов, а мы не должны лить воду на его мельницу», — сказал Шойбле на выступлении в Лондонской школе экономики и политических наук. Подобные заявления Вольфганга Шойбле — ответ на нарастающие проблемы Евросоюза и Германии [31].

Подобные негативные мнения относительно сотрудничества с Россией, наложение экономических санкций, связаны, в частности, с изменениями формата взаимодействия России с Европой.

Если раньше действия России были пассивны и Россия в основном соглашалась со всем, что предлагала Европа, то сейчас страна проводит свою независимую политику, что вызывает недовольство европейских стран. В самом ЕС нет единой позиции из-за разногласий между странами, что сказывается на неопределенности основных направлений политики ЕС и трудностях во взаимодействии с ним.

Несмотря на это, по нашему мнению, взаимодействие России с ЕС и СЕ необходимо продолжать и укреплять, так как именно они участвуют в решении основных экономико-политических и социальных проблем в Европе. При этом важным решением могло бы стать применение мягкой силы Россией и и распространение российских ценностей относительно прав человека и демократии в Европе. Также, по нашему мнению, ЕС, СЕ и РФ могут использовать открытый метод координации если не в краткосрочной, то в долгосрочной перспективе. Основные составляющие ОМК — совместное установление целей, «систематическое распространение знания и опыта; убеждение на основе практики и диалога с коллегами; производство нового знания, включая формирование общего дискурса, сопоставимой статистики, общих индикаторов; повторение и стратегическое использование политических связей» [31], мониторинг и сравнение результатов. Применение данного метода могло бы повлиять на более эффективное решение стоящих перед Европой проблем.

В заключение следует отметить, что на основе проведенного исследования в рамках институционального подхода выявлена прямая конкуренция между ЕС и Советом Европы, имеющая место в сферах прав человека и построения демократии. Речь, в частности, идет об отсутствии эффективного партнерства между двумя международными организациями и недостатке координации деятельности их институтов при наличии серьезных различий двух правозащитных систем.

Кроме того, речь идет о прямой конкуренции двух основополагающих доктринальных документов упомянутых выше международных объединений в сфере прав человека — Европейской конвенции по правам человека Совета Европы (1950) и Хартии ЕС о правах человека (2000). Оба документа закрепляют одинаковые по содержанию права (например, право на свободу объединения).

Поэтому, с одной стороны, в соответствии с толкованием Европейского суда по правам человека, оба источника должны применяться одинаковым образом.

С другой стороны, право ЕС, включая Хартию, может предоставить более широкую защиту основных прав, даже вразрез с Конвенцией (ст. 52), в чем видится элемент соперничества между Советом Европы и Европейским Союзом в правовой сфере защиты прав человека.

Метод «мягкой силы» позволил увидеть привлекательность многих европейских (западных) институтов, таких как образ жизни, культурная и интеллектуальная составляющие западноевропейского общества для значительной части россиян, прежде всего молодежи. Последнее вплоть до настоящего времени (2016 г. — *прим. авт.*) обеспечивает немалую популярность ЕС как «квазигосударственного» объединения европейского Запада для значительной части россиян, несмотря на существенные геополитические расхождения в оценках украинского кризиса и вызванную им санкционную экономическую войну Евросоюза против России.

Что же касается открытого метода координации, то его анализ позволил автору более углубленно понять механизмы координации усилий составляющих Европейский Союз государств-членов по проведению единой сбалансированной политики в области прав человека и построения демократии как в отношении России, так и во взаимоотношениях на едином треке с Советом Европы.

Дальнейшим направлением данного исследования может стать разработка методов возвращения ЕС, СЕ и РФ к полноценному диалогу и сотрудничеству в сферах защиты прав человека и продвижения демократии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Байков А.А. «Мягкая мощь» Европейского Союза в глобальном силовом равновесии: евро-российский трек. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-mosch-evropeyskogo-soyuza-v-globalnom-silovom-ravnovesii-evro-rossiyskiy-trek>.
- [2] Без выполнения «Минска» прогресса в отношениях ЕС—Россия не будет // Ukrinform.ru. 14.03.2016. URL: <http://www.ukrinform.ru/rubric-world/1981905-bez-vypolnenia-minska-progressa-v-otnoseniah-esrossia-ne-budet-glava-mid-bolgarii.html>.
- [3] Все беды ЕС из-за России — министр финансов Германии // Русская весна. 4 марта 2016. URL: tvrussia.ru/news/vstrane_i_mire/content/201603041031-dtci.htm.

- [4] Дудина Г., Тарасенко П., Мишина В. Совет Европы ищет пропавших без вести: Россию критикуют за похищения людей на Кавказе // Коммерсант. 17.03.2016.
- [5] Европа и Россия: политические интересы против борьбы за права человека. 31.01.2009. URL: http://www.yhrm.org/news/regions/germaniya/evropa_i_rossiya_politicheskie_interes_y_protiv_borby_za_prava_cheloveka.
- [6] Европарламент призвал Совет ЕС сохранить санкции против РФ до возврата Крыма в состав Украины // Newsru.com. 4 февраля 2016. URL: <http://www.newsru.com/world/04feb2016/euparliament.html>.
- [7] ЕС и Россия не являются соперниками и нужны друг другу как партнеры — премьер Люксембурга // PenzaNews. 9 декабря 2015. URL: <http://penzanews.ru/analysis/96959-2015>.
- [8] Запуск онлайн-платформы Совета Европы для защиты журналистов // Европейский омбудсман. 17.04.2015.
- [9] Ильина Н. Комиссар Совета Европы по правам человека поругал Евросоюз за отношение к беженцам: Безопасность граждан для ЕС пока важнее, считают эксперты // Ведомости. 11 декабря 2015 г.
- [10] Информационный офис Совета Европы в России. Совместная программа «Меньшинства в России: развитие языков, культуры, СМИ и гражданского общества»: Описание проекта. URL: <http://www.coe.ru/doc/men>.
- [11] Караганов С. Сергей Караганов: Новая идеологическая борьба? // Svop.ru. 22.04.2016. URL: <http://svop.ru/main/20066>.
- [12] Комиссар Совета Европы Нильс Муйжниекс доложил о ситуации в Крыму // Европейский омбудсман. 8.11.2015.
- [13] КС позволил не исполнять решения ЕСПЧ если они противоречат Конституции или принципам международного права. 14.07.2015. URL: https://zakon.ru/discussion/2015/7/14/ks_pozvolil_ne_ispolnyat_resheniya_espch_esli_oni_protivorechat_konstitucii_ili_principam_mezhhdunar.
- [14] Лавров: Россия не стремится к конфликту с ЕС, НАТО или США // Rosbalt.ru. 3 марта 2016. URL: <http://www.rosbalt.ru/federal/2016/03/03/1495153.html>.
- [15] Мельникова К. Лавров проверил евроконтакты (Брюссель — Москва) // Lenta.ru. 20 мая 2015. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/05/19/eurominist>.
- [16] Мельникова К. Лавров проверил евроконтакты: Россия и ЕС продолжают взаимодействие, несмотря на кризис в отношениях // Lenta.ru. 20.05.2015.
- [17] Минюст признал Меджлис запрещенной организацией // Nvdaily.ru. 19.04.2016. URL: <http://nvdaily.ru/info/74444.html>.
- [18] Мягкая сила в глобальной политике. Часть I. Региональное измерение / Материалы круглого стола сотрудников Российского университета дружбы народов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Политология. 2012. № 2.
- [19] Негативные тенденции в отношениях Россия—ЕС можно преодолеть // Russiancouncil.ru. 24 марта 2016. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7445#top-content.
- [20] Объявлены победители конкурса грантов в рамках Совместной программы «Национальные меньшинства в России: развитие языков, культуры, СМИ и гражданского общества». 16.07.2010 г.
- [21] Порядок апелляционного обжалования судебных решений. 20.09.2012. URL: <http://prokuror.kaluga.ru/razyasnenie-5994.html>.
- [22] Представители Совета Европы признали Мордовию примером в деле сохранения национальной культуры и языков // Известия Мордовии. № 186 от 8 декабря 2011. URL: http://www.library.saransk.ru/fu/cutenev/show_news.php?subaction=showfull&id=1323345240&archive=&cnshow=news&ucacat=6>&start_from=.
- [23] Проекты и программы Программного офиса Совета Европы в Российской Федерации. URL: <http://www.coe.int/ru/web/moscow/field-office-information/projects-programmes>.

- [24] Путин о белоленточниках и оранжевых революциях // YouTube.com. 15.03.2015. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=U0V34f3S1WQ>.
- [25] Сербия отказалась вступить в ЕС в ущерб хорошим отношениям с Россией // Lenta.ru. 1 апреля 2016. URL: https://lenta.ru/news/2016/04/01/sitting_on_two_chairs.
- [26] Тени холодной войны: экспертный взгляд на контакты России и Запада // Vestikavkaza.ru. 29.03.2016. URL: <http://www.vestikavkaza.ru/news/Teni-kholodnoy-voyny-ekspertnyy-vzglyad-na-kontakty-Rossii-i-Zapada.html>.
- [27] Туск: Страны «Восточного партнерства» имеют право на европейскую мечту. Анатолий Шарий: медиаэксперт. 20.05.2015. URL: <http://sharij.net/22470>.
- [28] У России — жесткие ресурсы воздействия, у ЕС — мягкая сила // Белорусско-российские новости. 28 апреля 2016 г. URL: <http://www.byrunews.org/index.php/evropa/1075-u-rossii-zhestkie-resursy-vozdeystviya-u-es-myagkaya-sila>.
- [29] *Чижев В.* Виталий Чижев: Отношения РФ и ЕС развиваются позитивно // Фонд Горчакова. 18 июля 2015. URL: <http://gorchakovfund.ru/news/5780>.
- [30] *Эмерсон М.* Институционализация Большой Европы // CEPS Policy Brief. October 2003. № 42.
- [31] *Borras S., Jacobsson K.* The Open Method of Coordination and New Governance Patterns in the EU // Journal of European Public Policy. 2004. 11(2) April.

CONFLICT OF INTERESTS OF THE COUNCIL OF EUROPE, EU AND RUSSIA IN THE SPHERE OF PROTECTION OF HUMAN RIGHTS AND PROMOTION OF DEMOCRACY

M.V. Danilina

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The article considers the interaction of the Council of Europe, EU and Russia in the sphere of the protection of human rights and the promotion of democracy. The author uses an institutional method, soft power method and the open method of coordination (OMC). Based on research in the framework of the institutional approach the author found a direct competition between the EU and the Council of Europe, taking place in the areas of human rights and democracy building. In the author's view, the use of soft power and the spread of Russian values with respect to human rights and democracy in Europe could be a solution of the problem. In order to solve the global challenges in Europe, the Council of Europe, EU and the Russian Federation can use the open method of coordination, if not in the short term, then in the long term.

Key words: EU, Council of Europe, Russia, the conflict of interests, the protection of human rights, the promotion of democracy

REFERENCES

- [1] Bajkov A.A. «Mjagkaja moshh» Evropejskogo Sojuza v global'nom silovom ravnovesii: evrossijskij trek. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-mosch-evropeyskogo-soyuza-v-globalnom-silovom-ravnovesii-evro-rossiyskiy-trek>.

- [2] Bez vypolnenija «Minska» progressa v otnoshenijah ES—Rossija ne budet. *Ukrinform.ru*. 14.03.2016. URL: <http://www.ukrinform.ru/rubric-world/1981905-bez-vypolnenia-minska-progressa-v-otnoseniah-esrossia-ne-budet-glava-mid-bolgarii.html>.
- [3] Vse bedy ES iz-za Rossii — ministr finansov Germanii. *Russkaja vesna*. 4 marta 2016. URL: http://tvrzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201603041031-dtci.htm.
- [4] Dudina G., Tarasenko P., Mishina V. Sovet Evropy ishhet propavshih bez vesti: Rossiju kritikujut za pohishhenija ljudej na Kavkaze. *Kommersant*. 17.03.2016.
- [5] Evropa i Rossija: politicheskie interesy protiv bor'by za Prava Cheloveka. 31.01.2009. URL: http://www.yhrm.org/news/regions/germaniya/evropa_i_rossiya_politicheskie_interesy_protiv_borby_za_prava_cheloveka.
- [6] Evroparlament prizval Sovet ES sohranit' sankcii protiv RF do vozvrata Kryma v sostav Ukrainy. *Newsru.com*. 4 fevralja 2016. URL: <http://www.newsru.com/world/04feb2016/euparliament.html>.
- [7] ES i Rossija ne javljajutsja sopernikami i nuzhny drug drugu kak partnery — prem'er Ljuksemburga. *Penza News*. 9 dekabnja 2015. URL: <http://penzanews.ru/analysis/96959-2015>.
- [8] Zapusk onlajn-platformy Soveta Evropy dlja zashhity zhurnalistov. *Evropejskij ombudsman*. 17.04.2015.
- [9] Il'ina N. Komissar Soveta Evropy po pravam cheloveka porugal Evrosojuz za otnoshenie k bezhencam: Bezopasnost' grazhdan dlja ES poka vazhnee, schitajut jeksperty. *Vedomosti*. 11 dekabnja 2015.
- [10] Informacionnyj ofis Soveta Evropy v Rossii. Sovmestnaja programma «Men'shinstva v Rossii: razvitie jazykov, kul'tury, SMI i grazhdanskogo obshhestva»: Opisanie proekta. URL: <http://www.coe.ru/doc/men>.
- [11] Karaganov C. Sergej Karaganov: Novaja ideologicheskaja bor'ba? *Svop.ru*. 22.04.2016. URL: <http://svop.ru/main/20066>.
- [12] Komissar Soveta Evropy Nil's Mujzhnieks dolozhil o situacii v Krymu. *Evropejskij ombudsman*. 8.11.2015.
- [13] KS pozvolil ne ispolnjat' reshenija ESPCh esli oni protivorechat Konstitucii ili principam mezhdunarodnogo prava. 14.07.2015. URL: https://zakon.ru/discussion/2015/7/14/ks_pozvolil_ne_ispolnyat_resheniya_espch_esli_oni_protivorechat_konstitucii_ili_principam_mezhdunar.
- [14] Lavrov: Rossija ne stremitsja k konfliktu s ES, NATO ili SshA. *Rosbalt.ru*. 3 marta 2016. URL: <http://www.rosbalt.ru/federal/2016/03/03/1495153.html>.
- [15] Mel'nikova Ksenija Lavrov proveril evrokontakty (Brjussel' — Moskva). *Lenta.ru*. 20 maja 2015. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/05/19/eurominist>.
- [16] Mel'nikova K. Lavrov proveril evrokontakty: Rossija i ES prodolzhajut vzaimodejstvie, nesmotrja na krizis v otnoshenijah. *Lenta.ru*. 20.05.2015.
- [17] Minjust priznal Medzhlis zapreshhjonnoj organizacii. *Nvdaily.ru*. 19.04.2016. URL: <http://nvdaily.ru/info/74444.html>.
- [18] Mjagkaja sila v global'noj politike. Chast' I. Regional'noe izmerenie. Materialy kruglogo stola sotrudnikov Rossijskogo universiteta družby narodov. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija Politologija*. 2012. № 2.
- [19] Negativnye tendencii v otnoshenijah Rossija—ES možno preodolet'. *Russiancouncil.ru*. 24 marta 2016. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7445#top-content.
- [20] Ob'javleny pobediteli konkursa grantov v ramkah Sovmestnoj programmy «Nacional'nye men'shinstva v Rossii: razvitie jazykov, kul'tury, SMI i grazhdanskogo obshhestva». 16.07.2010.
- [21] Porjadok apelljacionnogo obzhalovanija sudebnyh reshenij. 20.09.2012. URL: <http://prokuror.kaluga.ru/razyasnenie-5994.html>.
- [22] Predstaviteli Soveta Evropy priznali Mordoviju primerom v dele sohraneniya nacional'noj kul'tury i jazykov. *Izvestija Mordovii*. № 186 ot 8 dekabnja 2011. URL: http://www.library.saransk.ru/fu/cutenews/show_news.php?subaction=showfull&id=1323345240&archive=&cshow=news&ucat=6>&start_from.

- [23] Proekty i programmy Programmnoho ofisa Soveta Evropy v Rossijskoj Federacii. URL: <http://www.coe.int/ru/web/moscow/field-office-information/projects-programmes>.
- [24] Putin o belolentochnikah i oranzhevyh revoljucijah. *YouTube.com*. 15.03.2015. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=U0V34f3S1WQ>.
- [25] Serbija otkazalas' vstupať v ES v ushherb horoshim otnoshenijam s Rossiej. *Lenta.ru*. 1 aprlja 2016. URL: https://lenta.ru/news/2016/04/01/sitting_on_two_chairs.
- [26] Teni holodnoj vojny: jekspertnyj vzgljad na kontakty Rossii i Zapada. *Vestikavkaza.ru*. 29.03.2016. URL: <http://www.vestikavkaza.ru/news/Teni-kholodnoy-voyny-ekspertnyy-vzglyad-na-kontakty-Rossii-i-Zapada.html>.
- [27] Tusk: Strany «Vostochnogo partnjorstva» imejut pravo na evropejskuju mechtu. Anatolij Sharij: mediajekspert. 20.05.2015. URL: <http://sharij.net/22470>.
- [28] U Rossii — zhestkie resursy vozdejstvija, u ES — mjagkaja sila. *Belorusko-rossijskie novosti*. 28 aprlja 2016 g. URL: <http://www.byrunews.org/index.php/evropa/1075-u-rossii-zhestkie-resursy-vozdejstviya-u-es-myagkaya-sila>.
- [29] Chizhov V. Vitalij Chizhov: Otnoshenija RF i ES razvivajutsja pozitivno. *Fond Gorchakova*. 18 ijulja 2015. URL: <http://gorchakovfund.ru/news/5780>.
- [30] Jemerson M. Institucionalizacija Bol'shoj Evropy. *CEPS Policy Brief*. October 2003. № 42.
- [31] Borrás S., Jacobsson K. The Open Method of Coordination and New Governance Patterns in the EU. *Journal of European Public Policy*. 2004. 11(2) April.

ТРАНСПОРТНАЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ В КОНТЕКСТЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

Х. Воделэн

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В статье исследуется транспортная политика Франции в контексте Конференции по вопросам изменения климата 2015 г. Статья описывает влияние климатических факторов на транспортную политику страны. Отдельное внимание уделяется актуализации проблемы безопасности на транспорте после терактов в Париже 13 ноября 2015 г.

Ключевые слова: транспортная политика, экология, безопасность, Конференция по вопросам изменения климата

Теракты 13 ноября 2015 г. глубоко потрясли Францию и косвенно способствовали изменению структуры потребления французов. И транспортная политика государства в этом контексте (транспортная безопасность в том числе) стала играть решающую роль. Кроме того, 2015 год был отмечен подписанием нового соглашения по проблемам климата, которое произошло в рамках Конференции по вопросам изменения климата, прошедшей в Париже. Это соглашение должно будет серьезно повлиять на сферу публичного транспорта.

В этой связи интересно проанализировать взаимное влияние между транспортными вопросами, экологией и проблемами безопасности. По нашему мнению, общие усилия в области безопасности, предпринятые Францией, являются недостаточными, и политика государства по отношению к транспорту является противоречивой и двойственной.

Соотношение между транспортом и климатом тесно связано с вопросами экологии и должно быть рассмотрено в контексте конференции по вопросам и проблемам климата в Париже. Также через призму экологии можно показать влияние на эти соглашения определенных политических аспектов.

Экологическая доктрина в политике государства официально появилась в 1970-х гг., когда начинался процесс формирования общества потребления [4]. В это же время родилась идея экологической политики, то есть требование учитывать экологические факторы в процессе принятия политических решений. Таким образом, экологические проблемы стали политическими проблемами.

Для лучшего понимания процесса взаимоотношения политики и экологии стоит обратиться к их первоисточникам.

С самого начала экологические проблемы рассматривались с позиции консервативных ценностей, поскольку они стали противостоять идее максимального быстрого прогресса, индустриализации и урбанизации. Одним из ярких представителей такого консервативно-экологического направления был Генри Дэвид Торо и его книга «Уолден, или Жизнь в лесу» [24]. Он развивает идею самоуправления и необходимости жить по законам природы. Это талантливый памфлет на все ин-

дустриальное общество, которое будет изменять западный мир в XIX в. Данное направление в политике и экологии существует и сегодня, но его сторонники давно являются меньшинством. В качестве примера можно отметить французскую политическую партию под названием «Охота, рыболовство и традиции» как представителя подобного направления, но сама партия уже практически не существует.

Более поздним явлением во Франции была теория анархистской экологической политики, которая активно разрабатывал С. Московичи [1]. Его идея заключается в том, что невозможно выделять отдельно человека и природу. Он отвергает идею фиксированного состояния природы и считает, что человек сам формирует природу. Экология для него является прогрессивной по сути и включает в себя, таким образом, идею прогресса и движения вперед. Он призывает к защите природы и построению новых правил и норм во взаимоотношениях с природой для обеспечения будущего.

Интересно также отметить постепенное изменение формы экологической политики. В 1970-е гг. она выглядела как одно из отдельных направлений по сравнению с другими направлениями (либералы, консерваторы и т.д.). Так, С. Липсет [20] утверждал, например, что существует парадигма экологической политики и что у нее есть определенные ценности, которые принципиально отличаются от других направлений. Тем не менее, на сегодняшний день экологическая политика была интегрирована в программу всех основных политических партий в Европе. Она стала своеобразным «поднаправлением», которое было принято всеми. Тем не менее, массовый интерес политиков к ряду экологических вопросов стал проявляться достаточно недавно.

Только с конца 90-х гг. вопрос экологической политики ставится в центр международного обсуждения. Интерес к этому вопросу расширяется, в том числе из-за увеличения количества стихийных бедствий, увеличения темпов потепления мирового климата, актуализации проблем островных стран, борющихся против подъема уровня воды. А сегодня во Франции, так же как и в России, главы государств выступают за проведение четкой экологической политики и за снижение промышленных выбросов в атмосферу. Президент России В.В. Путин заявил на климатической конференции, что Россия будет к 2020 г. «снижать выбросы парникового газа до 70% от выбросов 1990 года» [5].

Из-за проблем климатического характера также возникают политические проблемы. Важно в этом контексте подчеркнуть связь между климатом и транспортом. Публичный транспорт отвечает за 14% выбросов всех парниковых газов, а автомобильный транспорт несет ответственность за 94% всех транспортных выбросов [19]. Так, по итогам 2010 г. такие выбросы составили 49 гигатонн CO₂-эквивалента. Выбросы стабильно росли на 1,3% каждый год в период между 1970 и 2000 г. и на 2,2% в год в период между 2000 и 2010 г. 78% всех выбросов связаны с ископаемыми видами топлива и выбросами промышленности. Страны, лидирующие по объемам выбросов — Китай (24%), США (15,5%), Европейский Союз (11%), Индия (6,5%) и Россия (5%). Благодаря выбросам в период между 1880 и 2012 г. наблюдается повышение температуры на планете в среднем 0,85 °С.

Поэтому поиск решения по вопросам изменения климата является важным, и цель климатической конференции все более и более актуальна [3].

Государственную политику в области транспорта можно разделить на два уровня: глобальный и локальный. Каждый уровень обладает собственной проблематикой. Глобальный уровень актуализировал и фиксировал общую, мировую цель — снижение выбросов парникового газа в атмосферу. Локальный уровень отличается выборов в расстановке приоритетов: общественный транспорт или личный транспорт. Локальные транспортные системы тесно связаны с мегаполисами — без транспорта нет мегаполиса. Мегаполис должен разрабатывать транспортную политику через систему публичных правил пользования личным и общественным транспортом. Например, в Москве, как и в Париже, парковки в центре города стали платными, чтобы побудить население к использованию общественного транспорта.

В этом контексте интересно наблюдать позиционирование французской транспортной политики и участие в этой связи экологического аспекта, который затрагивается в рамках международного форума по проблемам климата. Таким образом, во-первых, нужно хорошо понимать концепцию конференции по вопросам климата, его происхождения и достижений.

Первая международная встреча по этой теме происходила в 1972 г., на всемирном саммите в Стокгольме, а затем в Найроби в 1982 г. В 1986 г. был подписан первый протокол в области климата (Монреальский протокол) в целях обеспечения сохранения озонового слоя. В 1988 г. создается Межправительственная Группа экспертов по вопросам изменения климата под эгидой ООН.

Деятельность различных государств в интересах сохранения окружающей среды ускоряется в 90-е гг. и в итоге приводит к глобальной конференции по вопросам изменения климата (знаменитые *Conferences of the Parties*).

Именно на конференции в Рио-де-Жанейро в 1992 г., которая объединяла 110 глав государств и более 2000 представителей неправительственных организаций, был формулирован документ, резюмировавший основные принципы, связанные с окружающей средой. В рамках этой конференции была тоже создана Конференция по вопросам изменения климата (КОП).

Каждая предметная конференция по вопросам климата приносит свои собственные достижения в области защиты окружающей среды и климата. Первая состоялась в Берлине в марте 1995 г. и определяла необходимость ограничения выбросов парниковых газов. Конференция сводилась к изложению мнений и не являлась обязательной для государств. Вторая состоялась в Женеве годом позже, и на ней было признано, что изменение климата является «угрозой для человечества».

Наиболее известная конференция прошла в Киото в 1997 г. 37 стран подписали документы, согласно которым они обязуются следовать сокращению выбросов парниковых газов. Цель на 2012 г. — это снижение на 5,2% выбросов газов по сравнению с объемами выбросов в 1990 г. Конференции № 4 и 5 (в Буэнос-Айресе и Бонне) не принесли никаких серьезных изменений и только дополнили Киотский протокол. В основном эти конференции запомнились выступлениями Джорджа Буша, который утверждал, что США не будут следовать целям Киот-

ского протокола. В качестве решения этой проблемы на следующей — Гаагской конференции в 2000 г. был создан «рынок квот на выбросы». На этом рынке государства могут продавать свои права на объем выбросов другим государствам, если они сами не используют их в полном объеме.

Конференция № 7 в Марракеше зафиксировала новые правила применения Киотского протокола и вводила новое понятие: необходимость помощи для развивающихся стран, чтобы решать проблемы, связанные с потеплением климата и их последствиями. Три следующие конференции 2002 г. (Нью-Дели), 2003 (Милан), 2004 (Буэнос-Айрес) осуществляли помощь для бедных стран. Конференция № 11 в Монреале являлась уникальной, поскольку на ней были представлены практически все государства ООН (188 государств), но не дала почти ничего нового. На конференциях в Найроби (2006), на Бали (2007), в Познани (2008) обсуждали вопросы перехода от Киотского протокола к дальнейшей деятельности. Также в Познани государства Европейского Союза обязались в одностороннем порядке уменьшить на 20% совокупные выбросы парниковых газов по сравнению с уровнем 1990 г. к 2020 г.

В 2009 г. Копенгаген, США и Китай отказывались принять на себя обязательства в отношении парниковых газов. В 2010 г., в Канкуне, государства-участники согласились, что повышение температуры в атмосфере не должно превышать +2 °С в год. Но в очередной раз это заявление не является обязательным для всех стран.

В 2011 г. в Дурбане государства-участники договаривались о продлении Киотского протокола на 8 лет. Однако Россия, Япония и Канада по итогам выходили из протокола, а США и Китай уже не принимали участие в протоколе. Таким образом, государства, подписавшие протокол, составили не более 15% выбросов парниковых газов. Конференции № 18 (Доха), № 19 (Варшава), № 20 (Лима) искали решения, чтобы продлить усилия в рамках Киотского протокола, укрепить их и приготовить конференцию № 21, которая прошла в Париже в 2015 г.

Проведение конференции в Париже после терактов потребовало создания улучшенной системы безопасности [16]. Таким образом движение было частично заблокировано на автомагистралях столицы (A1, A6) и на внутреннем кольце, и общественный транспорт был бесплатным, чтобы облегчить движение парижан [11].

Результаты конференции были успешными. Киотский протокол стал обязательным — отныне страны обязаны были подчиняться его нормам, а не только действовать исходя из «доброй воли» [6]. 12 декабря 2015 г. 195 государств договорились о совместной программе по вопросам изменения климата и пришли к соглашению [2]. Лоран Фабиус, президент конференции, утверждал, что это «соглашение является дифференцированным, справедливым, устойчивым, динамичным, сбалансированным, и у него юридически обязательный характер» [15].

Однако французская транспортная политика в настоящее время — совместима ли она с экологическими целями конференции? Поддержит ли Франция на самом деле процесс экономии энергии, когда речь идет о транспорте?

Если Франция была первопроходцем в вопросах защиты окружающей среды в ходе конференции по вопросам изменения климата, то в своей транспортной

политике она занимает амбивалентное положение [18]. Но чтобы хорошо понимать позиции Франции, необходимо вспомнить изменение политического контекста и появление новых угроз.

Франция, которая была до сих пор относительно безопасной страной, теперь живет в страхе нападения и новых террористических актов. Террористические акты, совершенные 13 ноября, запугали страну и показали серьезные проблемы в системе безопасности. Отныне Франция постарается укреплять безопасность, в том числе в области транспорта. Сеголен Руаяль, министр экологии и транспорта, выступила после терактов и пообещала, что будет укреплена безопасность на вокзалах, аэропортах и во всем общественном транспорте.

В результате усиления безопасности на транспорте во Франции произошло увеличение полномочий сотрудников и их количество [7]. Кроме того, контрольные устройства устанавливаются на вокзалах, и SNCF собирается вводить в действие машины, способные обнаружить взрывчатку в багаже [10]. Но в действительности теракты имели тенденцию способствовать увеличению популярности индивидуального транспорта и повысить, таким образом, влияние транспортных выбросов на окружающую среду.

Как уже было отмечено, транспорт отвечает за 14% выбросов парниковых газов [19]. Автомобильный транспорт при этом отвечает за 94% из всех транспортных выбросов, и тем не менее во Франции автомобиль остается лидером и продолжает укреплять свои позиции.

Существуют несколько явлений, которые способствуют укреплению негативного воздействия транспорта на глобальное потепление. Действительно, падение цен на нефть привело к фактическому увеличению дорожного трафика, то есть французы стали более интенсивно использовать частные автомобили, чем раньше (составляют 75% от трафика). Доля индивидуального транспорта увеличивается на 1,2% в 2014 г. [19], то есть в 2 раза больше, чем в 2013 г. Дорожный трафик увеличивается на 0,8%, тогда как с 2008 г. он находился на уровне около 0,5%. Увеличение движения на индивидуальном автомобиле составляет 1% и 0,6% на легком автомобиле. Цифры 2015 г., по прогнозам, окажутся еще хуже. Действительно, после терактов французы стали еще более активно использовать и предпочитать индивидуальный автомобиль. Так, в ноябре 2015 г. посещаемость метро и поездов уменьшилась на 10%, а продажа топлива увеличилась на 4,7% в ноябре 2014 г. по сравнению с данными ноября 2013 г. [17; 21].

Железнодорожный транспорт Франции также находится в упадке. Для больших расстояний он уменьшается на 2,7% в 2012 г., 1,2% в 2013 г. и 0,5% в 2014 г. [19]. Тем не менее, железнодорожные перевозки в 8 раз менее вредны, чем автомобильный транспорт с точки зрения выбросов в атмосферу. Более того, как ни удивительно это может показаться, Франция выбрала автобус во вред железнодорожному транспорту, что было связано с законом Масгона (министр экономики Франции) [22].

Во Франции движение автобусов было регулировано комплексным правилом, но рынок автобусов и их движение были резко либерализованы в 2015 г. *«В настоящее время многие французы слишком бедны для того, чтобы сесть на поезд, который стоит слишком дорого. Транспорт на автобусе от 8 до 10 раз дешевле,*

чем на поезде. Эта мера по либерализации транспорта пойдет на пользу всем семьям», — сказал министр [14]. Через месяц после либерализации 70 городов уже обслуживались автобусами Masop, и около 250 000 пассажиров использовали автобус [13]. Таким образом, экология и связанные с ней проблемы является до сих пор второстепенной проблемой во Франции.

Однако было бы неверно утверждать, что Франция не делает никаких усилий для обеспечения сокращения вредных выбросов в атмосферу. Действительно, правительство способствует программе развития электрического автомобиля. Некоторые города, такие как Париж и Бордо, уже располагают соответствующей инфраструктурой для обслуживания таких автомобилей. Более того, терминалы перезарядки будут постепенно установлены практически везде, на заправках и автострадах через каждые 80 км.

Продажи новых электрических автомобилей выросли на 4,1% в 2014 г., то есть удвоились в течение 4 лет [9]. Это объясняется государственной политикой поддержки электрических автомобилей. На сегодняшний день действует бонус в размере 6300 евро за покупку электромобиля. Сюда можно добавить 3700 евро для возобновления дизельных автомобилей и помощь от региона в диапазоне от 2500 до 5000 евро. Кроме того, уже обсуждаются возможности создания бонуса на покупку подержанного электромобиля. Однако процесс производства электрического автомобиля более загрязняет атмосферу, чем производство обычного автомобиля.

Можно ли таким образом сказать, что электромобиль более чист для окружающей среды? Ответ на этот вопрос тесно связан с происхождением электричества, используемого при производстве и последующем его использовании — является ли оно возобновляемой энергией или нет?

Также стоит вернуться к роли мегаполиса. В Париже Ан Идалго ведет настоящую войну против автомобиля [23]. Любой человек, отказавшись от автомобиля, будет получать проездной билет на общественный транспорт на один год и пропуск для использования V-lib и автомобиля в режиме самообслуживания. Но мэр Парижа забывает, что Париж — это не только молодежь, живущая в центре города и имеющая довольно высокие доходы. Его политика не учитывает тех, кто вынужден использовать автомобиль. «Экология по-французски» имеет тенденцию быть карательной, и может быть из-за этого является контрпродуктивной [12].

При этом Франция пытается стимулировать экологическое сотрудничество в ходе конференции по вопросам изменения климата. Именно Франция была руководителем проекта по обязательному сокращению вредных выбросов, влияющих на окружающую среду. Тем не менее, стоит констатировать, что французская транспортная политика в настоящее время не согласовывается с декларируемыми экологическими целями и задачами. В этой же связи можно обсудить целесообразность строительства нового аэропорта возле города Нант, несмотря на то, что трафик пассажиров старого аэропорта Нанта сокращается вот уже на протяжении многих последних лет.

В заключение стоит отметить крайне важный факт, который заключается в том, что в современных реалиях Франции экология напрямую зависит от экономики. И это несмотря на то, что экология вполне может состоять на службе эконо-

мики и может способствовать созданию новых рабочих мест, что весьма актуально в условиях длительного экономического кризиса. Кроме того, в условиях процветающей экономики и соответствующего ей высокого уровня жизни граждане самостоятельно интересуются экологией и способствуют очищению окружающей среды от лишних загрязнений даже без активного вмешательства государства.

Однако для большинства европейских и французских политиков экология продолжает восприниматься как некое вторичное явление по сравнению с экономикой и любыми затратами государственного бюджета. Поэтому политические усилия прикладываются тогда и только тогда, когда они обеспечивают или, по крайней мере, не препятствуют немедленной или финансовой выгоде.

Таким образом, можно с сожалением констатировать, что на сегодняшний день для французского правительства сохранение окружающей среды, равно как и вся экологическая политика, является сугубо второстепенной задачей, что сказывается в свою очередь и на серьезном несоответствии французской транспортной политики с декларируемыми Францией экологическими инициативами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Московичи С.* Размышления о природе и об экологии. М., 2002.
- [2] Официальный сайт конференции климата. URL: <http://www.cop21.gouv.fr/la-presidence-francaise-remet-son-projet-daccord-final>.
- [3] Официальный сайт конференции климата. URL: <http://www.cop21.gouv.fr/les-principaux-chiffres-du-rechauffement-climatique>.
- [4] Официальный текст Доклада Римского Клуба об экологии и о экономическом росте. URL: http://cartographie.sciences-po.fr/cartotheque/44_txt_analyse%20succinte%20du%20rapport%20Meadows.pdf.
- [5] РИА Новости. 30.11.2015. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1578936>.
- [6] Conference of the Parties. Twenty-first session. Adoption of the Paris Agreement, Proposal by the President. 12.12.2015. URL: http://www.lemonde.fr/cop21/article/2015/12/12/cop21-les-points-cles-du-premier-accord-universel-sur-le-climat_4830606_4527432.html.
- [7] *Cortes I.* Le renforcement de la sécurité dans les transports entre les mains des députés // Public Sénat. 2015. URL: <http://www.publicsenat.fr/lcp/politique/renforcement-securite-transport-collectifs-entre-mains-des-deputes-1170745>.
- [8] FM. Chronologie. Climat: l'histoire de la COP21 // Le parisien. 2015. URL: <http://www.leparisien.fr/espace-premium/actu/chronologie-climat-l-histoire-des-cop-de-1-a-21-27-11-2015-5319063.php>.
- [9] France TV info. La voiture électrique devient tendance. 2015. URL: http://www.francetvinfo.fr/replay-jt/france-3/19-20/la-voiture-electrique-devient-tendance_1244326.html.
- [10] *Guerrier M.* La SNCF va renforcer la sécurité // RTL. 2015. URL: <http://www.rtl.fr/actu/societe-faits-divers/le-journal-de-13h-la-sncf-va-renforcer-la-securite-7780943628>.
- [11] L'OBS. Sécurité, transports... Dispositif exceptionnel pour la COP21. 2015. URL: <http://tempsreel.nouvelobs.com/planete/cop21/20151125.OBS0148/securite-transport-dispositif-exceptionnel-pour-la-cop21.html>.
- [12] L'écologie n'est-elle que punitive // Le Figaro. 18.03.2014. URL: <http://www.lefigaro.fr/vox/politique/2014/03/18/31001-20140318ARTFIG00345-l-ecologie-n-est-elle-que-punitive.php>.
- [13] Le monde. Autocars: les premiers effets de la loi Macron se font sentir // Le monde. 2015. URL: http://www.lemonde.fr/economie-francaise/article/2015/09/21/autocars-les-premiers-effets-de-la-loi-macron-se-font-sentir_4765743_1656968.html.

- [14] Le monde. Ce que contient désormais la loi Macron // Le monde. 2015. URL: http://www.lemonde.fr/les-decodeurs/article/2015/08/06/ce-que-contient-desormais-la-loi-macron_4714255_4355770.html.
- [15] Le monde. COP 21 : Les points clés du premier accord universel sur le climat // Le monde. 12.12.2015. URL: http://www.lemonde.fr/cop21/article/2015/12/12/cop21-les-points-cles-du-premier-accord-universel-sur-le-climat_4830606_4527432.html.
- [16] Le monde. Transports. Sécurité: le dispositif mis en place pour la COP21 // Le monde. 2015. URL: http://www.lemonde.fr/cop21/article/2015/11/25/transports-securite-le-dispositif-mis-en-place-a-pour-la-cop21_4817008_4527432.html.
- [17] Le point. Fréquentation en baisse dans les transports en commun d'Ile de France // Le monde. 19.11.2015. URL: http://www.lepoint.fr/societe/frequentation-en-baisse-dans-les-transports-en-commun-d-ile-de-france-19-11-2015-1983105_23.php.
- [18] *Le Puill G.* En France, la politique des transports accélère le réchauffement climatique // L'humanité. 2016. URL: <http://www.humanite.fr/en-france-la-politique-des-transports-accelere-le-rechauffement-climatique-594735>.
- [19] Les comptes des transports en 2014. Tome 1 52ème rapport à la Commission des comptes des transports de la Nation, Commissariat Général du Développement Durable. 07.2015. URL: http://www.lepoint.fr/societe/frequentation-en-baisse-dans-les-transports-en-commun-d-ile-de-france-19-11-2015-1983105_23.php.
- [20] *Lipset S.M.* L'avenir de l'écologie politique. Paris: La découverte, 1996.
- [21] *Ouest F.* Depuis les attentats de Paris, les ventes de carburant sont en hausse. 2015. URL: <http://www.ouest-france.fr/attentats-paris/depuis-les-attentats-de-paris-les-ventes-de-carburant-sont-en-hausse-3917786>.
- [22] *Renou A.* Loi Macron: et si on partait en autocar? // Le parisien. 2016. URL: <http://www.leparisien.fr/espace-premium/culture-loisirs/et-si-on-partait-en-autocar-10-01-2016-5436123.php>.
- [23] *Roger-Petit B.* Pollution à Paris pourquoi l'écologie punitive d'Anne Hidalgo st contre-productive // Challenges. 2015. URL: <http://www.challenges.fr/politique/20150210.CHA2932/pollution-a-paris-pourquoi-l-ecologie-punitiv-d-anne-hidalgo-est-contre-productive.html>.
- [24] *Thoreau H.D.* Walden; Or, Life in the Woods. Paris: Broché, 1995. URL: http://classiques.uqac.ca/contemporains/moscovici_serge/societe_contre_nature/moscovici_societe_contre_nature.pdf.

TRANSPORT POLICY OF FRANCE IN THE CONTEXT OF ECOLOGICAL PROBLEMS

C. Vaudelin

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

This article has the objective of studying the French transport policy in the wave of the 2015 United Nations Climate Change Conference. This article describes the link between transport and climate, and try to determinate the changes in terms of security after the 13/11 attacks.

Key words: transport politic, transport ecology, security, United Nations Climate Change Conference

REFERENCES

- [1] Moskovichi S. Razmyshlenija o prirode i ob jekologii. M., 2002.
- [2] Oficial'nyj sajt konferencii klimata. URL: <http://www.cop21.gouv.fr/la-presidence-francaise-remet-son-projet-daccord-final>.
- [3] Oficial'nyj sajt konferencii klimata. URL: <http://www.cop21.gouv.fr/les-principaux-chiffres-du-rechauffement-climatique>.
- [4] Oficial'nyj tekst Doklada Rimskogo Kluba ob jekologii i o jekonomicheskom roste. URL: http://cartographie.sciences-po.fr/cartotheque/44_txt_analyse%20succinte%20du%20rapport%20Meadows.pdf.
- [5] RIA Novosti. 30.11.2015. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1578936>.
- [6] Conference of the Parties. Twenty-first session. Adoption of the Paris Agreement, Proposal by the President. 12.12.2015. URL: http://www.lemonde.fr/cop21/article/2015/12/12/cop21-les-points-cles-du-premier-accord-universel-sur-le-climat_4830606_4527432.html.
- [7] Cortes I. Le renforcement de la sécurité dans les transports entre les mains des deutes. *Public Sénat*. 2015. URL: <http://www.publicsenat.fr/lcp/politique/renforcement-securite-transports-collectifs-entre-mains-des-deutes-1170745>.
- [8] FM. Chronologie. Climat: l'histoire de la COP21. *Le parisien*. 2015. URL: <http://www.leparisien.fr/espace-premium/actu/chronologie-climat-l-histoire-des-cop-de-1-a-21-27-11-2015-5319063.php>.
- [9] France TV info. La voiture électrique devient tendance. 2015. URL: http://www.francetvinfo.fr/replay-jt/france-3/19-20/la-voiture-electrique-devient-tendance_1244326.html.
- [10] Guerrier M. La SNCF va renforcer la sécurité. *RTL*. 2015. URL: <http://www.rtl.fr/actu/societe-faits-divers/le-journal-de-13h-la-sncf-va-renforcer-la-securite-7780943628>.
- [11] L'OBS. Sécurité, transports... Dispositif exceptionnel pour la COP21. 2015. URL: <http://tempsreel.nouvelobs.com/planete/cop21/20151125.OBS0148/securite-transports-dispositif-exceptionnel-pour-la-cop21.html>.
- [12] L'écologie n'est-elle que punitive. *Le Figaro*. 18.03.2014. URL: <http://www.lefigaro.fr/vox/politique/2014/03/18/31001-20140318ARTFIG00345-l-ecologie-n-est-elle-que-punitive.php>.
- [13] Le monde. Autocars: les premiers effets de la loi Macron se font sentir // Le monde. 2015. URL: http://www.lemonde.fr/economie-francaise/article/2015/09/21/autocars-les-premiers-effets-de-la-loi-macron-se-font-sentir_4765743_1656968.html.
- [14] Le monde. Ce que contient désormais la loi Macron. *Le monde*. 2015. URL: http://www.lemonde.fr/les-decodeurs/article/2015/08/06/ce-que-contient-desormais-la-loi-macron_4714255_4355770.html.
- [15] Le monde. COP 21: Les points clés du premier accord universel sur le climat. *Le monde*. 12.12.2015. URL: http://www.lemonde.fr/cop21/article/2015/12/12/cop21-les-points-cles-du-premier-accord-universel-sur-le-climat_4830606_4527432.html.
- [16] Le monde. Transports. Sécurité: le dispositif mis en place pour la COP21. *Le monde*. 2015. URL: http://www.lemonde.fr/cop21/article/2015/11/25/transports-securite-le-dispositif-mis-en-place-a-pour-la-cop21_4817008_4527432.html.
- [17] Le point. Fréquentation en baisse dans les transports en commun d'Ile de France. *Le monde*. 19.11.2015. URL: http://www.lepoint.fr/societe/frequentation-en-baisse-dans-les-transports-en-commun-d-ile-de-france-19-11-2015-1983105_23.php.
- [18] Le Puill G. En France, la politique des transports accélère le réchauffement climatique. *L'humanité*. 2016. URL: <http://www.humanite.fr/en-france-la-politique-des-transports-accelere-le-rechauffement-climatique-594735>.
- [19] Les comptes des transports en 2014. Tome 1 52ème rapport à la Commission des comptes des transports de la Nation, Commissariat Général du Développement Durable. 07.2015. URL: http://www.lepoint.fr/societe/frequentation-en-baisse-dans-les-transports-en-commun-d-ile-de-france-19-11-2015-1983105_23.php.
- [20] Lipset S.M. L'avenir de l'écologie politique. Paris: La découverte, 1996.

- [21] Ouest F. Depuis les attentats de Paris, les ventes de carburant sont en hausse. 2015. URL: <http://www.ouest-france.fr/attentats-paris/depuis-les-attentats-de-paris-les-ventes-de-carburant-sont-en-hausse-3917786>.
- [22] Renou A. Loi Macron: et si on partait en autocar? *Le parisien*. 2016. URL: <http://www.leparisien.fr/espace-premium/culture-loisirs/et-si-on-partait-en-autocar-10-01-2016-5436123.php>.
- [23] Roger-Petit B. Pollution à Paris pourquoi l'écologie punitive d'Anne Hidalgo est contre-productive. *Challenges*. 2015. URL: <http://www.challenges.fr/politique/20150210.CHA2932/pollution-a-paris-pourquoi-l-ecologie-punitiv-d-anne-hidalgo-est-contre-productive.html>.
- [24] Thoreau H.D. *Walden; Or, Life in the Woods*. Paris: Broché, 1995. URL: http://classiques.uqac.ca/contemporains/moscovici_serje/societe_contre_nature/moscovici_societe_contre_nature.pdf.

© Воделэн Х., 2016

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN MODEL OF FEDERALISM: RELATIONSHIPS OF CENTER AND REGIONS IN 2007—2016*

Yu.M. Pochta

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

This article was written by Yuriy Pochta for the Council of Europe and was published in the spring of 2016 in the collection: *Regionalisation trends in European countries 2007—2015. A study by members of the Group of Independent Experts of the European Charter of Local Self-Government / Editor: Prof. Francesco Merloni. Strasburg, 2016.* Yuriy Pochta is a member of a group of independent experts of the Congress of Local and Regional Authorities, which is the pan-European political assembly representing local and regional authorities from the forty-seven member states of the Council of Europe. The Congress entrusted the Group of Independent Experts on the European Charter of Local Self-Government with the task of producing a comparative academic study. This study is based on information from Council of Europe member States affected by the regionalisation process and on recent regionalisation developments in Europe. The intention is to review the situation regarding regionalisation since the 2007 report of the European Committee on Local and Regional Democracy (CDLR). Following on from this, the idea is to achieve a broader understanding of the phenomenon from both the legal and institutional angles. The main aim of this study is to evaluate regionalisation trends, towards both more and less regionalisation, in individual countries and consequently in Europe as a whole. At the same time it seeks to determine whether the various countries considered actually have regional institutions as defined by the 2009 Council of Europe Reference Framework for Regional Democracy.

In preparing his section on Russia, Yuriy Pochta proceeded from the fact that the modern Russian state emerged relatively recently — at the turn of 1980—90-s. of the 20th century and its formation, including its federal structure continues. It is shown that since 2007 the process of regionalization of the Russian Federation is developing successfully. Having opted for the creation of a democratic society, post-Soviet Russian Federation borrowed Western model, adapting it to its own circumstances. The impact of these conditions leads to the fact that it is quite difficult to relate the existing Russian federal system to the classic Western model. On this occasion Russian and Western scholars partici-

---

* Данная статья была подготовлена Ю.М. Почтой для Совета Европы и была опубликована весной 2016 г. в сборнике: *Regionalisation trends in European countries 2007—2015. A study by members of the Group of Independent Experts of the European Charter of Local Self-Government / Editor: Prof. Francesco Merloni. Strasburg, 2016.*

pate in a lively debate about the nature of Russian federalism — whether it is real or a simulation, whether it is in the crisis. But in 2014, in connection with the entry of the Crimea and Sevastopol to the Russian Federation, Russian federalism issues become even more urgent, raising a number of questions about the evolution of Russian federalism, the possibility of the organic integration of the two new subjects in the federation in a situation of sharp complication of Russia's relations with the West, led by the United States, caused by the political and socio-economic crisis in the Republic of Ukraine.

Key words: Russian Federation, federalism, federal subject, region, democracy, federal center

Introduction

The current Russian state structure emerged relatively recently, during the 1980s and 90s. The process of its development, including its federal structure, is continuing. With few exceptions, Russian politicians and scientists agree that the federation is currently the most appropriate form of the state-territorial structure for Russia. Having decided on the creation of a democratic society, the post-Soviet Russian Federation borrowed the Western model, adopting it to its own circumstances.

Under the 1993 Constitution, the Russian Federation (“RF”) is a federal state comprising 89 subjects (after 2008 some of them were merged and their number decreased to 83; and in March 2014 the number increased to 85, with the incorporation of the Republic of Crimea and Sevastopol as federal subjects of the Russian Federation). The federation subjects are regional, one of the three levels of administrative and political organization of the country, along with the federal and municipal ones.

The federal level covers the central authorities and their regional subdivisions. The regional level of government embraces the legislative and executive power in the regions, with their powers established by the Constitution of the Russian Federation.

The local government level covers the authorities responsible for issues of local importance. Under the Constitution, the first two levels (the federal and regional ones) are referred to as ‘government’ and, therefore, are public bodies. The third (local) level falls into a special category of public authority — that of local government, as stated by Article 12 of the Constitution of Russia: “The bodies of local government shall not be part of the system of state authorities”. The representative body of the municipality (the city council) and the municipal administration participate in the implementation of federal and regional laws. The city council, as a representative body of local self-government, has control and normative functions (the adoption of municipal legal acts within existing competences).

Historically, since the establishment of the Soviet Union as a federal state (1922) and the Russian Federation (since 1991) the establishment of federation subjects takes place on the basis of two principles: national and administrative-territorial ones. Therefore, the subjects of the Russian Federation include 22 national republics, 46 regions, 9 territories, 4 autonomous regions and 1 area and 3 cities with federal status. Almost a third of the federation subjects are established on the national basis, and the remaining two-thirds are established on the administrative-territorial one.

The difference between these two principles of distinguishing the federation subjects is manifested in the fact that regions which are formally equal founded on this basis

have actually unequal rights, both domestically and with regard to international relations. Like other multi-national democratic federations, the Russian Federation is an asymmetric one.

The tension between the centre and the regions (primarily national autonomies), with the regions striving to obtain more rights, was an important aspect of the USSR disintegration process and the formation of the new state, the Russian Federation, in 1990—1993. As a result of these processes the relations between the regions and the federal centre considerably changed in the new state.

In this process there was a clash of two positions concerning the understanding of the nature of the federation, which is the division and delegation of powers between the federation and the regions. This could be done either on the basis of treaties or constitutions. As a result, in Russia in 1990—1993 there came into existence a federation model, combining both the constitutional and contract approaches.

On coming to power in 2000, President Vladimir Putin announced that he would consolidate the political power into the so-called vertical power structure throughout Russia, seeking to limit the regions' political autonomy. This was necessary to overcome the tendency of unmanageable regionalization and the establishment of authoritarian political regimes in some regions. The country was divided into seven federal districts, each encompassing many federal subjects and headed by a presidential envoy (Central, Northwestern, Southern, Volga, Ural, Siberian, Far Eastern). In 2010 one more federal district was created, the eighth federal district, the North Caucasian one. In March 2014, after the establishment of the new subjects within the Russian Federation — the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol — there was formed a ninth one — the Crimean federal district.

The head of a federal district is an official appointed by the President of Russia. He/she ensures the implementation of the constitutional powers of the President within the federal district. This institution is not provided for by the Constitution and was established by a presidential decree (May 13, 2002 № 849 “On the Plenipotentiary Envoy of the President of the Russian Federation in the Federal District”). The Russian Presidential envoys have done much to eliminate the contradictions between the federal and regional legislation. Federal districts, along with the federation subjects, have become an important part of the country's regional system and have made a considerable contribution to the evolution of Russian federalism.

In particular, since 2000 much has been done to limit the political autonomy of the regional elites in regard to the federal centre. The former partnerships of regional leaders (mostly of presidents of the national republics and governors) with the federal centre have been transformed into subordinate relationships. Besides, in 2007 the federal centre introduced the system of criteria in order to evaluate the work of governors on managing their regions.

Significant changes in the status of regional power bodies, by strengthening the federal centre at the expense of regional power bodies, were introduced by the Federal Law on Amendments and Additions to the Federal Law “On General Principles of Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of Subjects of the Russian Federation (2003)”.

Furthermore, the Russian government created special ministries dealing with the regions' problems. Thus, in 2004 there was created the Ministry of Regional Development of the Russian Federation. This was a federal executive body exercising functions of state policy formulation and legal regulation in the spheres of the socio-economic regional development, federal and inter-ethnic relations, division of powers in the areas of joint jurisdiction of the Russian Federation and the regions, local government, the implementation of cross-border cooperation, the development of the Far North and the Arctic, the protection of national minorities' rights and the original habitat and traditional lifestyles of indigenous peoples and ethnic communities. In September 2014 the Ministry of Regional Development was abolished under the pretext of optimization of the federal bodies of state executive power. The functions of the Ministry were distributed among five other ministries.

In 2012 there was established the Ministry of the Russian Federation on the development of the Far East (Presidential Decree of 21 May 2012, № 636 "On the Structure of the Federal Bodies of Executive Power"). The head of the ministry is at the same time the Presidential Plenipotentiary Envoy to the Far Eastern federal district. A Presidential Decree of 31 March 2014 introduced one more federation ministry on regional issues — for the Crimea, which was responsible for the development of the new Russian regions — Crimea and Sevastopol.

The Ministry for Crimean Affairs was created in order to increase the effectiveness of the federal agencies on the integration of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol in the economic, financial, credit and legal system of the Russian Federation. The Ministry has been assigned duties, in particular, for developing projects of state programs for the development of the peninsula, as well as for the execution by the regional authorities of the powers transferred from the centre. The Ministry has developed a federal program for the development of the peninsula until 2020. However, one year and three months later, President Vladimir Putin supported a proposal by Prime Minister Dmitry Medvedev to abolish this ministry. The head of state signed a decree on the liquidation of the Ministry of Crimea on 15 July 2015. The objectives for the development of the peninsula were transferred to the Trade and Economic Development Ministry and a government commission for the Crimea and Sevastopol was created. The governments of Crimea and Sevastopol will include a number of federal deputy ministers. According to Dmitry Medvedev, the Ministry for Crimean Affairs had fulfilled all its tasks. "At the moment all the legal issues are closed, it is not just about changing the constitution, which was done, and the full integration into the legal field of the Russian Federation... In this sense, we can assume that the Ministry of Crimea has fulfilled its purpose". Putin added that in this way it will be possible to ensure greater independence of the regional authorities of Crimea and Sevastopol. The abolished ministry had as one of its objectives the establishment of a special economic zone of the Crimea, which would allow the peninsula to follow a special liberal development model. This task has now been removed, and the current federal target program considers the peninsula as a regular recipient of the Russian budget. The sole executor of the federal target program for the development of the Crimea after the liquidation of the Ministry will be the government of the Republic.

As a result of this activity the centralized system of state governance has been strengthened. The effectiveness of governance was improved in the conditions of serious challenges to the national security of Russia. At the same time, however, regional representation in the federal government bodies was weakened. The democratic principles of regional life were limited by the ban on direct elections of regional governors, as well as by the ban on the creation of regional political parties as well as parties on the basis of ethnic or religious affiliation.

The ban on the creation of regional parties was considered to comply with the Constitution of the Russian Federation by the Constitution Court ruling of 1 February 2005. The Constitution Court supposed that, in the current specific historical conditions of the establishment of democracy and rule of law in Russia, this limitation was necessary for ensuring such a constitutional value as the country's unity. The Court emphasized that the restriction was temporary and might be removed later.

In 2012 it was decided to restore direct elections of regional governors. The first such elections took place in 2014. In 2014, again (after the ban in 2006 — Federal Law on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in the form of the cancellation of voting against all candidates (against all lists of candidates), 12 July 2006, № 107-FL) the State Duma decided to introduce the possibility of voting “against all”, at the elections at municipal level but not at the regional level or in the elections of the State Duma deputies. The regions are free to decide whether to permit this possibility for local elections or not. Besides this, the minimum threshold in the proportional electoral system at the regional and municipal levels was reduced (Federal Law of the Russian Federation, 4 June 2014, № 146-FL).

The regions have certain powers in regard to local authorities within their territories (legislating on separate questions of the organization and competence of local authorities; determining the financial resources of local authorities; supervising; substituting), but most regulation is enacted through federal laws. In the charters of some regions there are norms guaranteeing the system of all executive authorities, management and control bodies, local authorities located and operating in the region, including the nature, types and the main contents of the administrative relationship between them.

The Budget Code of the Russian Federation (31 July 1998, № 145-FL, Articles 8 and 9) establishes the basic principles of the competence of state power of the Russian Federation subjects and local authorities in the field of regulating budgetary relations. There are separate budgets of the regions and municipalities. In relation to local budgets, the regional authorities have substantial competence (Article 8 of the Budget Code of the Russian Federation): the distribution of regional revenues between the regional budget and local budgets; the division of powers on expenditures with regard to the implementation of the regional budget and local budgets; defining the procedure and conditions for granting financial assistance and budgetary loans from the regional budget to local budgets and providing financial assistance and budgetary loans from the regional budget to local budgets.

In accordance with Federal Law “On General Principles of Local Self-Government in the Russian Federation” (16 September 2003, № 131-FZ) (the current version of 30 January 2014), the state authorities provide the regions with minimum local budgets

and minimum required expenditures of local budgets, on the basis of minimum standards of fiscal capacity. The problem is that their own sources of revenues of local budgets, in the form of local taxes and dues, do not cover their expenses in most regions of the country. Although the revenues for local budgets from federal taxes are considerable, they are insufficient. In most regions there is a considerable budget deficit that complicates the activities of local governments. As a result, the inter-budget transfers to local budgets related to financial security of local government powers to address local issues in 2011 totalled 48.3% of the total own revenues of local budgets. At the municipal level, there is a common problem of “unfunded transfer of authority”. For example, in 2013 the federal legislation (Federal Law of 22 October 2013, № 284-FL) entrusted the heads of cities and municipalities with responsibility for inter-ethnic conflicts. However, funding for these powers, now transferred to the municipal level, is not provided.

In this regard, the financial position of municipalities is largely dependent on the financial capacity of the regions, on the size of the inter-budget transfers and tax revenues transferred from the regional budgets to the local budgets, as well as on the effectiveness of their distribution mechanisms between the budgets of municipalities.

INSTITUTIONAL AND ADMINISTRATIVE ORGANIZATION

The regional level of government in Russia is recognized in the Constitution of the Russian Federation (Article 5), which states that the Russian Federation consists of republics, territories, regions, cities of federal importance, autonomous regions and areas which are equal subjects of the Russian Federation. They have their own constitution or charter and legislation. The federal structure of the country is based on the unity of the state authority system, the division of authority and powers between the bodies of state power of the Russian Federation and bodies of state power of the subjects of the Russian Federation. In relations with federal bodies of state authority all the subjects of the Russian Federation are equal. However, the Constitution of the Russian Federation has supreme juridical force, direct application and is used on the whole territory of the Russian Federation. The laws and other legal acts adopted in the Russian Federation cannot contradict the Constitution of the Russian Federation (Article 15 of the Constitution).

The system of state power bodies in the subjects of the Russian Federation is exercised by them in accordance with the principles of the constitutional system of the Russian Federation and the general principles of the organization of representative (legislative) and executive bodies of state authority established by the federal law.

The Federal Law “On General Principles of Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of Subjects of the Russian Federation” (6 October 1999, № 184-FL) determines that the system of state power bodies of the Russian Federation is constituted by the legislative (representative) body, the supreme executive body, other bodies of state power of the Russian Federation subject, formed in accordance with the constitution (charter) of the Russian Federation subject (Article 2 of the Act).

To the latter ones there can be attributed constitutional (charter) courts, magistrates, human rights ombudsmen, chambers of control and accounts and other specialized bo-

dies. Besides, in accordance with Federal Law no. 67-FL “On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in the Referendum of Citizens of the Russian Federation” dated 12 June 2002 (amended on 21 February 2014) election commissions of the subjects of the Russian Federation have been set up (Article 23 of the Act).

The Act (№ 184-FL) is amended almost every year, reflecting the rapid changes in the social relations regulated by the law. In 2013 the Act was amended 18 times. In 2013 a law was adopted banning persons who hold public office in the Russian regions and their family members from opening and keep accounts (deposits), and from storing cash and valuables in foreign banks located outside the Russian Federation and (or) using foreign financial instruments (Art. 2.1, paragraph 3).

The RF subjects form their own legislative bodies, different in name and structure, based on historical, national and other traditions. The system of regional executive bodies consists of senior officials of the RF subjects (heads of the republics, governors, and heads of administrations of other subjects), as well as the government (Cabinet, administration). In 2010 amendments were made to Federal Law № 184-FL, prohibiting regional leaders from being called presidents. Instead the regions themselves can choose another title for their heads in accordance with their historical traditions. Tatarstan is the only subject of the Russian Federation, which has yet to resolve the question of renaming the president. In the Russian Federation elections are held at three levels — federal, regional and municipal. At the regional level there are direct elections to the legislative (representative) bodies and direct elections of senior officials (heads of the highest executive bodies of state power) (since 2012). According to Art. 73 of the Constitution of the Russian Federation, the subjects of the Federation possess full state authority, including in matters relating to the electoral system used in the elections, as well as specific parameters of electoral procedures and institutions in accordance with the peculiarities of the region, while meeting the standards of citizens’ electoral rights, which are fixed in the Constitution and federal laws. However, Federal Law № 67-FL “On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in the Referendum of Citizens of the Russian Federation” of 12 June 2002 (amended on 21 February 2014) has limited the opportunities of the regions in addressing these issues on their own. It is a framework law, which applies to all elections held in the country. In accordance with this law, the elections of heads of higher executive bodies of the subjects of the Federation are based on the majoritarian electoral system, requiring an absolute majority.

According to paragraph 16 of Art. 35 of the Federal law, as many as 25% of seats in the legislative bodies in the region or in one of its chambers are distributed between the lists of candidates nominated by electoral associations, in accordance with the number of votes received by each of the candidates’ lists. This means that through federal legislation in all regions a mixed (majoritarian-proportional) electoral system has been introduced, which enhances the electoral activity of political parties.

Since 2008 Russia's electoral system has been modernised at the initiative of the Presidents of the Russian Federation, Dmitri Medvedev and Vladimir Putin.

In 2008—2009 provisions were introduced in the Russian electoral legislation on the right of the political party that won the regional parliamentary elections to submit to the head of state nominations for the position of the regional highest official (the head

of the highest executive body of state power). These were in force until 2013. Amendments were also made relating to the registration of electoral associations and candidates of election campaigns (the number of signatures required for registration for the election of deputies to the State Duma was reduced; in addition to the parties represented in the State Duma, parties which formed fractions in more than one-third of the legislative bodies of the Russian Federation were no longer required to collect signatures).

In April 2012 a federal law was passed providing for the return of direct elections of regional leaders after the interruption from 2004 to 2011. In 2013 the law was amended to provide for the right of the regions, along with direct elections of regional leaders, to elect governors by regional parliaments. In 2013 four of the North Caucasus republics (Dagestan, Ingushetia, North Ossetia and Karachay-Cherkessia) took advantage of this opportunity and decided not to conduct direct elections of their leaders. In March 2014 the Republic of Crimea also decided not to elect directly the head of the republic. He was elected by the parliament on the basis of the Russian President's recommendation, similar to the decision of some North Caucasian republics. However, most Russian regions have decided to preserve the procedure of electing governors by direct vote.

We have already noted that Federal Law № 67-FL takes precedence over the local laws on elections of deputies of legislative assemblies. From 2007 to 2014 the State Duma made amendments in the law annually. Therefore the dynamics of change in the regional electoral legislation is dictated by the dynamics of the "framework law" changes. But amendments are often made also in the regional electoral laws, based on the regional legislators' own decisions.

These changes can be illustrated by the example of important rules of the electoral system at the election of regional deputies such as the legal electoral threshold (minimum percentage of votes received), which can be established by the regional laws at the elections of deputies for admission of candidates to the distribution of deputy mandates. The percentage of this barrier up to 2005 ranged from 3 to 10%, and in 2009 more than half of the regions established a 7% barrier. This corresponds to Art. 35 of Federal Law № 67-FL, according to which the minimum percentage of voters cannot be more than 7% of the number of voters who took part in the vote. The Federal Law "On Amendments to the Federal Law "On Basic Guarantees of Electoral Rights and the right to participate in a referendum of citizens of the Russian Federation", 5 May 2014, № 95-FL has lowered the electoral threshold in the regional and municipal elections from 7% to 5%. Today there is no legal turnout threshold for elections to bodies of state power. However, some have questioned the legitimacy of elected bodies, which are elected in elections with voter turnout of less than half of the number of voters included in the lists of voters. There are legislative proposals to establish a minimum threshold for voter turnout — at least 50% of voters included in the electoral lists at the federal and regional elections. This figure will be considered when declaring the elections invalid. An exception is provided for elections to local self-government.

The subjects of the Russian Federation are independent in the legal regulation of implementing their own powers in this rapidly developing sphere of public relations. However, major reforms to improve the management of the regions are carried out by

the federal authorities in the form of administrative reform (c.f. The concept of the administrative reform in Russia in 2006—2010, approved by the RF Government Decree of 25 October 2005, № 1789-p (amended on 9 February 2008, 28 March, 2008 and 10 March 2009).

In 2007, in the framework of the administrative reform, it was planned to introduce anti-corruption expertise of draft laws, other regulations, as well as the implementation of administrative reform programs in the subjects of the Russian Federation. In this context, Federal Law of 25 December 2008, № 273-FL “On Combating Corruption” was adopted, followed by the National Anti-Corruption Plan, which was approved by the President of the Russian Federation on 31 July 2008 (№ Pr-1568). Most subjects of the Russian Federation have begun work on the development and approval of their regulatory acts on conducting the anti-corruption expertise. The final obligation of conducting the anti-corruption expertise was established in the Federal Law of 17 July 2009, № 172-FL “On Anti-corruption Expertise of Legal Acts and Draft Regulations”.

From 2008 to 2012, at the initiative of the federal government, the implementation of basic standards of public services and administrative regulations was carried out. In 2012 the regulation of public services was completed. 540 administrative regulations of services (functions) of the federal bodies of executive power were approved. More than 9,000 and 15,000 administrative regulations were approved at the regional and municipal levels respectively. The administrative regulations of the state (municipal) functions and services enabled the powers of public authorities to be systematized, the regulatory gaps in the legislation of the Russian Federation to be filled and administrative procedures to be normalized.

The information support for the administrative reform was associated with the federal special-purpose program “Administrative Reform 2005—2010”. The section “Program Management at the Regional Level” included the development of a sample program of the regional administrative reform and the creation of a sample program of the administrative reform for implementation at municipal level.

An important role in the implementation of the administrative reform was played by the “Concept on Reduction of Administrative Barriers and Improvement of Access to Public and Municipal Services for 2011—2013” (approved by Presidential Decree of 7 May 2012, № 601 “On the Main Directions of Improving Governance in the Russian Federation”).

These reforms contributed to the division of powers between the federal and regional executive authorities, as well as enhancing the fiscal capacity of local budgets, ensuring the stability of the volume of regional funds of financial support and the co-financing of municipalities. As a result of these measures, the powers between the federal level, the regions and municipal authorities were redistributed, although the powers of local government bodies are still not adequately provided for in financial terms.

COMPETENCES

The Russian Constitution contains the provision that the state power in the subjects of the Russian Federation is exercised by the bodies of state authority created by them (Article 11.1). The division of authority and powers between the state power bodies

of the Russian Federation and those of the subjects of the Russian Federation is implemented by the Constitution, federal and other treaties on the delimitation of the authority and powers. Under the Russian Constitution, each of the types of the Russian Federation subjects has its own specific constitutional and legal status. A republic is characterized as a state, whose status is determined by the Constitution of the Russian Federation and its own constitution. It has the right to establish its own state languages. The status of such subjects of the Russian Federation as a region, area or city of federal importance is determined by the Constitution of the Russian Federation and its charter, adopted by the regional legislative (representative) body.

The status of an autonomous region is defined by the Constitution of the Russian Federation and its charter, adopted by the legislative (representative) body of the autonomous region. It is also possible to adopt federal laws on autonomous regions.

The Constitution of the Russian Federation resolves the issue of sovereignty in the following way: the Russian Federation has sovereignty, but its subjects do not. The sovereignty of the Russian Federation extends to its whole territory (Article 4.1). The subjects have no right to secede from the Russian Federation.

Under the Constitution of the Russian Federation, federal bodies with executive power may create their own territorial bodies and appoint corresponding officials in order to exercise their powers. In agreement with the bodies of executive power of the subjects of the Russian Federation, the federal bodies with executive power may delegate to them the exercising of a part of their powers, and vice versa — in agreement with the federal bodies of executive power, the bodies of executive power of the subjects of the Russian Federation may delegate to them the exercising of a part of their powers.

The Constitution of the Russian Federation contains an explicit reference to the administration of the subjects of the Russian Federation, the joint jurisdiction of the Russian Federation and the subjects of the Russian Federation (Article 72). The regions as the subjects of the Russian Federation have autonomy (full state authority) when solving only their internal issues which are beyond the authority and the powers of the Russian Federation on the issues of joint jurisdiction of the Russian Federation and the subjects of the Russian Federation (Article 73).

It is known that the regional authorities do not always have sufficient tools to fully influence the system of government in the regions. It is the process of decentralization of government that may help to solve this issue. That is why in 2011 the Russian President established two governmental working groups, headed by Deputy Prime Ministers Dmitry Kozak and Alexander Khloponin, to solve issues relating to the decentralization of power, as well as the division of powers between the centre and regions. The key aim of both groups is to improve and reauthorize federal relations between the public authority bodies at the federal, regional and municipal levels.

In addition to these commissions, the Federal Ministry of Regional Development has also worked on the division of powers on the joint jurisdiction between the federal executive bodies, the executive bodies of the Russian Federation subjects and local government bodies. The regulation of inter-ethnic relations is also an important aspect of its activity.

Outside the jurisdiction of the Russian Federation and the joint jurisdiction of the Russian Federation and the subjects of the Russian Federation, the regions exercise their own legal regulation, including the adoption of laws and other regulations. In case of any contradiction between a federal law and a regional regulatory act, it is the federal law which prevails.

FINANCIAL INDEPENDENCE

Under the Russian Constitution (Article 71), federal taxes and dues are the exclusive jurisdiction of the federal government. The joint jurisdiction of the Russian Federation and the regions includes the establishment of general principles of taxation and dues in the Russian Federation.

The “Budget Code of the Russian Federation” of 31 July 1998, № 145-FL (the current version is dated 1 January 2014) (Articles 8 and 9) establishes the basic principles of the competence of state authority bodies of the subjects of the Russian Federation and local authorities in the field of regulation of budgetary relations. In order to expand the scope of legal regulation of their own fiscal competence, the subjects of the Russian Federation adopt the institutional budget legislation, characterized by regional specificity and diversity.

Under the Constitution of the Russian Federation, the Russian federal structure involves the participation of the subjects of the Russian Federation in the development and adoption of federal laws in the sphere of budgeting. Therefore the objects of the law-making process of the sub-federal level are not only laws and other legal acts within the established competence (Part 4 of Art. 76 of the Constitution), but also federal laws and projects to establish common principles of taxation and dues in the Russian Federation (Art. 72, Part 1 of the Constitution).

However, in real legal practice an effective and stable mechanism of the Russian Federation subjects’ participation in the legislative process at federal level has yet to be developed. This is why the issue of coordinating the federal and regional budget legislation is of great importance.

The tax system of the Russian Federation reflects three levels of the budget system of the Russian Federation. Thus, according to the Tax Code of the Russian Federation of 31 July 1998, № 146-FL (Part 1), all taxes and fees are divided into three groups: federal, regional and local. In 1999 a provision establishing a substantially closed list of regional and local taxes was introduced in the Tax Code, which was of fundamental importance for preserving the unity of the tax system. No legislative power bodies of the Russian Federation subject and representative bodies of local government have the right to impose taxes which are not stipulated by the Code. Each year in the Federal Budget Law, standards of allocations of federal taxes and dues to the budgets of lower levels (regional and local) are determined.

Regional taxes are established by the Tax Code of the Russian Federation and the laws of the subjects of the Russian Federation. They are enacted by regional laws and are to be paid on the territory of the corresponding region. Establishing regional taxes, the representative (legislative) authorities determine tax rates on relevant types of taxes

(within the limits established by the Tax Code), tax incentives, procedure and terms of taxes payment. All other elements of regional taxes are established by the corresponding chapters of the Tax Code. Regional taxes are accumulated in the regional budgets and are used by the subjects of the Russian Federation to fulfil their functions.

Local taxes are regulated primarily by federal rather than local laws. In particular, the land tax is established by the Tax Code and legal regulations of the representative bodies of municipalities. It comes into force and ceases to be effective in accordance with the Tax Code and legal regulations of the representative bodies of municipalities, and is to be paid on the territories of these municipalities. Local personal property tax is set by the separate Russian Federation Law “On Taxes on Personal Property” of 9 December 1991, № 2003-1.

Regional authorities have the right to grant tax incentives for regional and local taxes. But given that it comprises just 10—12% of all tax revenues, the possibility of regions to regulate the tax burden is not great. However, this is an additional tool to improve the region's investment potential.

It is important to note that the division of taxes into federal, regional and local does not mean that they are rigidly fixed and should be fully remitted solely to the appropriate budget. The distribution of most taxes between budgets of various levels of government in the Russian Federation is realized by the budget legislation, and is usually made annually when approving the respective budgets.

Each tax share paid in a region is set in the respective budgets, in order to implement the regulation of the revenue base of all budgets during the budget planning in Russia. Changes that reduce revenues from the collection of regional taxes of particular regions may be introduced into the Tax Code by decisions of the federal authorities.

Prior to 2004, 16 taxes and dues had been attributed to the federal taxes and dues, seven to the regional ones and five to the local ones. After 2004 the corresponding figures were eight, three and two respectively. This change resulted in an increase of tax revenues to the federal budget and reduction of the share of tax revenues coming into the regional budgets. The share of revenues from other budgets in the revenues of regional budgets is on average 25% and in 14 regions — more than 50%. Under these conditions, with discrepancies in the overall distribution of collected budget revenues between the levels of the budget system, there is inevitably reproduced the practice of inter-budget transfers. Economically weak regions need regular financial support from the federal budget.

Therefore inter-budget transfers turned out to be the main instrument of the federal government in its relations with regions, as financial redistributive operations became an important element of the state regional policy. This system withstood the test of the economic crisis of 2008—2009. But after the crisis, while preserving the overall centralization of financial flows, there began a process of expanding the regional financial capacity (such as the creation of regional road funds in 2011—2012 on the basis of tax and non-tax revenue sources and the expansion of tax collection at the place of production, through the establishment of mechanisms at the regional level encouraging enterprises to pay taxes at the actual location of production).

Financial support for regions from the federal centre was also provided by the Ministry of Regional Development of Russia. It controlled, within its competence, state support for regions from the federal Investment Fund, provision of subsidies from the federal budget to the regional ones, projects of social and economic development of federal districts, federal special-purpose programs and departmental special-purpose programs in respect of complex territorial development and federal special-purpose programs associated with the economic development of regions and municipalities.

However, the economic stagnation that began in 2012 is reducing the federal budget revenues. Regional budgets, faced with falling revenues on the demand of the federal government to increase social expenditures, risk defaulting. Because of this, regions are increasingly seeking the support of the federal centre. According to the Ministry of Finance, only 10 out of 83 regions did not receive subsidies from the federal budget in the first half of 2013 (Moscow, St. Petersburg, the Moscow Region, the Leningrad Region, Tatarstan, the Tyumen and Sakhalin regions, Nenets, the Yamal-Nenets Autonomous Okrug and Khanty-Mansi Autonomous Okrug). The public debt of the Russian regions in 2014 increased by 20% and exceeded two trillion roubles. In three subjects of the Federation, it has more than doubled, while in 10 regions it exceeding the income of local budgets. The Russian economy is so centralized that the economic independence of regions is difficult to achieve. Regions increase their debts, mainly because they have to finance a significant portion of social commitments (80—85%) while a significant portion of their income comes from the centre. The government continues to provide low cost loans to regions to replace commercial loans, as the territories have to increase debt to fulfill social obligations.

Financial independence of the regional authorities, which receive financial support from the federal budget, is limited by the Budget Code. Subsidization becomes a disqualification criterion for the evaluation of regional authorities. Regions with budgets of which 60% or more depend on financial support from the centre are now under the control of the Ministry of Finance. On the initiative of the federal Ministry of Finance more subjects receiving subsidies for the alignment of budgetary provision from the federal treasury will fall under federal financial control.

The ministry proposes to preserve the right to take foreign loans to pay off debts and finance local budget deficits only for those regions that do not receive subsidies for the alignment of budget security. From 2014, there has been an increase in audit monitoring of financial discipline in both the centre and in all regions. The Ministry of Finance, which is trying to maintain federal control over the regions, would like to be able to dismiss governors of regions with high debt, but this reasonable measure for improving financial discipline after the return of the system of regional leaders' elections does not correspond to the federal character of the Russian state.

CONTROLS

The regions exercise their own legal regulation (adoption of laws and other regulations) only beyond the jurisdiction of the federation and the joint jurisdiction of the Federation and the subjects. Mention has already been made above of the capacity con-

straints of their own regional legal regulation in the areas of taxes and budgets. The Constitution Court of the Russian Federation can consider cases concerning the compliance of federal laws and the president's normative acts and the government with the Constitution of the Russian Federation, at the request of the regional legislative and executive authorities. In addition, the president and the government can request the Constitution Court to consider the compliance of the constitutions of republics, regional charters, the laws and other normative acts of the subjects of the Russian Federation with the Constitution of the Russian Federation, on the issues under the jurisdiction of the bodies of state authority of the Russian Federation, or under the joint jurisdiction of the bodies of state authority of the Russian Federation and the bodies of state authority of the subjects of the Russian Federation (Article 125 of the Constitution).

Regional normative acts adopted outside these two sets of issues are not considered in terms of their compliance with the Constitution of the Russian Federation by the Constitution Court of the Russian Federation, as they are outside the competence of the Federation. The Constitution Court of the Russian Federation resolves disputes on jurisdiction matters between the bodies of state authority of the Russian Federation and those of the subjects of the Russian Federation and between the higher bodies of state authority of the subjects of the Russian Federation.

RELATIONS WITH OTHER LEVELS OF GOVERNMENT

Under the Constitution of the Russian Federation, the source of the powers of local government bodies has a distinct federal structure, which results from the distribution of powers of legislative activity in the sphere of local government between the federation and the regions. The joint jurisdiction of the Russian Federation and the Russian Federation subjects includes the establishment of common principles of organizing the system of bodies of state authority and local government (Article 72, clause "m").

The structure of local government bodies is determined independently by the population (Article 131, Part 1 of the Constitution). Local government bodies independently manage municipal property, draw up, adopt and implement the local budget, establish local taxes and dues and maintain public order. They can be vested by law with certain state powers and receive the material and financial resources necessary to exercise them.

Local government bodies as public authority bodies play a significant role in the regulation of social relations in the region. However, one of the problems with regard to their activities is the delimitation of powers of local government bodies and bodies of state authority. It is difficult to distinguish those issues that should be solved only at the municipal level throughout the Russian Federation. Not being state authority bodies, local government bodies are limited in their capabilities.

The general principles of organization of local government bodies in the Russian Federation are regulated by the Federal Law "On General Principles of Local Self-Government in the Russian Federation" of 6 October 2003, № 131-FZ (the current version is dated 30 January 2014). The Act details the distribution of powers on local government issues between the two levels of government.

The Act contains special articles on the powers of the state authority bodies of the Russian Federation in the sphere of local government, on the powers of regional author-

ities of the Russian Federation in the sphere of local government as well as the jurisdiction of local government bodies. Article 6 of the Act contains a list of thirty issues of local importance. This list may not be reduced by regional legislation, but regional laws can refer some other questions to local issues.

Article 6 of the Act also contains a fundamentally important provision on the right of municipalities to take into consideration issues that are not excluded from their competence and are not within the jurisdiction of other municipalities and public authority bodies. These rules are applied to federal guarantees of local government bodies' independence.

Lawmakers at the federal and regional levels have great potential to determine the legal, territorial, organizational and economic principles of the organization of local government. The possibility of own municipal law-making in these spheres is not excluded. However, basic legal regulation takes place at the federal and regional levels. State authorities are actually entitled to independently establish the scope of their own powers in the field of local government. This refers primarily to the federal authorities, and the regions' powers can be exercised only in those cases where expressly provided by law (Art.6.1 of the Federal Law № 131-FZ).

Law № 131-FZ has contributed to the centralization of a number of regulatory issues of local government, shifting this jurisdiction from the regional to the federal level. Although regions have retained some of their powers, their participation in the regulation of many issues of local government is no longer provided for. Thus, under this law, the federal component outweighs the regional one in the regulation of the general principles of the local government organization, which under the Constitution of the Russian Federation are in the joint jurisdiction of the Russian Federation and its subjects.

However, this does not mean that the regions thereby are prevented from independent (additional) legal regulation of local government. In 2008, the Constitution Court of the Russian Federation formulated the legal position that the regions (subjects) of the Russian Federation can participate in the legal regulation of local government and in those cases where this is not provided by federal law, without violating federal regulations.

One result of the increase of the federal government powers was that, in most regions, the basic regional laws on local government, which had been adopted at the beginning of a wave of liberal reforms of the 1990s, were abolished. The regional constitutions and charters preserved general provisions on local government echoing the federal regulations. It is possible that the regions will adopt new regional laws on local government, in which there will be developed and specified the normative content of federal law with respect to the conditions of particular regions (as an example, the Law of the Republic of Kalmykia on 23 November 2011 № 308-IV-L "On Some Questions of the Organization of Local Government in the Republic of Kalmykia").

Thus, the principle of federalism will be implemented with concrete measures, forming a transition link between the federal and municipal levels of normative regulation, creating a regional level of local government regulation.

In the final resolution of the IV Congress of the All-Russian Council of Local Government (June 2012) it was stated that in some cases the "delimitation of powers in the

federal system is replaced by an administrative delegation of such powers “top down”. As a result, federal relations as well as municipal relations, based on the constitutional independence of local government, are replaced by administrative relations on the implementation of delegated state powers of higher authorities”. This paper proposes another way to define the powers of local government, namely by adopting a federal law that defines the criteria and limits of delegation and sub-delegation of certain federal and regional state powers to the local level.

The regions are also involved in the process of state law-making in the Federation Council, the upper house of the Russian parliament (The Federal Assembly). In accordance with Part 2 of Article 95 of the Constitution of the Russian Federation, the Federation Council is composed of two representatives from each subject of the Russian Federation: one from the representative body and one from the executive body of state power.

The Federation Council is the “Chamber of Regions”, representing the interests of the regions at the federal level, while reflecting the federal nature of the Russian state. Being an institution of integration and consolidation of the regions, the Federation Council provides a balance of federal and regional interests when making decisions aimed at implementing strategic development goals.

The procedure for forming the Federation Council has been changed several times by federal laws and regulations. From January 1996 to December 2001 the governors (heads of regional executive authority) and the heads of regional Legislative Assemblies were members of the Federation Council *ex officio*. From January 2002 to December 2012, on the basis of the reform proposed by President Putin, the governors and heads of the legislature were replaced by designated representatives, who are to work in the Federation Council on a regular and professional basis (in this case one of them is appointed by a governor, and the other — by the regional Legislative Assembly). Heads of regional executive authorities were thus deprived of the opportunity to independently engage in lobbying their interests in the capital and participate in the party and political activities at the federal level. As a sort of “compensation” for regional leaders, in 2000 by decree of President Vladimir Putin, there was established an advisory body, the State Council of Russia. This body, which meets periodically and with the president’s participation examines the pressing issues of the country, has no constitutional status. It is an advisory body, which assists the presidential powers on issues of coordinated cooperation between state authorities. As envisioned by Vladimir Putin, the State Council should become a political body of strategic purpose.

Since 1 January 2013, a new procedure for the formation of the Federation Council of the Federal Assembly of Russia has been put into practice (Federal Law of 3 December 2012, № 229-FL "On the Formation of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation") (Article 1, paragraphs 1—4). The federal legislation introduced the principle of election to the formation of the Federation Council, avoiding the need for any amendments to the Constitution of Russia. The authors of the new procedure for forming the Federation Council had to abandon the earlier idea of introducing direct elections for senators by the regions’ populations. As a result,

a compromise version prevailed that enables the will of the regional population to be taken into account. Moreover, the new procedure for the election of senators is written on the basis of the principle of the non-partisan basis of the Russian parliament upper house.

The new procedure for the election of senators should enhance the stability of the chamber activity as a whole, because regional authorities have lost their prerogative to groundlessly withdraw and change their representatives in the Federation Council. Now only a deputy of this body can be a representative of the regional legislative authority. As for a senator, who is a representative of the regional executive body, he/she will actually be elected, together with the governor.

OVERALL ASSESSMENT

Indeed, in Russia there is a third element, the region as the subject of the federal structure of power. Russia continues its development as a federal state. By trial and error, Russian society is seeking its own model of federation. In the period from 2007 to the present, the democratization of the Russian Federation has continued in the form of regionalization. The Russian regions are becoming an important part of the political space of the country.

In the context of the power vertical creation initiated by Putin in 2000, the federal centre continues to unify the political regimes at the regional level. Therefore, the period 1991—1999 can be called the period of decentralization, whereas since 2000 we have been witnessing a process of re-centralization. However, the varied policy of the federal centre towards the regions, due to the diversity of economic, geographical and socio-cultural conditions of development, inevitably reproduces their diversification.

To understand the process of regionalization in Russia, we need substantive interpretation of the notion of a democratic political regime, with the analysis of specific government practices. That is, it is necessary not only to clarify the formal correspondence of the Russian political regime to democracy norms, but also to analyse the actual dynamics of the configuration of power at the regional level, and to take into account the political culture of the population.

While analysing the relations between the centre and regions, we must take into account the important role played by informal institutions in the political life of Russia. There is also a tendency towards the deformalization of formal institutions, as well as an instrumental understanding of federalism as a means of regulating inter-elite relations. The political autonomy of the regions is sometimes used by regional elites as a means of bargaining with the centre in the “political market”.

The continuing policy of re-centralization of power in the country has been dominated by an administrative approach to the issues of federal relations development. The objective of achieving the financial autonomy of the regions has not yet been achieved, as in the period since 2007 there has been a tendency to increase the federal budget by reducing the regional budgets. However, only a small number of regions were self-sufficient and were donors, while the remaining ones were recipients.

The most important conclusion is that while the state policy vacillates between centralization and decentralization, the political autonomy of the regions exists formally

and in practice. However, further development of the society is undermined by the fact that federalism has not become a core value of political culture. The results of public opinion polls (2010—2012) show a lack of meaningful and systematic request for federalism as a part of everyday political discourse.

The regions still show great interest not in social and democratic federalism, but in an ethnic one. In the dominant political culture of the Russian society (among the elite and the masses of the population), the ideas of political pluralism and autonomy of subjects of the political process are less important than ideas of centralism, unitarianism and the personalization of power. According to political scientists, the current federal state system of Russia, with all its advantages and disadvantages, is quite consistent with the level of the socio-economic development of the society and the political culture of the elite and the population as a whole.

Currently, much attention is given to the bargaining between the centre and the regions over the division of powers and budget distribution to equalize the level of the regions' development. However, prospects for further development consist in combining the activities of the centre and the regions to achieve the public good on the basis of increasing regions' financial autonomy and competitiveness. The centre has created the political and economic mechanisms of interaction with the regions that allow it to keep the situation relatively stable, but constrain opportunities for regional development. The situation is complicated by external economic and political circumstances (low oil prices, the introduction by Western countries and their partners of economic sanctions against Russia after the annexion of the Crimea with Russia⁵⁵ and Russia's solidarity with Donbass as well as the active participation of Russia in solving the Syrian problem). It is no accident that, on 3 December 2015, in his annual address to the Federal Assembly, President Vladimir Putin was forced to point out the need to give incentives to the regions to increase their own revenues without reducing federal funding.

The incorporation of two new entities — the Republic of Crimea and Sevastopol city — into the Russian Federation in March 2014 is a major challenge to the political, economic and social stability of the state. This step may require increased attention to the problem of improving the federative structure, dividing competences between the centre and the regions and substantially strengthening local government.

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ ФЕДЕРАЛИЗМА: ОТНОШЕНИЯ ЦЕНТРА И РЕГИОНОВ В 2007—2016 ГГ.

Ю.М. Почта

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Ю.М. Почта является членом группы независимых экспертов Конгресса местных и региональных властей, который является общеевропейской политической Ассамблеей в составе Совета Европы, представляющей местные и региональные органы власти из сорока семи стран —

участников Совета Европы. Конгресс доверил этой группе независимых экспертов задачу проведения сравнительного научного исследования на основе информации, полученной из государств — членов Совета Европы, затронутых процессом регионализации и на информации о недавних процессах регионализации в Европе. Намерение состояло в том, чтобы изучить процессы регионализации, имевшие место после доклада Европейского комитета по вопросам местной и региональной демократии 2007 г. Исходя из этого идея заключается в том, чтобы добиться более глубокого понимания явления регионализации со стороны юридических и институциональных аспектов. Основная цель данного исследования заключается в оценке тенденций регионализации как формы демократизации общества, в направлении как большей, так и меньшей регионализации в отдельных странах и, следовательно, в Европе в целом. В то же самое время оно стремится выяснить, действительно ли различные изучаемые страны имеют региональные институты, как это определено в 2009 г. в Рамочном документе Совета Европы по региональной демократии.

При подготовке раздела о России, автор исходил из того, что постсоветская российская государственность возникла на рубеже 80—90-х гг. XX в. Важнейшим аспектом продолжающегося процесса ее становления является федеративное устройство государства, взаимоотношения регионов (субъектов Федерации) и федерального центра. Показано, что с 2007 г. процесс регионализации Российской Федерации успешно развивается. Сделав выбор в пользу создания демократического общества, постсоветская Россия заимствовала западную модель федерации, приспособив ее к своим условиям. Влияние этих условий приводит к тому, что отнести существующую российскую федеративную систему к классическим западным достаточно сложно. По этому поводу среди российских и западных исследователей идет оживленная дискуссия о природе российского федерализма — истинный он или является имитационным, не наблюдается ли его кризис. Но с 2014 г. в связи с вхождением Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации проблематика российского федерализма становится еще более актуальной. Возникает целый ряд вопросов о характере эволюции российского федерализма, о возможности органичной интеграции двух новых субъектов в состав Федерации в условиях резкого осложнения отношений России с западным сообществом во главе с США в контексте политического и социально-экономического кризиса в Республике Украина.

Ключевые слова: Российская Федерация, федерализм, субъект федерации, регион, демократия, федеральный центр

ПРОБЛЕМА АКТУАЛИЗАЦИИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ В ГИБРИДНЫХ ДЕМОКРАТИЯХ: РОССИЙСКИЙ ПРИМЕР

Д.В. Журавлев

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В данной статье рассматривается проблематика имплементации демократических ценностей в условиях гибридного режима в России. В статье, в частности, анализируются различные аспекты влияния политического руководства на процессы демократизации, приводятся данные репрезентативных исследований общественного мнения относительно ценностных паттернов. Посредством дискурс-анализа автор приходит к выводу о негативном влиянии государственного контроля за публичной сферой в процессе становления демократического режима, а также о необходимости гражданского общества, в том числе научного сообщества, активно вовлекаться в процесс формулирования демократических ценностных ориентиров.

Ключевые слова: гибридный режим, демократия, демократические ценности

Одной из наиболее актуальных в современных политических исследованиях является проблематика демократического транзита.

Различными учеными предлагаются попытки типологизации феномена демократического транзита, изучения его структурных составляющих. С. Хантингтон вводит понятие «волны демократизации», понимая под ней группу переходов недемократических режимов к демократическим в определенный период времени [11. С. 26]. Современная Россия, по нашему мнению, может рассматриваться в данном контексте в качестве страны с протекающим периодом демократизации, начавшимся в позднесоветский период и продолженным после крушения советской автаркии.

Для описания недемократических режимов в постсоциалистических странах предлагались различные понятия: «серая зона» и гибридные режимы [13], *нелиберальная* демократия [20], соревновательный авторитаризм [15], имитационная демократия [19] и т.д. Некоторыми экспертами для описания российских политических реалий вводится понятие «гибридного режима» как включающего в себя признаки авторитаризма, так и демократических интенций. Как отмечает Е. Шульман: «Основной вопрос научной дискуссии о гибридах — считать ли их переходной формой на пути к устойчивой демократии или авторитаризму, или самостоятельным стабильным видом политического устройства. Пока наблюдения показывают, что гибриды довольно устойчивы, но одновременно нестабильны. Иными словами, они не разрушаются в результате переворота или внешней агрессии, как тоталитарные и авторитарные режимы, но медленно перерождаются — либо в демократию, либо в автократию, либо в failed state (впадают в хаос и теряют территориальную целостность)» [12].

Предметом данной статьи является анализ аксиологической проблематики, ценностной акцентации в условиях современного российского политического режима. Одним из недостатков осмысления демократических концептов, на наш взгляд, является их сведение к процедуре выборов как демократическому инсти-

туту легитимации политического режима. Вместе с тем подобный подход вытесняет из фокуса осмысления проблемы ценностного наполнения демократии, являющиеся основой для функционирования процедурной модели как-то свобода СМИ, независимость и плюральность политических партий, формы гражданственности и т.д. [17]

Гибридные режимы возможно рассматривать как одну из новых форм авторитаризма. По мнению Х. Линца, в них себя хорошо проявляет трудно выявляемая характеристика авторитарных режимов — подмена идеологической составляющей ментальностью. Если идеологической составляющей по Линцу является упорядоченная система смыслов (thoughts), то под ментальностью понимается такая форма мышления, при которой на первый план выходит эмоциональная составляющая, превалирующая над рациональностью [16. Р. 162].

Так, эмоционально окрашенное освещение конфликтной ситуации в Украине в государственных российских масс-медиа привело к фиксируемому в социологических измерениях резкому росту одобрения деятельности Президента В. Путина (рис. 1).

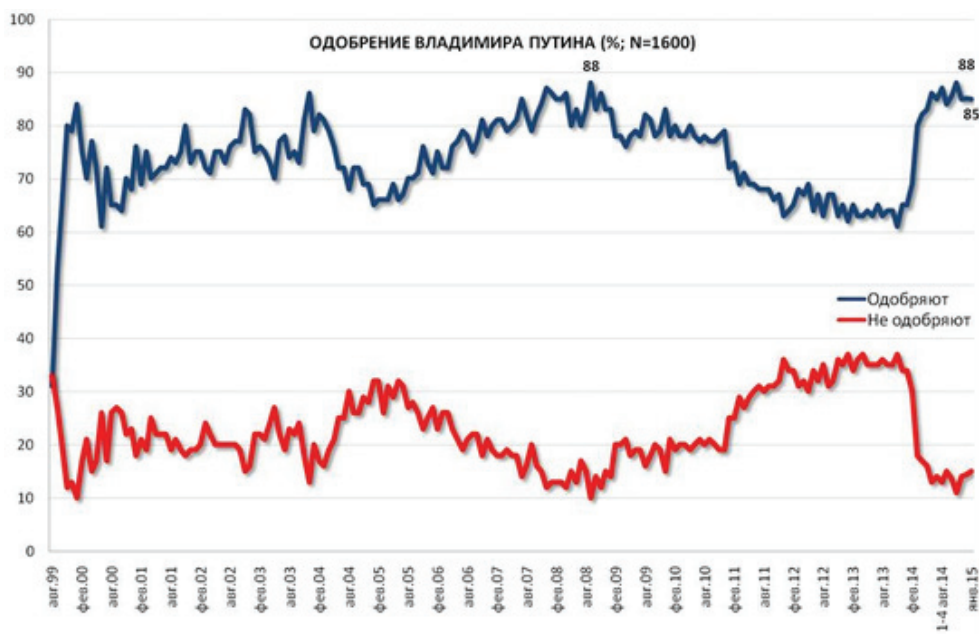

Рис. 1. Одобрение Владимира Путина (N = 1600)

Данные репрезентативного опроса «Левада-Центр»

На наш взгляд, во многом это обусловлено иррациональным запросом на ценностное обоснование и легитимацию политики, существующим у широких слоев населения. Риторика, подчеркивающая в действиях российских властей попытку возродить «величие страны», ее «имперский статус», позитивно влияет на восприятие широкими слоями населения действий политического руководства. С одной стороны, это свидетельствует об определенном ценностном вакууме, существующем в обществе, который некоторые социологи интерпретируют как «чувство неполноценности» [7], связанное с крушением СССР и особенно актуальное для

советского поколения, с другой стороны, — этим запросам отвечает формируемая политическая повестка, во многом опирающаяся на существующие в обществе стереотипы и архетипы, противопоставление «своего» и «чужого», конструирование определенных политических мифов [6].

Важно отметить, что подобным образом власть осуществляет контроль над публичной сферой, поскольку именно она выступает в качестве основного артикулятора идей. За счет подобного контроля осуществляются две основные задачи, характерные, по мнению Экмана, для всех типов гибридных режимов: ослабление политической оппозиции и разрушение коммуникативных связей между гражданами и политическими партиями [14].

Если в развитых демократиях существуют устойчивые представления о демократических ценностях и институтах, которые закладываются в основу функционирования государства и гражданского общества и являются универсальными конституирующими политико-институциональными нарративами, то на примере России мы можем увидеть плюральность ценностных паттернов, существующих в общественном сознании и коррелирующие в том числе с конфессиональной принадлежностью: от интенций «возрождения» Советского Союза и различных «имперских» моделей до построения национального государства (табл. 1).

**Динамика социальной трансформации современной России
в социально-экономическом, политическом, социокультурном
и этнорелигиозном контекстах» (N = 4000)**

Таблица 1

С каким из приведенных ниже высказываний Вы согласны?

Высказывания	Всего	Православные	Мусульмане	Атеисты
Россия должна быть государством русских людей	10	11	4	13
Россия — многонациональная страна, но русские, составляя большинство, должны иметь больше прав, ибо на них лежит основная ответственность за судьбу страны в целом	36	40	11	33
Россия — общий дом многих народов. Все народы России должны обладать равными правами, и никто не должен иметь никаких преимуществ	46	42	80	43
Затрудняюсь ответить	8	7	5	11

Примечание. Здесь и далее данные общероссийского репрезентативного исследования Института социологии РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» (N = 4000), проведенного в апреле 2015 года.

Сама формулируемая политическая риторика отличается эклектизмом. С одной стороны, она активно использует различные образы «советской действительности», подчеркивает свою преимущество по отношению к СССР, с другой стороны, подчеркивает новый статус российской государственности, формально декларирует приверженность провозглашенным в Конституции демократическим принципам, наконец, активно использует исторический параллелизм, пытается апеллировать к исторической памяти (примером чему могут служить выставки, посвященные династии Рюриковичей и дому Романовых [8; 9]).

Религиозный фактор также активно используется в формулировании аксиологической повестки. В данном контексте доминирующая в религиозной сфере Русская православная церковь получает прямую и косвенную поддержку от политиче-

ского режима, в том числе в форме бюджетного финансирования, и выступает как один из легитиматоров политического процесса. Власть предпринимает попытку обоснования политического действия за счет проблематики цивилизационного дискурса, интеракции политического и сакрального, апеллируя к факторам религиозной идентичности значительной части населения. Вместе с тем табл. 1 отражает плюральность представлений о путях развития России в корреляции с мировоззренческими установками представителей различных религиозных деноминаций. Это рационализирует эклектизм политической риторики, направленной на поиск консенсуса и консолидации общественных масс с учетом влияния религиозных установок на выбор политико-социальных приоритетов.

Наконец, в политической риторике присутствуют определенные элементы, традиционно присущие националистическому дискурсу: идеи «русского мира», «русской нации», защиты «русскоязычного населения». Целью подобного эклектизма, на наш взгляд, является попытка удовлетворить запросам различных частей электората, тем самым способствовать мобилизации и консолидации масс.

Подобная политическая установка так или иначе ведет к укреплению властной вертикали, препятствуя определенной децентрализации, и к закрытому типу политической системы, если использовать типологизацию Б.А. Исаева [5. С. 75—76].

Анализируя процессы демократизации в современной России, Исаев предложил понятие трех типов политических систем: замкнутой, размыкающейся и разомкнутой. В основе замкнутой демократической системы (до реформ М.С. Горбачева) находилась единственная партия и харизматический лидер. Население было «охвачено» официальными организациями, которые выполняли функцию сателлитов, «от партии к массам». Партия выполняла функцию генератора политических идей и приводила в движение политическую организацию, а не являлась инструментом выражения политической воли гражданского общества.

Закрытая политическая система является серьезным препятствием для процессов демократизации страны и создания в ней эффективного гражданского общества. Вместе с тем социологические исследования свидетельствуют о том, что в целом в обществе присутствуют представления о демократии как системе, гарантирующей определенные политические свободы и правовое государство (рис. 2).

Рис. 2. Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» (N = 4000)

Серьезной проблемой для осмысления экспертным сообществом, на наш взгляд, является то, что в обществе не существует сформированного мнения о проявлениях гражданской активности, формах гражданственности, а значит об эффективной роли гражданского общества в политических процессах (табл. 2), равно как и представлений о ценности прав и свобод отдельного человека, ценностях самовыражения. Вместе с тем Р. Инглхарт указывает на ключевое значение ценностей самовыражения как основы эффективной или качественной демократической модели и выявляет ее корреляцию с социально-экономическим развитием [4. С. 221—222]. Во многом подобное положение вещей связано с отсутствием исторического опыта функционирования демократических институтов и дефицитом в общественном дискурсе конституирующих политико-институциональную систему демократических ценностей. Как отмечает О. Каширских: «разница между гражданами России и западных демократий в контексте отношения к демократическим институтам заключается, прежде всего, во внутреннем, постигаемом изнутри отношении к демократии на Западе и поведением россиян, вынужденных постигать данное отношение извне, эвристически. Отсутствие внутреннего понимания демократии в условиях демократического транзита ставит граждан перед дилеммой («дилеммой транзита», по выражению П. Штомпки): первоначально позитивное отношение к началу демократических реформ переживает основательную проверку на прочность на фоне априорно ограниченной эффективности институтов демократии в начале процесса демократизации» [1].

Таблица 2

Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» (N = 4000)

Какая из этих точек зрения вам ближе? (% , Россия)

	Май 08	Апр. 10	Апр. 11	Июнь 12	Окт. 12	Июль 13	Февр. 15
Уличные митинги и демонстрации — это нормальные демократические средства достижения гражданами своих целей, власти не вправе их запрещать	55	59	54	51	48	54	54
Уличные митинги и демонстрации мешают окружающим и ведут к беспорядкам, власти должны их запрещать	32	27	35	37	39	37	34
Затрудняюсь ответить	12	14	11	13	13	9	12

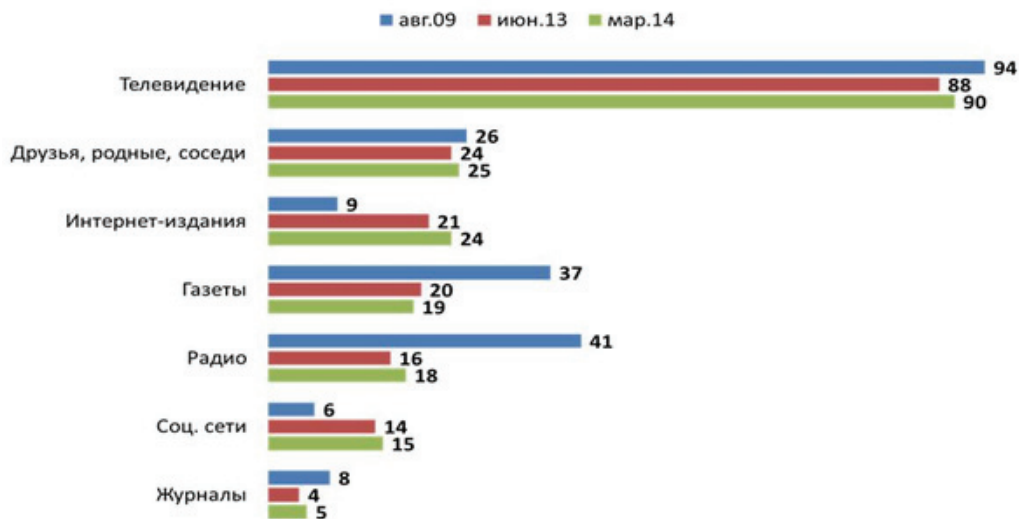
Как показывают данные исследований, в российском обществе существует крайне размытое представление о демократии как системе рекрутирования властных элит на основе всеобщих выборов и открытой политической борьбы.

Все это служит тому, что политический режим генерирует собственную интерпретацию некоторых «суперценностей» как-то «верность Родине», «патриотизм» и т.п., которые де-факто понимаются и интерпретируются как проявление лояльности правящей элите. Примером тому служат введение в речевой оборот таких идеологем как «национал-предатели» (из послания В. Путина Федеральному Собранию), «пятая колонна» и т.п. Данный дискурс отражает уже ранее упомяну-

тую дихотомию «свои — чужие» и апеллирует в определенной степени к древним архетипам солидарности со своей стаей/племенем, обозначенными Э. Дюркгеймом как «механическая солидарность» [2. С. 103].

Важно отметить, что подобные клише формулируются в условиях отсутствия диверсификации источников информации у значительной части населения (рис. 3).

Рис. 3. Основные источники информации россиян
Данные репрезентативного опроса «Левада-Центр»
(март 2014 г.)

Подобное отсутствие диверсифицированных источников информации может служить основой для манипулирования общественным сознанием, фактического осуществления идеологизации.

Мы можем рассматривать данные установки как проявление авторитарных черт политического режима в условиях т.н. гибридной демократии. При де-юре существующих и декларируемых политических свободах следствием подобной риторики де-факто может стать ущемление в фундаментальных правах и свободах значительного количества людей, проявление ксенофобии со стороны оппозирующих групп населения, пользующихся «лояльностью» правящего режима, фактическая идеологизация пространства публичной политики.

По мнению Ш. Муфф, демократическая легитимность осуществляется за счет «плюралистического консенсуса», который переводит антагонизм политических врагов в понимании К. Шмитта в легитимные отношения соперников, разделяющих общие ценности, но не согласных по поводу их частной имплементации [10]. Авторитарный режим, напротив, осуществляет разобщение партикулярных политических идентичностей и абсолютизирует качества большинства. Примером этому могут служить как различные попытки дискредитации политической оппозиции, осуществляемой в государственных средствах массовой информации, так и попытки поставить под вопрос примат международного права и международных договоров (провозглашенный в ст. 15 Конституции РФ).

Вместе с тем именно международные обязательства России с момента распада СССР являются необходимым элементом в становлении *качественного* демократического режима, прибегая к терминологии Р. Инглхарта, и процесса внутренней демократизации. На наш взгляд, выстраивание вертикали власти, сопровождаемое риторикой, ставящей под вопрос фундаментальные достижения Российской Федерации в процессе либерализации политического пространства с момента крушения СССР, является контрпродуктивным. Это ведет не только к ухудшению отношений между Россией и странами развитых демократий, но и, как следствие, к оттоку капитала и инвестиций, которые составляют значимую часть российской экономики, а значит и к снижению уровня жизни граждан. Именно сочетание политических и экономических институтов влияет на становление «консолидированной демократии», по выражению А. Пшеворского [18. С. 26].

Проблема актуализации ценностных ориентиров в России, таким образом, является ключевой в выстраивании обратной связи между властными элитами и гражданским обществом. Формулируемая на уровне властных элит повестка предлагается как «законченный продукт» и снижает фактическую роль общества в политическом участии. На наш взгляд, необходимо активно привлекать научное и экспертное сообщество к участию в диалоге с государством, к выстраиванию ценностных ориентиров на основе глубокого и всестороннего анализа. Позитивным примером подобной инклюзии научного сообщества в формулирование политической повестки может служить заявление членов Ученого Совета Института философии РАН о концепции основ культурной политики [3], предложенной Министерством культуры РФ, которое содержит анализ и конструктивную критику предложенной концепции.

Только подобный подход позволит закладывать основы функционирования гражданского общества, возможности широкого политического участия и публичного обсуждения планируемых законодательных актов.

Пример России показывает, что ценностные ориентиры в странах гибридной демократии являются в значительной степени зависимыми от политической воли правящего режима, который формулирует политическую повестку при минимальном участии гражданского общества и при фактическом отсутствии каналов «обратной связи» в условиях конструируемой вертикали власти. Подобная тенденция может приводить к реконструированию авторитарных режимов в поставторитарных государствах и создает серьезные препятствия для демократизации и либерализации социально-политической и экономической сферы. Вместе с тем откат к автаркическим формам существования государства в условиях глобальной рыночной экономики ставит под угрозу его экономическую безопасность и стабильность. Научное и экспертное сообщество должны активно вовлекаться в проблематику актуализации ценностных ориентиров, делать ее предметом обсуждения, анализа и критики, и только тогда процесс формулирования ценностных паттернов в контексте предлагаемой политической повестки станет более объективным и менее популистским.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2012. Т. 112. № 2.
- [2] Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Одесса, 1900.
- [3] Заявление членов Ученого Совета Института философии РАН // Институт философии РАН. URL: http://iph.ras.ru/cult_polit.htm.
- [4] Инглхарт П., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.
- [5] Исаев Б.А. Политология. 5-е изд. СПб., 2005.
- [6] Кассирер Э. Техника современных политических мифов // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 1990. № 2.
- [7] Комментарий Льва Гудкова // Левада-центр. URL: <http://www.levada.ru/old/21-07-2014/reiting-putina-prodolzhit-rost>.
- [8] Моя история. Романовы: Православная Русь. URL: <http://www.romanovi-expo.ru>.
- [9] Моя история. Рюриковичи: Православная Русь. URL: <http://rurikexpo.ru>.
- [10] Муфф Ш. К агонистической модели демократии // Логос. 2004. № 2(42).
- [11] Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М., 2003.
- [12] Шульман Е. Какой в России политический режим? URL: <https://meduza.io/cards/kakoy-v-rossii-politicheskiy-rezhim>.
- [13] Diamond L. Thinking about Hybrid Regimes // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13. № 2.
- [14] Ekman J. Political Participation and Regime Stability: A Framework for Analyzing Hybrid Regimes // International Political Science Review. 2009. Vol. 30. № 1.
- [15] Levitsky S., Way L. The Rise of Competitive Authoritarianism // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13. № 2.
- [16] Linz J. Totalitarian and Authoritarian Regimes. London: Lynne Rienner Publishers Inc, 2000.
- [17] O'Donnell G. The Democratic Regime (or Political Democracy), and Citizenship as Agency. URL: <http://fds.oup.com/www.oup.com/pdf/13/9780199587612.pdf>.
- [18] Przeworski A. Democracy and the Market. Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
- [19] Shevtsova L. Russia Lost in Transition: the Yeltsin and Putin Legacies. Washington DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2007.
- [20] Zakaria F. The Rise of Illiberal Democracy // Foreign Affairs. 1997. 76. 6.

PROBLEM OF VALUES ORIENTATIONS ACTUALIZATION IN HYBRID DEMOCRACIES: RUSSIAN CASE

D.V. Zhuravlev

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

This article discusses the problems of democratic values implementation in the Russian hybrid regime. In particular, the article analyzes the impact of the political leadership various aspects on the democratization process, shows the data of representative sample of public opinion regarding the value patterns. With the help of discourse analysis, the author comes to the conclusion that there is a negative

impact of state control over the public sphere in the process of a democratic regime formation, as well as there is a need of active inclusion of civil society, including the scientific community, in the process of formulating the democratic values' orientations.

Key words: hybrid regime, democracy, democratic values

REFERENCES

- [1] Vestnik obshhestvennogo mnenija: Dannye. Analiz. Diskussii. 2012. T. 112. № 2.
- [2] Djurkgejm Je. O razdelenii obshhestvennogo truda. Odessa, 1900.
- [3] Zajavlenie chlenov Uchjonogo Soveta Instituta filosofii RAN. *Institut filosofii RAN*. URL: http://iph.ras.ru/cult_polit.htm.
- [4] Inghart R., Vel'cel' K. Modernizacija, kul'turnye izmenenija i demokratija: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitija. M.: Novoe izdatel'stvo, 2011.
- [5] Isaev B.A. Politologija. 5-e izd. SPb., 2005.
- [6] Kassirer Je. Tehnika sovremennyh politicheskikh mifov. *Vestnik MGU. Ser. 7. Filosofija*. 1990. № 2.
- [7] Kommentarij L'va Gudkova. *Levada-centr*. URL: <http://www.levada.ru/old/21-07-2014/reiting-putina-prodolzhit-rost>.
- [8] Moja istorija. Romanovy: Pravoslavnaja Rus'. URL: <http://www.romanovi-expo.ru>.
- [9] Moja istorija. Rjurikovichi: Pravoslavnaja Rus'. URL: <http://rurikexpo.ru>.
- [10] Muff Sh. K agonisticheskoj modeli demokratii. *Logos*. 2004. № 2(42).
- [11] Hantington S. Tret'ja volna. Demokratizacija v konce XX veka. M., 2003.
- [12] Shul'man E. Kakoj v Rossii politicheskij rezhim? URL: <https://meduza.io/cards/kakoy-v-rossii-politicheskij-rezhim>.
- [13] Diamond L. Thinking about Hybrid Regimes. *Journal of Democracy*. 2002. Vol. 13. № 2.
- [14] Ekman J. Political Participation and Regime Stability: A Framework for Analyzing Hybrid Regimes. *International Political Science Review*. 2009. Vol. 30. № 1.
- [15] Levitsky S., Way L. The Rise of Competitive Authoritarianism. *Journal of Democracy*. 2002. Vol. 13. № 2.
- [16] Linz J. Totalitarian and Authoritarian Regimes. London: Lynne Rienner Publishers Inc, 2000.
- [17] O'Donnell G. The Democratic Regime (or Political Democracy), and Citizenship as Agency. URL: <http://fds.oup.com/www.oup.com/pdf/13/9780199587612.pdf>.
- [18] Przeworski A. Democracy and the Market. Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
- [19] Shevtsova L. Russia Lost in Transition: the Yeltsin and Putin Legacies. Washington DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2007.
- [20] Zakaria F. The Rise of Illiberal Democracy. *Foreign Affairs*. 1997. 76. 6.

РОЛЬ ЭКСПЕРТНЫХ РЕЙТИНГОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

М.В. Носкова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Вернадского просп., 84, Москва, Россия, 119571

Статья является кратким обзором рейтингов, проводимых экспертными структурами, и их влиянию как на имидж стран, так и на имидж политических лидеров (лидеров политических партий и глав регионов Российской Федерации), уделено внимание влиянию со стороны разного рода экспертных консультантов в части подготовки и сопровождения избирательных кампаний, показана связь экспертных рейтингов с принятием политических решений органами государственной власти.

Ключевые слова: рейтинги, экспертное консультирование, оценки, экспертные центры, органы государственной власти, принятие политических решений, государственное управление, эффективность деятельности лидеров политических партий, глав регионов

В нашей стране в последние десятилетия заметно вырос интерес лидеров политических партий, политических общественных движений, руководителей федеральных органов власти и руководителей органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации к различным экспертным оценкам и экспертным рейтингам.

Такая тенденция обусловлена прежде всего тем, что экспертные рейтинги становятся инструментом демонстрации практических результатов как в деятельности партийных лидеров, депутатов, кандидатов на выборные государственные должности, кандидатов от политических партий, так и в деятельности глав регионов, на основе которых избирательные массы делают выбор, а Правительство Российской Федерации распределяет бюджетные средства [11].

Необходимо отметить, что понятие «рейтинг», исходя из смысла рассматриваемых в статье вопросов, пониматься в качестве оценки, расчета стоимости или как принадлежность к определенному классу, разряду, категории. В самом понятии рейтинга определяется оценка состояния субъекта, который проходит как процесс рейтингования, так и построение группы субъектов по определенному ранжиру.

Также процесс оценки состояния субъектов предполагает сопоставление их как с подобными субъектами, так и с состоянием абстрактных субъектов такого же типа, которые берутся в качестве эталонных [8].

В сущности своей это показатель, который характеризует субъект и позволяет при сопоставлении с подобным ему же субъектом посчитать превосходство в конкурентной среде в настоящее время или превосходство за прошедший период времени.

Отсюда следует, что рассмотрение данного вопроса неразрывно связано с понятиями «экспертная система» и «эксперт».

В практическом понимании рейтинговой системы следует, что при выборе лицо, принимающее решение, обращаясь к мнению группы экспертов, получает заключение по конкретному вопросу. Для подготовки экспертного заключения выступают специалисты и профессионалы именно в той области, в которой принимается решение. Экспертами может быть как группа лиц, так и организация, которая выступает в качестве экспертно-аналитической либо научно-исследовательского центра и рейтингового агентства.

При этом экспертно-рейтинговые агентства составляют систему рейтингов экономических субъектов в зависимости запросов рынка, а экспертно-аналитические центры занимаются не только вопросами оценки деятельности объектов рейтинга, но и способствуют формированию делового климата в стране, регионах и отраслях, где имеется интерес.

Следовательно, рейтинг — это своего рода «компактное» представление оценки результатов работы объекта и в какой-то степени как инструмент влияния при проведении необходимой социально-экономической политики. Назначение рейтингов состоит в поддержании уровня общественного доверия к работе органов власти, уровня доверия в деловых и бизнес-кругах, необходимого для создания инвестиционного потенциала.

В большей части случаев проведение низкого качества экспертных оценок, основанных, как правило, на фальсификации и на личной заинтересованности оценщиков, может нанести значительный социально-экономический, политический и финансовый ущерб пользователям.

Сегодня существующая экспертная модель, основанная на формировании рейтинга обеспечения политических компаний региональных политиков и партийных лидеров, вызывают в обществе различные споры и столкновение мнений.

Исходя из мирового опыта, в течение всего XX в. наблюдался поиск рациональности и эффективности способов проведения таких политических мероприятий, формировалась общемировая тенденция смены направлений от стихийности к управляемости политического процесса, от дилетантизма к профессионализму действующих акторов в политическом пространстве.

Их перетрансформация, в частности в США, привела к тому, что экспертные рейтинги в настоящий момент используются как способ проведения промежуточных итогов перед очередными выборами глав штатов. Рейтинги по сути стали выступать показателями популярности того или иного политика, оценки его шансов перед предстоящими выборами.

Обкаткой составления рейтингов осуществляется в течение уже многих лет на основе данных исследовательских и университетских центров и имеющихся сведений о результатах деятельности глав штатов.

При этом перед составителями, как правило, не стоит задачи отобразить картину по всем штатам, они пытаются, скорее, дать свой прогноз относительно того, у кого из существующих губернаторов наиболее высокие (низкие) шансы на переизбрание в ближайшее время, какая из политических партий имеет большие шансы на победу в местных парламентах, а затем в Конгрессе [11].

Процессы аналогичного характера в нашей стране в рамках формирования списков глав регионов и партийных лидеров сегодня, в целом, можно отнести к сфере деятельности экспертного сообщества и специализированных аналитических центров, органов власти, политических партий, а также средств массовой информации, выступающих как инструмент, с помощью которого результаты экспертных оценок раскрываются представителям общественности.

Надо иметь в виду, что в России политическое консультирование и экспертиза образуют отдельную сторону политической, прежде всего избирательной кампании. В то время как публичная составляющая политического процесса представлена выступлениями, поездками и другими освещаемыми акциями СМИ депутатов, партийных лидеров, кандидатов на выборные государственные должности, то конфиденциальная ее составляющая связана именно с экспертным консультированием по соответствующим вопросам, по широкому спектру политических, экономических правовых и социальных вопросов.

В работе публичных политиков активное участие принимают эксперты, в первую очередь обеспечивающие подготовку и проведение кампаний. Эти профессионалы благодаря своему таланту, интеллекту, организационным способностям, знанию современных политических технологий влияют на результат выборов. Общеизвестен факт того, что в политическом процессе работа экспертов и политконсультантов доминирует, определяя направление стратегии избирательных кампаний.

Вместе с тем при имеющемся политическом многообразии политических партий и движений в России оценка их деятельности носит формальный характер в виду отсутствия единой унифицированной формы рейтинга.

В частности, наблюдается недостаточно устойчивая форма оценки индекса электоральной активности, эффективности, упущенных электоральных возможностей.

Система показателей зачастую учитывает лишь ресурсные различия между партиями (неравный электоральный потенциал занимаемых партиями идеологических ниш, разное представительство партий в законодательных органах, неравномерность доступа в СМИ для парламентских и малых партий и др.), а также институциональные особенности избирательной системы (наличие «квалификационной системы» на выборах в представительные органы — и отсутствие таковой на выборах глав местного самоуправления; наличие как общероссийских, так и региональных или локальных «квалификационных льгот»; эффект «накопленных квалификационных льгот» за прошлые успехи).

Таким образом, методологические подходы способны учесть их так, чтобы партии в проводимом рейтинге изначально не были в заведомо неравных условиях. При этом другие особенные моменты их деятельности, как указывалось нами выше, экспертами могут не учитываться.

Вместе с тем оценка эффективности экспертизы зависит от того, в какой степени были реализованы те задачи, которые были перед ней поставлены. В связи с этим нельзя не затронуть проблему псевдоэкспертизы. В то время как экспертиза проводится для выяснения мнения высококвалифицированных специалистов,

то в случае псевдоэкспертизы, наоборот, она проводится с целью подкрепления авторитетом уже существующего мнения, в котором заинтересованы организаторы. А это значит, что псевдоэкспертиза квалифицируется как чисто пропагандистское направление, сосредоточенное на дискредитации того или иного политического кандидата, а также на манипулирование массовым общественным сознанием.

В этой связи при подготовке и проведении экспертизы особую роль играет тщательный отбор экспертов. Вся совокупность тех качеств, которыми должен обладать специалист для того, чтобы считаться экспертом, может быть подразделена на следующие группы: компетентность, профессиональный опыт, интеллект и характер.

По мнению Б.Г. Литвака, *эксперт — это специалист в конкретной области или в области управления:*

- обладающий в ней соответствующими знаниями и опытом;
- умеющий анализировать вновь поступившую информацию;
- готовый дать оценку оцениваемому объекту экспертизы в пределах своей компетенции;
- использующий технологии в соответствующей области, оценивающий возможности их применения в представленной управленческой ситуации и способный представить необходимые рекомендации;
- ответственный за подготовленные им рекомендации и заключения [9].

В этой связи нельзя не отметить, что эксперты, осуществляющие подготовку экспертного заключения, проводят его на основе всей совокупности информации о ситуации, тщательного анализа и оценок объекта экспертизы. Экспертные оценки обязаны состоять из суждений высококвалифицированных профессиональных специалистов, которые представляются в виде содержательной, качественной оценки объекта и предназначены для дальнейшего применения в процессе принятия политических решений.

Степень соответствия реальности рейтинговых и экспертных оценок — актуальная проблема, в последние годы достигшая международного уровня.

В мире рейтинги разрабатывают и присваивают специальные рейтинговые агентства, среди которых можно выделить международные агентства Moody's Investors Service, Standard&Poor's, Fitch Ratings. Данные структуры специализируются на присвоении кредитных рейтингов финансовым институтам, странам, городам, регионам, ценным бумагам [4].

Международной аналитической группой Newsweek проводится Рейтинг лучших стран мира. Данная группа совмещает статистическую информацию, собранную международными структурами и организациями по самым разным темам. На основе пяти общепринятых ключевых показателей национального благосостояния составляется рейтинг и оценивается качество государств, сюда входят: динамика экономического роста, состояние образования и здравоохранения, качество жизни и политическая среда. Данный рейтинг представляется наглядно, когда идет сравнение стран с одинаковым размером и благосостоя-

нием. Эксперты в данном рейтинге ведут разбиение основной группы из ста стран на подгруппы, в соответствии с численностью населения, а также дохода населения тех или иных стран [8].

Следующий популярный международный рейтинг — Doing Business, рассчитываемый Всемирным банком. В данном проекте оцениваются и отслеживаются изменения нормативно-правовых актов, которые регулируют деятельность компаний малого и среднего бизнеса в течении их жизненного цикла — от самого создания и вплоть до ликвидации.

Реализация проекта началась с 2003 г., и за данный период более семидесяти процентов стран внесли поправки в свое законодательство, которые облегчили создание компаний в официальных секторах экономики. Над работой данного проекта участвуют порядка шести тысяч экспертов в разных странах, среди которых присутствуют как правительственные чиновники и экономисты, юристы, так и ученые и представители бизнес и общественных структур.

В опубликованном отчете Всемирного банка за 2015 г. приводится рейтинг 189 государств мира благоприятствования ведению бизнеса, рейтинг составлен по десяти показателям: регистрация предприятий, регистрация собственности, обеспечение исполнения контрактов, ликвидация предприятий, получение разрешений на строительство, подключение к системе электроснабжения, налогообложение, кредитование, защита инвесторов, международная торговля. При этом каждый индикатор имеет равный вес.

Следует отметить, что согласно Указу Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике» основным целевым показателем станет достижение Россией одного из первых 20-ти мест рейтинга стран с благоприятным инвестиционным климатом в 2018 г.

Важно отметить улучшение показателей технологического лидерства российской экономики в данном рейтинге за истекшие три года. Так, по результатам рейтинга 2012 г. Россия заняла в нем 112-е место, в 2015 г. поднялась уже на уровень 51 места из 189 стран [7].

Следующий пример рейтингов — это Рейтинг стран мира по уровню валового национального дохода на душу населения — Gross National Income. Данный рейтинг также рассчитывается по методике, составленной Всемирным банком.

В методологии, которая ежегодно рассчитывает показатели национального дохода на душу населения в странах мира, государства и территории классифицируются 3-мя категориями: государства с высоким уровнем дохода на душу населения (от 12,616 долл. и выше); государства со средним уровнем дохода на душу населения (от 1,036 до 12,615 долл.); государства с низким уровнем дохода на душу населения (от 1,035 долл. и ниже).

Источником информации для данного рейтинга является база данных показателей мирового развития (World Development Indicators). Фиксирование статистических данных идет на протяжении финансового года (окончание 30 июня), и обновление происходит ежегодно (опубликование уточненной статистики обычно в октябре—ноябре).

Следует отметить, что всего в мире насчитывается более 150 различных рейтингов, оценивающих состояние национальных экономик и уровень безопасности вложения инвестиций, но порядка 50 из них считаются цитируемыми, но и не избавленными от ошибок и погрешностей.

Говоря о проведении экспертизы, принято ее подразделение на индивидуальную и коллективную, однотуровую и многотуровую, с обменом информацией между экспертами и без него, анонимную и открытую, при работе с которой используются так называемые «потокосные методы», в частности рейтинги, представляющие полную оценку по единой технологии широкого круга приблизительно однородных по сущности субъектов по сопоставимой шкале.

Однако инструментарии и методы экспертной работы носят разнонаправленный характер. Так, при проведении экспертизы часто применяются социологические «дистанционные методы»: это и целенаправленные встречи с группой специалистов из оцениваемых политических «компаний» с подробным анализом текущей и перспективной ситуаций, и опросы масс. При этом сложившийся инструментарий неразрывно связан с формированием рейтинга обеспечения политических компаний региональных политиков и партийных лидеров.

Необходимость власти в анализе деятельности как лидеров крупных политических партий, так и глав регионов привело к обращению к стороне «третьего сектора» — экспертных центров, оценки которых по эффективности деятельности того или иного руководителя не вызывали бы сомнений, и данная практика сегодня легитимирована в нашей стране.

Несмотря на то что рейтинги экспертных центров не являются обязательным фактором при принятии политических решений, очевидно, что они несомненно с жизнеустойчивой цикличностью оказывают влияние на общественное восприятие грядущих изменений, которые фиксируют видение фигуры того или иного политика.

В настоящее время в нашей стране уже существует множество экспертных рейтингов для оценки социально-экономических показателей, но более живое внимание находят рейтинги экспертных центров к имиджу и работе регионов, среди которых можно выделить: рейтинг результативности глав регионов (представляется Фондом развития гражданского общества); серию проектов и рейтингов (проводятся Агентством стратегических инициатив), связанных с формированием благоприятных условий для ведения бизнеса, привлечением инвестиций в регионы и повышением надежности управленческих кадров субъектов; рейтинг авторитетности высших должностей лиц регионов (представляется Агентством политических и экономических коммуникаций).

В сложившейся иерархии помимо этого занимают место эффективность органов исполнительной власти в регионах (проводятся Правительством Российской Федерации, Минфином России, Минэкономразвития России на основании указов Президента Российской Федерации).

Говоря о системе развития оценки региональных глав, первый интерес к составлению докладов подобного рода, содержащих комплексную экспертную оцен-

ку их эффективности, целесообразно отнести ко второй половине 2000-х гг. Необходимость анализа работы глав регионов и поиск мотивированного отказа от сотрудничества с главами было определено руководством страны.

В 2007 г. согласно Указу Президента Российской Федерации «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» от 28 июня 2007 г. № 825 возникли первые списки критериев оценки эффективности работы властей в регионах.

Настоящий указ определял соответствующие показатели, предусматривающие оценку выполняемой ими работы (эффективность), включая показатели консолидированных региональных бюджетов. Согласно указу принята конфигурация доклада должностных лиц субъектов (высших) за отчетный год и плановый трехлетний период. Практически все данные, кроме последнего (удовлетворенность граждан деятельностью региональной исполнительной элитой, включая информационную открытость), должны демонстрировать поступательное достижение по уровню их роста ВВП, степень безработицы, доходы граждан и др. В настоящий момент данные критерии дополнены новым перечнем оценки результативности (новый Указ Президента Российской Федерации от 21.08.2012 № 1199).

В то же время очевидно, что как федеральные, так и региональные органы власти нуждаются в более широкой поддержке со стороны внешних независимых экспертных центров, поэтому практика экспертных оценок в ряде случаев представляет пример эффективного влияния на имидж.

Среди первых экспертных докладов в 2007 г., в котором были проанализированы возможные перестановки глав регионов, считается доклад, подготовленный экспертами (Фонд «Петербургская политика» и Коммуникационный холдинг «Минченко Консалтинг») под названием «Рейтинг политической выживаемости губернаторов». Его опубликование осуществляется один раз в полгода, с отражением вероятности сохранения действующих руководителей регионов (по пятибалльной шкале, где 1 — минимальная, 5 — максимальная оценка).

Следует отметить также экспертный рейтинг глав регионов под названием «Рейтинг политической эффективности», подготовленный Центром политической конъюнктуры.

В целом, формирование экспертных оценок деятельности губернаторского корпуса идет в направлении обоснования необходимости сохранения позиций тех или иных губернаторов либо же мотивированной отправки в отставку [5].

Значимые экспертные доклады по деятельности как руководителей регионов, так и лидеров политических партий становятся заметным интеллектуальным событием, предметом содержательных дискуссий для экспертов и госаппарата.

Крайне важно также и финансовое стимулирование рейтингового процесса, и вовсе безразлично, кто платит за производимую информацию, кто стимулирует информационную прозрачность экспертной деятельности и каков уровень заинтересованности заказчика в достоверном результате.

С учетом изложенного можно утверждать, что в России в первом десятилетии XXI в. экспертно-аналитические центры активно включились в организацию

проведения экспертных оценок, стали проводником принимаемых властью важных и наиболее значимых политических решений.

Также отмечается широкое использование экспертных рейтингов, направленное на переключение исследований с конкретных личностей, сосредоточившееся на объективном анализе социально-экономической ситуации как на региональных, так и на федеральных уровнях, но не на международном рынке оказываемых услуг.

На сегодняшний день рейтинги носят предварительный характер, однако в условиях меняющейся парадигмы глобализации социально-экономических и политических реалий, связанных с институциональными преобразованиями, направленными на смягчение проблем роста политической неопределенности, волатильности рынков, предельной стоимости денег и ряда других негативных процессов, спустя какое-то время обычные граждане будут уже выбирать себе страну для проживания обращаясь к рейтингам, голосовать на выборах, исходя опять же из рейтингов. И в данном случае важно, чтобы рейтинги содержали в себе индикаторы только по тем направлениям, где имеются устойчивые к фальсификации индикаторы. Поэтому важно прийти к консенсусу по индикаторам, поскольку до тех пор, пока в рейтингах не будет каких-то значимых индикаторов по направлениям, не будет достоверной информационной прозрачности работы властных государственных органов и понятности для граждан.

Также следует отметить, что ограничение экспертной деятельности в рейтинговых структурах жесткими политическими, социальными и экономическими рамками существенно сокращает возможности для публичных дискуссий с участием экспертов, а также приводит к рискам ограничения взаимодействия властных структур с экспертным сообществом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Александрова О.Ю., Ханов Г.Г., Чижов Д.В.* Методическое пособие в помощь избирательным комиссиям субъектов Российской Федерации по вопросам информационно-разъяснительной деятельности при подготовке и проведении выборов и референдумов. М.: РЦОИТ, 2007.
- [2] *Большаков С.В., Ланин В.Г., Мешков П.Я., Панарин И.Н.* Интернет и выборы. М.: РЦОИТ, 2002.
- [3] *Зотова З.М.* Политические партии и избирательный процесс. М.: РЦОИТ, 2002.
- [4] *Иванов В.Г.* «Charts power» — «рейтинговая сила» как инструмент мягкой силы и экономическое оружие: технологии использования и стратегии противодействия: монография. М.: ИНФРА-М, 2015.
- [5] Информационный ресурс Российского центра обучения избирательным технологиям при Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. URL: <http://www.rcoit.ru/e-library/books>.
- [6] Информационный ресурс Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. URL: <http://www.cikrf.ru>.
- [7] Информационный ресурс Рейтинга экономик — Doing Business Всемирного Банка. URL: <http://russian.doingbusiness.org>.

- [8] *Карминский А.М., Полозов А.А.* Энциклопедия рейтингов: экономика, общество, спорт. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИД «Форум»: ИНФРА-М, 2016.
- [9] *Литвак Б.Г.* Экспертные технологии в управлении. Учебное пособие, 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство «Дело», 2004.
- [10] *Морозова Е.Г.* Политическое консультирование и избирательный процесс. М.: РЦОИТ, 2001.
- [11] *Макарычев А.С.* Государства, экспертные сообщества и режимы знания-власти // Политическая наука. 2015. № 3.
- [12] Общероссийский информационный ресурс Kremlin.ru. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news>.
- [13] *Павроз А.В.* Группы интересов и лоббизм в политике. СПб.: СПбГУ, 2006.
- [14] Указ Президента Российской Федерации от 21.08.2012 г. № 1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации».
- [15] Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике».
- [16] III Всероссийская научно-практическая Конференция «Референдум и выборы как высшая форма непосредственной демократии в России»: сб. выступлений. Воронеж: ООО «СТП 2», 2015.

THE ROLE OF THE EXPERT'S RATINGS IN POLITICAL ACTIVITY IN MODERN RUSSIA

M.V. Noskova

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
Vernadskogo prosp., 84, Moscow, Russia, 119571

The article is the short review of the ratings, which are carried out by expert structures and their influence both on image of the countries, and on image of political leaders (leaders of political parties and heads of regions of the Russian Federation). The attention is paid to influence from any expert consultants regarding preparation and maintenance of election campaigns, connection of expert ratings with adoption of political decisions by public authorities is shown.

Key words: ratings, expert advice, evaluations, expert centers, public authorities, political decision-making, governance, the effectiveness of leaders of political parties, heads of regions

REFERENCES

- [1] *Aleksandrova O.Ju., Hanov G.G., Chizhov D.V.* Metodicheskoe posobie v pomoshh' izbiratel'nym komissijam sub'ektov Rossijskoj Federacii po voprosam informacionno-raz'jasnitel'noj dejatel'nosti pri podgotovke i provedenii vyborov i referendumov. M.: RCOIT, 2007.
- [2] *Bol'shakov S.V., Lanin V.G., Meshkov P.Ja., Panarin I.N.* Internet i vybory. M.: RCOIT, 2002.
- [3] *Zotova Z.M.* Politicheskie partii i izbiratel'nyj process. M.: RCOIT, 2002.
- [4] *Ivanov V.G.* «Charts power» — «rejtingovaja sila» kak instrument mjagkoj sily i jekonomicheskoe oruzhie: tehnologii ispol'zovanija i strategii protivodejstvija: monografija. M.: INFRA-M, 2015.

- [5] Informacionnyj resurs Rossijskogo centra obuchenija izbiratel'nym tehnologijam pri Central'noj izbiratel'noj komissii Rossijskoj Federacii. URL: <http://www.rcoit.ru/e-library/books>.
- [6] Informacionnyj resurs Central'noj izbiratel'noj komissii Rossijskoj Federacii. URL: <http://www.cikrf.ru>.
- [7] Informacionnyj resurs Rejtinga jekonomik — Doing Business Vsemirnogo Banka. URL: <http://russian.doingbusiness.org>.
- [8] Karminskij A.M., Polozov A.A. Jenciklopedija rejtingov: jekonomika, obshhestvo. 2-e izd., pere-rab. i dop. M.: ID «Forum»: INFRA-M, 2016.
- [9] Litvak B.G. Jekspertnye tehnologii v upravlenii. Uchebnoe posobie. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Izdatel'stvo «Delo», 2004.
- [10] Morozova E.G. Politicheskoe konsul'tirovanie i izbiratel'nyj process. M.: RCOIT, 2001.
- [11] Makarychev A.S. Gosudarstva, jekspertnye soobshhestva i rezhimy znaniya-vlasti. *Politicheskaja nauka*. 2015. № 3.
- [12] Obshherossijskij informacionnyj resurs Kremlin.ru. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news>.
- [13] Pavroz A.V. Gruppy interesov i lobbizm v politike. SPb.: SPbGU, 2006.
- [14] Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 21.08.2012 g. № 1199 «Ob ocenke jeffektivnosti dejatel'nosti organov ispolnitel'noj vlasti sub#ektov Rossijskoj Federacii».
- [15] Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 7 maja 2012 g. № 596 «O dolgosročnoj gosudarstvennoj jekonomicheskoj politike».
- [16] III Vserossijskaja nauchno-prakticheskaja Konferencija «Referendum i vybory kak vysshaja forma neposredstvennoj demokratii v Rossii»: sb. vystuplenij. Voronezh: OOO «STP 2», 2015.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

ДЕСУВЕРЕНИЗАЦИЯ И УТРАТА ГОСУДАРСТВОМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ

А.В. Минаев

ФГБУН «Институт философии Российской академии наук»
ул. Волхонка, 14/1-5, Москва, Россия, 119991

В статье рассматривается взаимосвязь процесса десуверенизации с утратой государством политической субъектности. Автор отмечает необходимость введения специального подхода к определению и анализу государственной суверенности, а также предлагает рассматривать факты ограничения суверенитета с точки зрения процессов десуверенизации. Данная специализация исследования способствует поиску, обнаружению и установлению допустимого состояния ограничения государственного суверенитета, при котором его высшая власть сохраняет возможность эффективно и быстро реагировать на угрозы продвижения политики национальных интересов. Ограничение суверенности, по мнению автора, допустимо лишь тогда, когда это не приводит к потере политической субъектности государства.

Ключевые слова: государство, суверенитет, десуверенизация, область десуверенизации, ограничение суверенитета, политическая субъектность государства

Многовековая история взаимоотношений государств и политически организованных обществ знает огромное множество причин и обстоятельств, воспрепятствовавших продолжению гармоничного, продуктивного и обоюдовыгодного сотрудничества между странами и народами. Противоречия, возникавшие в период очередной международной конфронтации, нередко возводились в ранг «непреодолимых» и находили свое единственное разрешение лишь в аргументе войны. Война, как продолжение политики иными средствами, или напротив, как следствие бессилия средств политики, исторически являлась самым радикальным методом борьбы. Сторона, принужденная с помощью военных сил к капитуляции, утрачивала свою самостоятельность и лишалась права на суверенитет. Поэтому долгое время лучшим способом сохранения государственной независимости являлось постоянное укрепление военной мощи.

Однако силовое столкновение несло в себе слишком много рисков для каждого участника противостояния. Поэтому те субъекты, что рассматривали применение политики десуверенизации в отношении своих оппонентов как острую не-

обходимость, постепенно отходили от использования прямых силовых методов. Их внимание все больше привлекали альтернативные методы несилового воздействия на оппонента.

На сегодняшний день мы можем говорить о том, что инструментарий механизмов десуверенизации разросся настолько широко, что каждая структурно значимая сфера для функционирования государства может стать объектом и областью десуверенизации. Это означает, что внутри, например, экономической или культурно-идеологической системы того или иного государства всегда будут обнаруживаться определенные элементы, внутреннее или внешнее воздействие на которые способно существенным образом изменить темпы развития всего государства. Внешнее или внутреннее происхождение данных процессов, так же, как и их вектор деятельности, зависит от того, насколько суверенно государство, а также каков уровень ее политической субъектности. Для большей наглядности следует конкретизировать понятия «государственный суверенитет», «десуверенизация», «политическая субъектность», определить взаимосвязь между ними, а так же рассмотреть их настоящую значимость для современного национального государства.

Обычно под суверенитетом подразумевается верховенство, совокупность верховных прав, принадлежащих государству или его главе и проявляющихся в соответствующих формах во внутренней и внешнеполитической деятельности государства. Указанное определение является довольно усредненной политико-правовой дефиницией, в истории развития которой наблюдаются сильные теоретические перекосы то в одну, то в другую сторону.

В зависимости от места, где устанавливался акцент исследования проблем, связанных с суверенитетом, возникали отдельные и подробно разработанные направления теорий о суверенитете, которые, однако, не всегда можно применять как общую доминанту, через призму которой проводилось бы изучение всех политических проблем государственного суверенитета. К примеру, в истории политической мысли существует масштабная по размерам своей разработанности диалектическая связка, включающая в себя концепции абсолютного суверенитета (первое обобщение данных теорий было проведено еще во времена Ж. Бодена) и теории суверенитета народного (получившая наиболее широкое распространение в период творчества Ж.Ж. Руссо). Каждое из направлений имело весомую прикладную значимость в деле разрешения конкретных исторических проблем, будь то эффективное распоряжение совокупностью всех ресурсов власти или построение политической системы, в рамках которой народ признавался бы сувереном и наделялся необходимым ему перечнем прав и свобод.

Позже, к XX в., благодаря стараниям немецких мыслителей К. Шмитта и Г. Кельзена концепции о суверенитете переступили порог систематизации, основанной на определении истока и первопричины суверенной власти. Категория суверенитета окончательно проникала в масштабную сеть международных юридических норм и вставала в конвенциональную зависимость от предписаний, формулируемых глобальными политическими организациями (по типу Лиги наций или ООН). Если же данные нормы подвергались отрицанию (во время социальных

смут или войн), в дело вступал шмиттовский «инициатор чрезвычайных положений», который в кризисный момент становился действительным суверенным субъектом и самостоятельно принимал необходимые политические решения [8. С. 64—75].

Сегодня теоретическое наследие политической мысли в области суверенитета определенно требует иной контекстной специализации. Современный исторический момент предъявляет нам куда больше параметров для восприятия и анализа, чем их можно было бы наблюдать одно или несколько столетий назад. Это означает необходимость внедрения новых инструментов для теоретического осмысления проблем, угрожающих полноценному развитию государства.

На наш взгляд, такое осмысление возможно, если учитывать процессы десуверенизации, фиксировать объем политической субъектности государства, а также использовать актуальную для современных геополитических тенденций концептуализацию феномена государственного суверенитета. Именно поэтому следует фокусироваться на современном национальном государстве как на субъекте суверенитета, а также на тех процессах межгосударственной деятельности, которые носят противоборствующий характер и в конечном счете влияют на степень независимости самого государства. Государственный суверенитет мы предлагаем рассматривать не как монолитное право государства, неприкосновенность которого гарантируется ему принципами, закрепленными в Уставе ООН. Его суть следует передавать в терминах состояния, полноты, права, возможности, а также целеполагания. Тогда государственным суверенитетом определяется такое состояние государства, при котором его верховная власть обладает правом и реальными возможностями проводить политику в интересах народа и государства в целом, на самостоятельной и независимой основе.

Государственная независимость в аспекте данного определения перестает рассматриваться только как противоположность подчинению и утрате территориальной целостности или политической автономии (что реализуется классическим военным способом десуверенизации), но разбивается на совокупность независимостей (экономической, культурно-идеологической, военной и др.), аутентичное состояние которых обязуется поддерживать государственная власть. При таком ракурсе суверенитет есть не просто статичное право или символ власти, но емкостное и динамичное свойство, ресурс, стабильная эксплуатация которого становится двигателем развития государства.

Для субъекта мировой политики, стремящегося к укреплению и распространению собственной мощи, контроль над суверенитетом — стратегическая задача. Именно поэтому сложно согласиться с некоторыми теориями международных отношений (А.А. Сергунин в этом плане отмечает глобализм, постмодернизм, социальный конструктивизм, постструктурализм и пр.) [9], согласно которым эпоха суверенитета морально устарела и теперь должна уступить свое место парадигме всеобщего сотрудничества и глобальной интеграции, в которой суверенные границы — объективное препятствие для дальнейшего прогресса. Данные теории обычно сосредотачивают внимание на практике отчуждения суверенных

полномочий государства в пользу управленческих институтов наднациональных структур, международных организаций, а также посредством подписания и ратификации международных договоров. В качестве причин вынужденного ограничения суверенитета выделяют [4. С. 90—99] некоторые обстоятельства нынешнего исторического периода:

— необходимость устранения глобальных параметров, закрепляющих принципы неравномерности участия развитых и развивающихся стран в мировых экономических процессах;

— незащищенность прав и свобод человека в некоторых регионах мира;

— необходимость создания «высокоорганизованной системы взаимного вмешательства во внутренние дела друг друга» [11] с целью достижения общего благополучия (Роберт Куперт);

— суверенитет признается инструментальной ценностью, склонной к градуации или временному выхолащиванию в условиях, когда легитимность государственной власти подвергается общественному отрицанию (Фернандо Тезон) [12];

— необходимость окончательного предотвращения возможности глобальных вооруженных конфликтов, что в рамках традиционных отношений, построенных на суверенном принципе, сделать не получается (М. Хардт, А. Негри) [10].

Как отмечает О.М. Мещерякова, с юридической или институциональной точки зрения суверенитет государства некорректно сравнивать с компетенциями наднациональных организаций, несмотря на то, что оба элемента изначально призваны на удовлетворение национальных интересов государств [7]. Мы же заметим, что подобные концепции не рассматривают государственный суверенитет во всем его структурном многообразии, что в условиях геополитической борьбы ведет к ошибочным прогнозам и неоправданным ожиданиям национального масштаба. Тенденция к размыванию суверенитета в условиях глобализации действительно прослеживается, но с ее помощью вряд ли представляется возможным описать ряд других, смежных, но не тождественных глобализации процессов. На наш взгляд, стоит обратиться к понятию десуверенизации, для того, чтобы устранить пробелы в существующих интерпретационных моделях, обосновывающих необходимость или ненужность выстраивания международных отношений на принципе суверенитета.

В широком смысле десуверенизация есть совокупность процессов, которые прямым или косвенным образом, через официальные механизмы межгосударственного взаимоотношения [6] или с помощью скрытых методов воздействия, лишают акторов государственной власти возможности использовать все необходимые рычаги управления для проведения политики в интересах народа и государства на самостоятельной и независимой основе.

Такое довольно длинное определение, с одной стороны, позволяет обращать внимание на ограничение суверенитета, вызванное объективной необходимостью для государства участвовать в ряде интеграционных процессов, способствующих установлению и соблюдению ряда правил (например, с целью выработки обоюдных выгодных условий для торговых отношений, закрепленных нормами «Таможенно-

го союза»). С другой стороны, оно предоставляет возможность анализировать ряд процессов ограничения суверенитета в логике воздействия на суверенитет внешних субъектов и акторов влияния, деятельность которых может ограничивать доступ местных властей к отдельным рычагам государственного управления или даже диктовать условия принятия тех или иных решений.

Таким образом, главным вопросом, который должен возникать при изучении процесса десуверенизации, становится вопрос понимания того, до какой степени высшая власть государства может позволить себе ограничивать область собственной компетенции (или до какой степени она уже ограничена), сохраняя при этом возможность эффективно и быстро реагировать на угрозы продвижения политики национальных интересов. По нашему мнению, при поиске ответа на поставленный вопрос следует обращаться к исследованию суверенитета через призму его полного состояния. Исследуя значение совокупности рычагов управления для государственной деятельности сразу по нескольким выбранным сферам, следует обнаруживать «области десуверенизации». Область десуверенизации сигнализирует о чрезмерном отчуждении верховной власти от рычагов и механизмов государственного регулирования.

Указанную концепцию можно проиллюстрировать следующим образом. Приглядимся к суверенности в экономической сфере. Отсутствие экономического суверенитета нельзя расценивать в форме экономической несостоятельности или отсталости государства. Данные состояния отражают лишь постоянно меняющиеся процессы развития (стагнации или рецессии) самого государства. Однако, по замечанию И.П. Блищенко, экономическая независимость и суверенность государства напрямую связывается с «равноправным участием в международной жизни» [1. С. 44]. В этой связи, например, международные санкции, накладывающие запрет на заимствование валюты для пополнения резервных запасов национальных банков конкретного государства, становятся актом десуверенизации, а сама валютно-финансовая сфера в государстве обзаводится областью десуверенизации. В подобном ключе невозможно игнорировать существующую в глобальном масштабе политическую конфликтность, которая и предъявляет государствам главные вызовы для их суверенитета. В свою очередь, обнаруженные области десуверенизации позволяют сделать вывод об утрате государством части своей политической субъектности.

Понятие политической субъектности государства является логическим развитием термина политической субъектности.

Обычно чертой политической субъектности наделяется личность, организация или общественная группа, способная к анализу, целеполаганию и ведению активной деятельности в сфере политики [4. С. 148—152]. Исследуемое качество субъектности по отношению к государству, напротив, привязывается к нему самому как единству всех действующих политических акторов внутри данного государства, совокупную волю которых в консолидированной форме выражает верховная власть. Важно отметить, что состояние субъектности, по большей части, характеризуется не просто как потенциальная возможность действовать, но как ее

реальная и достаточно активная форма. Субъектность должна быть заметна в окружающей среде. Так, внутри государства политической субъектностью будут обладать те общественные объединения, которые:

- располагают достаточной степенью сплоченности;
- руководствуются упорядоченными принципами управления;
- характеризуются готовностью к мобилизации;
- имеют ясные и четкие интерпретационные модели происходящих событий

внутри страны;

- артикулируют свои общественные ценности и идеалы;
- провозглашают цели и задачи собственной деятельности;
- создают и поддерживают существование собственной ресурсной базы;
- имеют развитую сеть агентов и каналов коммуникации и др.

В зависимости от степени архитектурного совершенства того или иного компонента мы можем говорить либо о выраженной (полноценной) политической субъектности, либо о недостаточно выраженной субъектности, и в крайних случаях о полном (или практически полном) отсутствии субъектности общественного объединения.

Концепция политической субъектности государства схожа в общих чертах с оригинальной концепцией собственного первоисточника. Только область деятельности, в которой проявляет себя субъект, расширяется от национальных границ до всего мира. Причем, как отмечает Н.Н. Гнатюк, несубъектность актора в международных делах — это не только суть внешней политики государства, но также и степень его влияния на действия или ожидания других участников политических отношений [2. С. 113]. Мы же добавим к этому перечню способность фиксировать системные проблемы, определять методы их решения и инициировать необходимые программы реформ.

Из этого следует, что попытка определения субъектности государства во взаимоотношениях с международными, наднациональными, транснациональными организациями или иными государственными акторами возможна как минимум при анализе трех блоков деятельности.

Первый блок касается самостоятельности и должного уровня компетенции в управлении делами внутри собственных границ.

Образно говоря, классическими примерами государств, которые бы не получили «балл субъектности» на уровне первого блока, являются так называемые несостоявшиеся государства («Failed States»), или государства, которые частично утратили контроль над внутренними процессами в стране вследствие слома государственности из-за разгара гражданской войны или по причине капитуляции перед структурами организованной преступности. В контексте данного интерпретационного уровня наглядно демонстрируется современный кризис на Ближнем Востоке. Десуверенизация ливийского государства с помощью применения военных сил международной коалиции свергла страну в хаос и лишила ливийские народные комитеты (структуры власти) возможности осуществлять местное и государственное управление. Ситуацию не облегчили ни смена правящих кругов,

ни демократические реформы 2012 г. по западному образцу. Итогом крушения государственности стала утрата суверенитета, а вместе с ней и политической субъектности, что привело к возникновению таких крупных региональных проблем, как распространение оружия, возникновение территорий, подконтрольных группировкам ИГ, бесконтрольный поток беженцев. В свою очередь, европейские государства, участвовавшие в подготовке и лоббировании резолюции 1973 Совета Безопасности ООН, а затем и в самой военной операции против Ливии, сегодня вынуждены бороться с массовой нелегальной иммиграцией беженцев из арабских стран, охваченных войной или экономическими неурядицами.

Одна из основных положительных характеристик суверенитета, как верно замечает А.А. Моисеев, заключается в том, что суверенное государство «в состоянии в каждый момент времени свободно взять на себя осуществление необходимых ему полномочий» [7. С. 102]. В данном контексте у руководства таких государств, как Ливия, Ирак и Сирия, частично или полностью утративших суверенитет, практически отсутствует возможность осуществлять государственные полномочия по защите собственного населения, не говоря уже о контроле над государственными границами. Европейская медлительность в решении миграционной проблемы отчасти объясняется неповоротливостью и масштабами собственной бюрократической машины, но решающим фактором бездействия как раз выступает размывание суверенитета национальных государств, которая проявляется в несоответствии ценностно-идеологических установок, разделяемых в обществе, декларируемым программам мультикультурализма. У европейских государств существует определенный запас прочности, который позволяет мирно сосуществовать коренным европейским гражданам и прибывшим в прошлом столетии мигрантам. Что касается новых волн миграции, то в таком интенсивном и даже агрессивном темпе, который наблюдается в настоящее время, принимать беженцев европейское общество и европейские элиты оказались неготовыми.

Второй блок связан с перечнем всех необходимых действий государственного субъекта для эффективного и плодотворного взаимодействия с представителями верховной власти иностранных партнеров, с целью поиска, определения и применения обоюдовыгодных форм сотрудничества, а также с целью разработки специализированных программ, направленных на разрешение существующих международных конфликтов или проблем. В данной плоскости международных взаимоотношений государственный субъект получает очередной «балл субъектности» при условии, что его политический вес действительно играет ключевую роль в выборе направления развития того или иного процесса, определяемого коллективным путем.

В качестве иллюстрации проявления политической субъектности второго блока можно привести санкционное противостояние стран ЕС и России. Наложив персональные, секторальные и финансовые санкции, ряд стран Европейского Союза запретил въезд на свою территорию определенному кругу лиц, ограничил доступ к европейским финансовым ресурсам, а также прервал свободное движение инвестиций. Россия ответила введением собственного списка персон нон грата и позже запретила ввоз части европейских товаров.

Подобная активность европейских государств свидетельствует о выработке общей интерпретационной модели происходящих в мире событий (в частности украинский кризис), проявлении дипломатической и внешнеполитической солидарности, что, безусловно, можно отнести к демонстрации своей политической субъектности.

Однако, исходя из логики десуверенизации, принятые к исполнению политические решения не всегда могут служить сигналом независимости политики. При потере части суверенитета в ряде вопросов политические лидеры могут представляться как проводники чужой воли, но не как защитники интересов народа. В такой ситуации проявление политической субъектности может вызвать дестабилизацию политического и экономического положения государства, вызвать новые проблемы, а старые оставить нерешенными.

Третий блок относится к сфере наиболее важных вопросов, ответы на которые определяют глобальные «правила игры». Обычно государства проявляют свои творческие способности по этому направлению в особые исторические периоды, например, когда мир окунается воды глобального экономического кризиса или сотрясается от взрывов огромных военных машин. В отдельных случаях решение по изменению миропорядка может приниматься единолично, но для этого требуется исключительный уровень политической субъектности. В XX в. примером политической субъектности на столь высоком уровне может представляться формирование мирового послевоенного порядка, создание крупных политических, военных и экономических организаций, таких как ООН, ОБСЕ, НАТО, МВФ, ММВБ, ВТО, конструирование Бреттон-Вудской валютной системы и др.

Таким образом, обращаясь к каждому блоку государственной деятельности, мы можем анализировать степень политической субъектности государства. Там, где ее недостаточно для фиксации и решения существующих у государства и общества проблем, вероятно, имеется утрата независимости вследствие процессов десуверенизации. А так как почти каждое современное национальное государство испытывает на себе тенденции к эрозии собственного суверенитета, подобный подход позволит оперативно выявлять существующие угрозы для функционирования государства, эффективно устранять их или, если такая возможность отсутствует, обнаруживать причины дестабилизации жизненно важных для государства систем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Блищенко И.П.* Экономический суверенитет государства: учеб. пособие. М.: РУДН, 2001.
- [2] *Гнатюк Н.Н.* Международная политическая субъектность ЕС: критерии оценки // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. № 2.
- [3] *Кузнецова Е.С.* Западные концепции государственного суверенитета // Международные процессы. 2006. № 2(11). Т. 4.
- [4] *Конуров А.И. Будылин К.Ю.* Субъектность как политологическая категория // Власть. 2012. № 6.

- [5] *Мецзякова О.М.* Наднациональные международные организации и проблема суверенитета государств-членов // Московский журнал международного права. 2010. № 2.
- [6] *Мецзякова О.М.* Наднациональность в Европейском Союзе и суверенитет государств-членов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия политология. 2012. № 1.
- [7] *Моисеев А.А.* Проблема суверенитета России // Проблема суверенности современной России / под ред. С.С. Сулакшин, В.Э. Багдасарян, В.Н. Лексин. М.: Наука и политика, 2014.
- [8] *Мусихин Г.И.* Концептуальная неоднозначность понятия «суверенитет» // Общественные науки и современность. 2009. № 3.
- [9] *Сергунин А.А.* Суверенитет: современные дискуссии в теории международных отношений // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. № 19 (90). Т. 16.
- [10] *Хардт М., Негри А.* Множество. Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006.
- [11] *Cooper R.* The Breaking of Nations. Order and Chaos in the Twenty-first Century. London: Atlantic Books, 2003.
- [12] *Teson F.R.* A Philosophy of International Law. Oxford: Westview Press, 1998.

DESOVEREIGNIZATION AND THE LOSS OF POLITICAL SUBJECTIVITY BY THE STATE

A.V. Minaev

The Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences
Volkhonka str., 14/1, Moscow, Russia, 119991

The article discusses the interconnection of desovereignization processes and state's loss of political subjectivity. The author points out the need to introduce a special approach to the identification and to the analysis of state sovereignty, as well as offers to consider facts of limitation of sovereignty in terms of desovereignization processes. This specialization of study helps to search to detect and to establish allowable state restrictions of state sovereignty in which its supreme power retains the ability to quickly and effectively respond to threats promotion policy of national interests. Restriction of sovereignty, according to the author, is acceptable only when it does not lead to a loss of political subjectivity of the state.

Key words: state, sovereignty, desovereignization, the field of desovereignization, restriction of sovereignty, political subjectivity of the state

REFERENCES

- [1] Blishhenko, I.P. Jekonomicheskij suverenitet gosudarstva: ucheb. posobie. M.: RUDN, 2001.
- [2] Gnatjuk N.N. Mezhdunarodnaja politicheskaja sub'ektnost' ES: kriterii ocenki. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 4: Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija.* 2014. № 2.
- [3] Kuznecova E.S. Zapadnye koncepcii gosudarstvennogo suvereniteta. *Mezhdunarodnye processy.* 2006. № 2(11). Tom 4.

- [4] Konurov A.I. Budylin K. Ju. Sub'ektnost' kak politologicheskaja kategorija. *Vlast'*. 2012. № 6.
- [5] Meshherjakova O.M. Nadnacional'nye mezhdunarodnye organizacii i problema suvereniteta gosudarstv-chlenov. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava*. 2010. № 2.
- [6] Meshherjakova O.M. Nadnacional'nost' v Evropejskom Sojuze i suverenitet gosudarstv-chlenov. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija politologija*. 2012. № 1.
- [7] Moiseev A.A. Problema suvereniteta Rossii. *Problema suverenosti sovremennoj Rossii*. Pod red. Sulakshin C.C. Bagdasarjan V. Je. Leksin V.N. M.: Nauka i politika, 2014.
- [8] Musihin G.I. Konceptual'naja neodnoznachnost' ponjatija «suverenitet». *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. 2009. № 3.
- [9] Sergunin A.A. Suverenitet: sovremennye diskussii v teorii mezhdunarodnyh otnoshenij. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija. Politologija. Jekonomika. Informatika*. 2010. № 19 (90). Tom 16.
- [10] Hardt M., Negri A. Mnozhestvo. Vojna i demokratija v jepohu imperii. Per. s angl. pod red. V.L. Inozemceva. M.: Kul'turnaja revoljucija, 2006.
- [11] Cooper R. The Breaking of Nations. Order and Chaos in the Twenty-first Century. London: Atlantic Books, 2003.
- [12] Teson F.R. A Philosophy of International Law. Oxford: Westview Press, 1998.

КОНЦЕПТ ПОНЯТИЯ «ТРАНСРЕГИОНАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ»

Д.Ф. Гуринович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
просп. Вернадского, 84, Москва, Россия, 119571

Рассматриваемый в статье формирующийся трансрегиональный институт представляет собой новый политический формат в развитии многомерности условий современной глобализации. Объединение БРИКС — это новые, все более широко развивающиеся, глобальные возможности для эффективного, интенсивного и равноправного международного сотрудничества не только в интересах стран-участниц, но и обеспечения максимального уровня стабильности, безопасности и прогресса мировой системы, ее поступательного развития. Исследование различных аспектов трансрегионального развития современного политического института, представленного объединением БРИКС, обуславливается тем обстоятельством, что механизм его развития зависит не столько от экономической заинтересованности, сколько от политических условий стабильности регионального взаимодействия входящих в него стран.

Ключевые слова: трансрегиональный политический институт, трансрегиональное сотрудничество, объединение БРИКС, региональное развитие, позитивное взаимодействие, новый геополитический формат, экономические интересы

С усилением тенденций многополярности актуализируется методологический принцип: чем сложнее процессы, которые сопровождают функционирование системы, тем большую степень свободы должна иметь данная система, тем активнее растет количество функциональных связей и общий показатель напряженности в целом в системе. Концептуальный анализ характерных для современного мира политических, социальных и экономических коллизий выстраивается из принципов, детерминирующих общую консенсусную парадигму регулирования процессов, свойственных системе международных отношений. В условиях многополярности в системе международных отношений регулирующие и ограничивающие ее факторы находятся под влиянием внесистемных факторов; определяются конфигурацией политических сил внутри конкретной страны, наличием и мощностью военно-политического лобби, в частности, в аспектах внешней политики (1).

Продолжающиеся в пространстве научного дискурса споры о возможности существования однополярного или многополярного мира, восстановление биполярной модели с иными силовыми центрами существенно воздействуют на формирование и развитие геополитических концепций и теорий в современной политической науке, поскольку существующие теоретические положения во многом являются идеологизированными компонентами конкретного проекта мироустройства.

Представители научно-академической среды, влиятельнейшего транснационального бизнес-сообщества, правящие властные национальные элиты — все эти социальные группы сегодня в равной степени обладают оригинальным, сформирова-

ровавшимися политическим восприятием процессов глобализации и пониманием новых, специфических, глобальных правил игры в более открытом, динамичном и непрерывно меняющемся мире. Непреходящий, все более усиливающийся интерес к изучению современных глобальных реалий — проблем, тенденций и процессов — проявляется в исследовательском пространстве как зарубежной, так и отечественной, новой и новейшей политической науки.

В то же время необходимо учитывать тот факт, что современная наука не пришла к единому, обобщающему пониманию процесса формирования цельного, логически завершенного, комплексного определения и оптимальных смысловых границ проблемного и многоаспектного феномена нашей действительности, каким является современный трансрегиональный политический институт. Отсутствие единого и всеобъемлющего видения указанной проблемы следует объяснять, по нашему мнению, беспрецедентно динамичным, стохастическим и эвентуальным характером структурных трансформационных процессов, с которыми вынуждена сталкиваться мировая цивилизация. Мир как уникальный и сложнейший организм сегодня находится в постоянном движении, претерпевает качественные и количественные трансформации [8]. В новой системе международных отношений определяющими становятся формирование и развитие мощных региональных и трансрегиональных коалиций, обладающих общностью хозяйственных и культурно-цивилизационных интересов.

В число транснациональных структур входит и организация БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай), получившая с 2011 г. наименование БРИКС (после присоединения к ней ЮАР).

В настоящее время термин БРИКС используется в качестве обозначения объединения стран, за счет экономического развития которых во многом будет обеспечиваться будущий рост мировой экономики. В идеальном варианте БРИКС — это новые, все более широко развивающиеся, глобальные возможности для эффективного, интенсивного и равноправного международного сотрудничества не только в интересах стран-участниц, но и обеспечения максимального уровня стабильности, безопасности и прогресса мировой системы, ее прогрессивного, поступательного развития.

Среди множества сложных структурно-комплексных проблем функционирования и развития трансрегионального института особо следует выделить следующее.

1. Обусловленное отсутствие достойной альтернативы (или альтернатив) разнообразным по конфигурации, перспективности и продуктивности межгосударственным объединениям, что видится актуальным не только в первой четверти XXI столетия, но и в ближайшем будущем.

2. Сложность конструкции современного мира и постоянные конфликты интересов, возникающие между отдельными государствами, регионами и определенными политическими игроками, что не содействует поиску продуктивной синергетики в решении ряда конкретных внутригосударственных и глобальных проблем.

3. Неравномерность, сохраняющуюся и прогрессирующую во времени, в комплексном развитии отдельных национальных государств и целых регионов современного мира вследствие исторически сложившегося доступа к мировым стратегическим ресурсам.

4. Очевидная, мощная и со временем прогрессирующая диалектика конкуренции/сотрудничества между национальными государствами, регионами, международными организациями, транснациональными структурами, всевозможными политическими и экономическими объединениями, воспринимаемая на современном этапе как неизбежная данность прогрессирующего развития глобализации.

5. Необходимость совершенствования механизма интеграционной стратегии для более рационального использования свойственных ему преимуществ в условиях глобализация мировой экономики, существенно и нередко противоречиво влияющей на развитие интеграционных процессов на уровне регионов мира (2).

Современная социально-политическая жизнь характеризуется поразительным «сочетанием несочетаемого» — стабильности и стохастичности, когда казавшиеся вечными и незыблемыми государственные образования рушатся под воздействием, на первый взгляд, незначительных причин, когда государства объединяются в самых неожиданных конфигурациях и геоформатах, образуя причудливые конструкции политической архитектуры, в том числе транснациональные институты.

Понимание интеграции как проявления глобализации дает основание полагать, что глубинной движущей силой региональной интеграции является стремление стран-участниц попасть в эффективную страту (или совместно сформировать конкурентоспособную страту), нежели та, к которой они объективно принадлежали бы без интеграции. Недаром объединительные процессы в Европе начинаются тогда, когда ослабевают и распадаются Британская и другие колониальные империи, задававшие направление стратификации в предыдущую историческую эпоху.

Послевоенное возвышение США и Советского Союза, формирование новой иерархии международных отношений означало утрату Западной Европой ее прежней роли мирового лидера, со всеми вытекающими отсюда преимуществами и последствиями. Поэтому перед западноевропейской элитой стояла задача обеспечить этому региону возможно более высокую в тех политических условиях позицию в мировой иерархии и исключить вероятность его дрейфа в сторону периферии. Интеграция в этом смысле — весьма эффективное средство: она стимулирует внутреннее развитие региона, а также позволяет максимально использовать преимущества глобализации, одновременно ограничивая ее негативное воздействие.

Таким образом, создаваемая региональной интеграцией целостность — это целостность группы акторов, действующих воедино в процессе глобализации. Отсюда правомерна следующая формулировка: региональная (трансрегиональная) интеграция представляет собой модель сознательного и активного участия группы стран в процессах стратификации мира, обусловленных глобализацией [4. С. 136—145].

Соответственно, понятие «трансрегиональный институт» актуально и востребовано в процессе проведения многоуровневых комплексных научных исследований в области генезиса и эволюции институтов системы международных отношений. Концептуализация понятия «трансрегиональный институт» осуществляется исходя из того, что детальные знания о различных сторонах, свойствах явления или процесса не дают целостного представления о нем и его связях и отношениях с другими явлениями и процессами (3).

Участие в интеграционных процессах, особенно в сложных формах, для отдельных стран имеет стратегическое значение. Поэтому возникает необходимость разработки интеграционной стратегии, под которой необходимо понимать перспективный общий план, определяющий особенности включения страны в интеграционную группировку, в том числе формат и границы участия в тех или иных объединительных процессах.

Необходимо указать на то, что международная интеграция является не только объективным и закономерным процессом, но и по своему существу несет позитивный смысл. Во-первых, она позволяет совместно разрешать многие глобально-региональные кризисы через сотрудничество и интегративные связи государств, в том числе экологические, военные, социальные и прочие. Во-вторых, благодаря международной интеграции на территории всей планеты становится более доступным широкий круг различных товаров, возрастает конкуренция, развивается инвестиционная политика, повышается уровень государственной ответственности за качество оказываемых услуг и продаваемых товаров. Однако государства, зачастую не желая учитывать современные мировые тенденции, не всегда следуют по пути интеграции. Кроме того, не смоделирована возможная система способов формирования интегративных коммуникаций применительно ко всем государствам мира.

Так, при углублении экономической интеграции между странами необходимо учитывать, что развивающимся странам будет выгодно уменьшение протекционизма в богатых странах и снижение собственных тарифных и нетарифных барьеров. Также следует учитывать, что развивающиеся государства требуют больше времени для приспособления к условиям рыночной экономики, открытой свободной торговле. Результатом осуществления указанных трансформаций внешнеэкономической деятельности стран будет не только получение конкретных национальных выгод, но также и формирование нового экономического формата международного сообщества, в котором некорректное пересечение интересов экономики и национально-государственных политических интересов должно быть сведено к минимуму [21].

В своих теоретических построениях мы исходим из необходимости обоснования того факта, что исследуемый нами объект — организация государств БРИКС — является политическим трансрегиональным институтом. Соответственно, видится необходимым рассмотреть имеющиеся уже в политологическом дискурсе дефиниции политического института.

Следует указать, что насущной проблемой современной российской политологии является недостаточная разработанность ее понятийного аппарата. Упот-

ребля различные категории, исследователи нередко затрудняются дать им четкую дефиницию. К числу таких, на первый взгляд ясных, относится и понятие «институционализация». Политологи часто пишут об институционализации политических партий, власти, местного самоуправления, лидерства и даже об институционализации самой политической науки, но при ближайшем рассмотрении выясняется, что в это понятие вкладывается совершенно разный смысл.

Наиболее представленным в современной науке является нормативный подход к определению социального института. Сторонники такого подхода, например американские ученые Т. Парсонс, Д. Норт, в своих теоретических рассуждениях исходят из понимания института как либо «модели норм», либо как «правила игры» [20. С. 177], либо как «ограничительные рамки», т.е. раскрывают данное понятие как установленные либо согласованные нормы отношений или «взаимоотношения между людьми» [11. С. 17—18].

Соглашаясь в целом с предложенным Нортом определением, добавим, что с полным правом можно трактовать институт как правила, организующие и регулирующие отношения не только между людьми, но и шире — между большими социальными группами, объединенными на экономической, политической, культурной или какой-либо иной основе.

Французские политологи, такие как М. Прело, Ж. Бюрдо, М. Дюверже, вслед за Э. Дюркгеймом выделяют два основных компонента, входящих в содержание политического института: во-первых, идеальную модель самой системы отношений и, во-вторых, это собственно организационные структуры, воспроизводящиеся в коллективной политической практике в соответствии со стереотипами и матрицами модельной структуры. М. Дюверже дает в связи с этим свое, практически классическое определение политических институтов, выступающих в качестве «модели человеческих отношений, с которых копируются конкретные отношения, приобретая, таким образом, характер стабильных, устойчивых и сплоченных» [18. С.103].

Второй подход определяют как организационный. Его сторонники, в отличие от Т. Парсонса, Д. Норта и М. Дюверже как представителей нормативного подхода, к определению понятия «институт» подходят несколько иначе, характеризуя его через коллективное действующее лицо, представляющее социальные или политические институты. Э. Гидденс, Р. Даль определяют институты как длительные во времени и пространстве структуры, отражающие наиболее стабильные черты социальной жизни [5] и передающиеся «как бы по наследству» [7. С. 83].

Как отмечает в своей статье «Политический институт и политическая институционализация: определение понятий» А. Абрамов, рассматривать институт как организацию или группу людей с их социальными статусами, ролями и нормами, действующую в рамках договоренностей и регламентов, было принято и в российской социологии [1], что можно встретить в работах современных российских политологов, например, таких как В. Чернякин [17].

На наш взгляд, можно отдельно выделить и понятие С. Хантингтона, который определял институты как «устойчивые, значимые и воспроизводящиеся формы поведения» [16. С. 32]. Такой подход, отличный от первых двух, к анализу инсти-

тутов называют акционными (интеракционными). Его сторонниками являются западные социологи П. Бергер, Т. Лукман, П. ДиМаджио, В. Пауэлл, Б. Ротстайн [2], рассматривающие институты как конфигурацию «постоянно повторяющихся циклов» или практик. Впрочем, как замечает А. Абрамов, сторонники интеракционного подхода есть и среди российских исследователей [1]. Он приводит таких авторов, как Г. Пушкарева, которая определяет институт как «устойчивый вид социального взаимодействия», регулирующий отношения в определенной части общества [12]. С ней соглашается в своем определении института как «устойчивой формы социальной практики, обеспечивающей воспроизводство социальных связей и отношений в разных типах общества» С. Кирдина [10].

Следует заметить, что политологи нередко относят к политическим институтам только официальные государственные учреждения или те учреждения, на которые, как писал еще Т. Гоббс в «Левиафане», распространяются полномочия государственной власти, то есть легальные, разрешенные государством организации и структуры [6]. Соответственно, институт (или институция) в политике как бы фиксирует некий сложившийся во властных отношениях и процессе политического общения реальный «статус-идем» между индивидами, социальными группами и обществом в целом. При этом сторонники теории «рационального выбора» концентрируют свое внимание на субстанциональном микроизмерении политики, анализируя механизмы индивидуального и группового поведения, в основном причины рациональных действий и выбора альтернативных решений в силовом поле властных отношений, тогда как представители «неоинституционализма» ориентированы прежде всего на институциональные макроструктуры, пытаясь через изучение эволюции политических институтов, их регулирующих правил и норм, вскрыть глубинные механизмы политической динамики [15. С. 54].

Отметим также, что политический институт существует только в интеракциях людей, репродуцирующей соответствующий конкретным социально-политическим условиям тип отношений; политические институты структурируют поле политических властных отношений, делают взаимодействия между индивидами достаточно определенными, устойчивыми, воспроизводимыми. В этом плане представляется достаточно интересной трактовка политического института, данная А. Абрамовым, как «исторически сформированная, нормативно зафиксированная, организационно оформленная и регулярно воспроизводимая модель отношений, связанных с завоеванием, удержанием, а также использованием политической власти, осуществлением общественного управления, с учетом участия граждан в этих процессах» [1].

На наш взгляд, представленные трактовки наиболее полно отражают базисную основу политического института, которую можно применить, в попытках определения концепта «трансрегиональный политический институт». Исходя из вышеизложенных условий формирования современных политических институтов и опираясь на базисные определения, можно предположить, что БРИКС представляет собой концептуально новый геополитический формат международного института, как трансрегиональный институт, возникший в виде реакции на глобализацию и способствующий ее развитию. Это не только механизм сотрудничества развитых государств, но и средство трансрегионального, межконтинен-

тального политического взаимодействия, функционирующего в масштабе трех континентов — Евразии, Латинской Америки и Африки; это перспективный, адекватный, конвергентный ответ на реальные вызовы и угрозы (но далеко не все), которые следует рассматривать как имплицитные атрибуты глобальной системы международных отношений. БРИКС — это специфический международный экономико-политический механизм, осуществляющий свою деятельность в процессе переговоров неформального типа, при отсутствии институционализации внутри себя, но с перспективой ее создания.

Рассмотрение теоретико-прикладных аспектов феномена «трансрегиональный политический институт» в направлении практического применения результатов исследования приводит к выводу о реальной потребности в разработке новых теорий указанного феномена международных отношений как основы и прообраза перспективных отечественных политологических исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Трансформация системы международных отношений от биполярной к мультиполярной продолжается (впрочем, С. Хантингтон настаивает на бимльтиполярной модели), но следует помнить, что в этом вопросе нет доминирующего представления. В данном дискурсе определенный смысл имеет тезис Р. Хааса относительно понимания сегодняшнего мира как бесполусного, в котором власть распределена между многочисленными, но относительно равновеликими центрами.
- (2) Международную интеграцию следует понимать как процесс поступательного объединения экономических систем и образования единого воспроизводственного пространства нескольких стран. В основе интеграции лежат создание единого регионального рынка для обеспечения взаимной торговли, а также либерализация движения капитала и людей. Интеграция стран ведет к созданию торгово-экономического объединения стран, которое помимо организации внутреннего пространства призвано обеспечить коллективную защиту интересов участников на мировой арене [13. С. 3—15].
- (3) Концептуализацией в методологии называют процедуру введения онтологических представлений в накопленный массив эмпирических данных, обеспечивающую теоретическую организацию материала и схематизацию связи понятий, отображающих возможные тенденции изменения референтного поля объектов. Это позволяет продуцировать гипотезы об их природе и характере взаимосвязей, способ организации мыслительной работы, позволяющий двигаться от первичных теоретических концептов ко все более абстрактным конструктам, развертывая всю структуру научной теории. Как движение в направлении к абстрактному концептуализация позволяет вырабатывать все более объемное знание об изучаемом объекте, вписывать его в другое, более общее знание. Она задает теоретическое понимание целостности объекта, поддерживает системные представления о нем в исследовательских процедурах, удерживает смысловое единство внутри научно-исследовательского сообщества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Абрамов А.* Политический институт и политическая институционализация: определение понятий // *Власть.* 2010. № 5.
- [2] *Ачкасов В.А., Грызлов Б.В.* Институты западной представительной демократии в сравнительной перспективе. СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2006.

- [3] БРИКС: сотрудничество в целях развития. Материалы IV Международной научной конференции, Москва, 28 мая 2014 г. / Нац. ком. по исслед. БРИКС, Российский ун-т дружбы народов; [редкол.: Г.Д. Толорая (гл. ред.) и др.]. М.: РУДН, 2014.
- [4] *Буторина О.* Понятие региональной интеграции: новые подходы // *Космополис: Альманах*. 2005. № 3.
- [5] *Гидденс Э.* Устроение общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический Проект, 2005.
- [6] *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Мысль, 2001.
- [7] *Даль Р.* О демократии. М.: Аспект Пресс, 2000.
- [8] *Иванов В.Г.* Транснациональные элиты: кто они? Концептуальное поле исследования. М.: РУДН, 2007.
- [9] *Казаринова Д.Б.* Теория коллективных действий: политические импликации // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2011. № 3.
- [10] *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. М.: ТЕИС, 2000.
- [11] *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
- [12] *Пушкарева Г.В.* Политический менеджмент. М.: ДЕЛЮ, 2002.
- [13] *Спартак А.* Современный регионализм // *Мировая экономика и международные отношения*. 2011. № 1.
- [14] *Торин А.* Академический форум БРИКС: к новой модели глобальных отношений // *Международная жизнь*. 25.05.2015. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/13192>.
- [15] *Фармер М.* Рациональный выбор: теория и практика // *Полис. Политические исследования*. 1994. № 3.
- [16] *Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
- [17] *Чернякин В.Г.* Социология и политология. М.: РПА Минюста России, 2013.
- [18] *Duverger M.* *Sociologie Politiquo*. Paris, 1968.
- [19] *Levi M.* A logic of institutional change // *The Limits of Rationality* / ed. by K.S. Cook, M. Levi. Chicago, 1990.
- [20] *Parsons T.* *Structure and Process in Modern Societies*. Glencoe, III, 1960.
- [21] *Stiglitz J.E.* *Making Globalization Work*. N.Y.: W.W. Norton & Company, 2006.

THE CONCEPT «TRANS-REGIONAL POLITICAL INSTITUTION»

D.F. Gurinovich

Russian presidential Academy of national economy
and public administration under the President of the Russian Federation
Vernadskogo pr-t., 84, Moscow, Russia, 119571

Considered in the paper transregional Institute, they are a new political format in the development of the multidimensionality of the conditions of contemporary globalization. The BRICS is increasingly developing global opportunities for effective, intensive and equitable international cooperation not only in the interests of the participating countries, but also ensure a maximum level of stability, security and progress of the world system, its progressive and steady development.

The study of various aspects of TRANS-regional development of modern political institution, represented by the BRICS, is caused by the fact that the mechanism of its development depends not only on economic interests but also on political stability and regional cooperation of its member countries.

Key words: political institute, transregional cooperation, the BRICS, regional development, positive engagement, new geopolitical format, economic interests

REFERENCES

- [1] Abramov A. Politicheskij institut i politicheskaja institucionalizacija: opredelenie ponjatij. *Vlast'*. 2010. № 5.
- [2] Achkasov V.A., Gryzlov B.V. Instituty zapadnoj predstavitel'noj demokratii v sravnitel'noj perspektive. SPb.: IVJeSJeP, Znanie 2006.
- [3] BRIKS: sotrudnichestvo v celjah razvitiya. Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Moskva, 28 maja 2014 g. Nac. kom. po issled. BRIKS, Rossijskij un-t družby narodov; [redkol.: G.D. Toloraja (gl. red.) i dr.]. M.: Rossijskij un-t družby narodov, 2014.
- [4] Butorina O. Ponjatie regional'noj integracii: novye podhody. *Kosmopolis: Al'manah*. 2005. № 3.
- [5] Giddens Je. Ustroenie obshhestva: Oчерk teorii strukturacii. M.: Akademicheskij Proekt, 2005.
- [6] Gobbs T. Levafan, ili Materija, forma i vlast' gosudarstva cerkovnogo i grazhdanskogo. M.: Mysl', 2001.
- [7] Dal' R. O demokratii. M.: Aspekt Press, 2000.
- [8] Ivanov V.G. Transnacional'nye jelity: kto oni? Konceptual'noe pole issledovanija. M., RUDN, 2007.
- [9] Kazarinova D.B. Teorija kolektivnyh dejstvij: politicheskie implikacii. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija Politologija*. 2011. № 3.
- [10] Kirdina S.G. Institucional'nye matricy i razvitie Rossii. Moskva: TEIS, 2000.
- [11] Nort D. Instituty, institucional'nye izmenenija i funkcionirovanie jekonomiki. M.: Fond jekonomicheskoi knigi «Nachala», 1997
- [12] Pushkareva G.V. Politicheskij menedzhment. M.: DELO, 2002.
- [13] Spartak A. Sovremennij regionalizm. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. 2011. № 1.
- [14] Torin A. Akademicheskij forum BRIKS: k novej modeli global'nyh otnoshenij. *Mezhdunarodnaja zhizn'*. 25.05.2015. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/13192>.
- [15] Farmer M. Racional'nyj vybor: teorija i praktika. *Polis. Politicheskie issledovanija*. 1994. № 3.
- [16] Hantington S. Politicheskij porjadok v menjajushhihsja obshhestvah. M.: Progress-Tradicija, 2004.
- [17] Chernjakin V.G. Sociologija i politologija. M.: RPA Minjusta Rossii, 2013.
- [18] Duverger M. Sociologie Politiquo. Paris, 1968.
- [19] Levi M. A logic of institutional change. *The Limits of Rationality*. Ed. by K.S. Cook, M. Levi. Chicago, 1990.
- [20] Parsons T. Structure and Process in Modern Societies. Glencoe, III, 1960.
- [21] Stiglitz J.E. Making Globalization Work. N.Y.: W.W. Norton & Company, 2006.

© Гуринович Д.Ф., 2016

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА: ИСТОРИЧЕСКИЕ УРОКИ ПРОШЛОГО И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ И ВОЙНЫ ПАМЯТИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ УРОКИ ПРОШЛОГО И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Материалы «Круглого стола»
сотрудников, аспирантов и студентов
Российского университета дружбы народов

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

7 мая 2015 г. кафедра сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов провела «круглый стол» студентов, аспирантов и молодых ученых, приуроченный к 70-летию Великой Победы: «Память о войне и войны памяти: исторические уроки прошлого и политические вызовы современности».

Ключевые слова: ВОВ, Великая отечественная война, политика памяти, историческая память, нарратив, информационная война, некоммерческие организации, Сталинградская битва, мягкая сила, постсоветское пространство, СНГ, Узбекистан, 70-летие Победы в ВОВ, гражданская религия, Украина, НКО, Бессмертный полк, Георгиевская ленточка, Армения, Турция

ВЫСТУПЛЕНИЯ ДОКЛАДЧИКОВ

ЗНАЧЕНИЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ДЛЯ ИНТЕГРАЦИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД

Д.Б. Казаринова

Евразийский союз, возникнув как ответ на вызовы расширения сферы влияния ЕС и НАТО на постсоветском пространстве, как ответ на гонку интеграций, по мере воплощения нуждается в переходе от отрицательной к позитивной мотивации своего развития. Тем более что постсоветское пространство, в частности регион Центральной Азии, вероятно, в среднесрочной перспективе станет ареной для двойной «гонки интеграций», так как идея Евразийского союза вызвала определенное напряжение не только у западных стран, но и у Китая, выступившего

с конкурирующей идеей «Нового шелкового пути», амбициозного геополитического проекта «экономического пояса» интересов Поднебесной.

История всех интеграционных процессов, в первую очередь Европейского Союза как эталонного в том смысле, что это наиболее продвинутая интеграционная группировка в мире, показывает, что интеграционные процессы в экономической области индуцируют политическую интеграцию, которая в свою очередь невозможна без интеграции социальной, построения единого социального пространства. Такая социальная интеграция возможна на базе общей наднациональной идентичности, которая была бы в то же время непротиворечива с идентичностью национальной, региональной и этноконфессиональной, общих смыслов, ценностей и исторической памяти.

В то же время интеграция требует не только практического интереса, на котором был построен метод Монне, но и более или менее проартикулированной общей идеи. Прежде чем ЕС воплотился в форме интеграционной группировки, ему предшествовало многовековое развитие европейской идеи, в основу которой была положена идея «вечного мира» в Европе. То есть интеграция нуждается в сверх-идее гуманитарного характера.

Таким образом, интеграция на постсоветском пространстве нуждается в создании единого социально-гуманитарного пространства, включавшего бы пространство образования и культуры, лингвистическое пространство на основе распространения русского языка, объединенного идеей гуманитарного характера. Отчасти такое пространство продолжает свое существование на руинах советского общества. Для укрепления его может послужить вычленение тех устойчивых во времени социокультурных комплексов, которые с середины прошлого века и до настоящего времени продолжают играть свою роль.

Так же как война стала главной предпосылкой формирования Европейского Союза, она укрепила и Советский Союз. В определенном смысле произошла легитимация и даже в некоторой степени сакрализация понятия «советский народ» в результате победы. В 1990-е гг. понятие «советский народ» было дискредитировано, сегодня оно ушло из актуального дискурса. Но содержательное наполнение его как наднациональной общности людей, живущих на пространстве евразийского континента, объединенных идеей построения справедливого общества, может быть реанимировано.

В период Великой Отечественной войны были заложены еще некоторые предпосылки для той социальной среды, которые устойчиво существуют до настоящего времени. Эвакуация в Среднюю Азию стала важным фактором поддержания социальной базы евразийской интеграции в области экономики, культуры и образования, демографии.

«Важную роль в Евразийской интеграции сыграла эвакуация, позволившая спасти во время войны жизни миллионов людей, сохранившая культурное наследие, а также пополнившая советскую военную экономику рабочей силой, интеллектуальным ресурсом и производственными мощностями» [23].

Так, только в Узбекистан в 1941—1943 гг. были эвакуированы до 100 крупных промышленных предприятий и свыше 1 миллиона человек, среди которых

200 тысяч детей. Жители республики взяли на себя заботу об эвакуированных. Развернулось движение за усыновление детей-сирот. В Казахстан также прибыло более 1 миллиона эвакуированных и 142 промышленных предприятия [27].

Результатом этого процесса стало не только спасение от врага жизни мирных жителей, производств, объектов культурного наследия и учреждений культуры (что было основной целью эвакуации), но и культурное обогащение принимающих обществ. Начавшиеся еще до войны процессы урбанизации, массовые миграции населения в результате эвакуации и реэвакуации во время и после войны расширили зону межэтнических контактов и существенно повысили число браков между представителями разных этнических групп в СССР. В результате возникло большое количество смешанных семей, причем их доля с 1959 по 1989 г. выросла с 10 до 17% от общего числа семей в СССР [1].

Сегодня Россия сталкивается с противоречивыми вызовами. С одной стороны, российская общенациональная идентичность еще находится в стадии становления (Тишков). И одной из задач нашего общества является ее укрепление. ЕС же перешел к этапу размывания государства, национального суверенитета и национальной идентичности в пользу наднационального строительства, невозможного без интеграции наднациональной. В этом смысле Россия с необходимостью должна идти одновременно в двух противоположных направлениях, укрепляя российскую идентичность и закладывая основы для евразийской интеграции.

Хотя в эпоху Великой Отечественной войны проблемы этничности и конфессии ушли на периферию дискурса, важным уроком ее является этноконфессиональное единство в ходе борьбы советского народа с фашизмом.

Представители важнейших конфессий, несмотря на гибкую религиозную политику гитлеровской Германии на оккупированных территориях (в частности, афишировались и активно раскручивались нацистами акты истребления духовенства и гонения на верующих в Советском Союзе), однозначно выступили с призывами защиты Родины в первые же дни войны.

Патриарший Местоблюстител митрополит Сергей (Страгородский) 22 июня 1941 г. заявил: «Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей родины. Господь нам дарует победу».

Советские имамы с первых же дней войны также начали призывать мусульман встать на защиту своей страны. Со своим обращением к мусульманам Советского Союза обратился и муфтий ЦДУМ СССР Габдрахман Расули: «Великий Аллах говорит в Коране: „Сражайтесь с теми, кто сражается с вами, но не будьте зачинщиками, ибо Бог не любит несправедливых“. Великий пророк Мухаммед сказал: „Любовь к Родине, защита ее есть долг религии“» [12].

О потеплении в отношениях советского государства и Русской Православной церкви в годы войны написано много. Это тема отдельного исследования.

Представителям мусульманского духовенства были предоставлены страницы газет и эфир радио для проповедей и обращений к верующим, в которых они призывали их достойно выполнять свой гражданский и религиозный долг [27].

На фронте не могли обойтись без религиозной практики. «В окопах не бывает атеистов» (1).

Таким образом, очевидно, что в ходе войны основные конфессии, которых придерживались нации, составлявшие советский народ, сходным образом вели себя и отстаивали сходные ценности патриотизма, гражданского долга, поддерживая моральный дух. Сходство этих позиций среди прочего является краеугольным камнем межконфессионального диалога в современной России.

Еще одной важной параллелью между эпохой Великой Отечественной войны и современностью на пространстве России и ее ближайших соседей может стать способность к модернизационному рывку в условиях неблагоприятной внешнеполитической конъюнктуры. «Почти все наиболее успешные реформы, направленные на модернизацию России, происходили во время войны, сразу после нее или в рамках подготовки к войне. Реформы Петра I осуществлялись на фоне подготовки и ведения Северной войны, а не менее важные реформаторские шаги его отца — на фоне большой войны с Польшей. Реформы Александра II — ответ на поражение в Крымской войне — были реализованы на фоне жесткого противостояния с Великобританией. Советская индустриализация происходила в рамках подготовки ко Второй мировой войне, а послевоенные успехи в экономике, науке и образовании — на фоне ускоренного строительства ядерного щита. Реформаторские проекты Александра I активно прорабатывались на фоне наполеоновских войн в Европе» [7].

Сегодня новые регионализмы возникают как попытки сопротивления несправедливой глобализации, построения альтернативных ей проектов. Для россиян идея социальной справедливости наиболее стоит на первом месте в числе ценностей и представлений о желаемом будущем [24]. Идеей интеграции на постсоветском пространстве может стать идея построения справедливого (в актуальном для россиян и их соседей по ЕАЭС понимании) экономического и социального наднационального пространства на основе традиционных ценностей и диалога мировых религий, в первую очередь христианства и ислама, и проведения на нем модернизационного проекта с опорой на основы евразийской цивилизации. Основы для этого хранит историческая память о Великой Отечественной войне.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО НАРРАТИВА И ЕГО ПРИМЕНИМОСТЬ В ТЕКУЩЕМ МЕЖДУНАРОДНОМ КОНТЕКСТЕ

И.Е. Хлебников

Любому наблюдающему за общественно-политической жизнью в Российской Федерации на протяжении последних 5—10 лет будет очевидно, насколько важную роль память об участии и Победе СССР в Великой Отечественной войне играет в сознании общества и, в первую очередь, в государственной идеологии.

Множество значимых событий как внутри, так и вовне страны анализируются через призму восприятия времени войны (наиболее заметным примером тут служит кризис на Украине), понятия и смыслы того времени пытаются реактуализировать для описания сегодняшних реалий, праздник Дня Победы стал де-факто главным и государствообразующим в современной России [29].

Естественно, что любое историческое событие, используемое для идеологических целей, неизбежно претерпевает трансформацию, превращаясь со временем в некий мифологизированный конструкт, существующий в рамках определенного нарратива, то есть объяснительной системы, призванной «растолковать» то или иное событие, превратив его в элемент смыслового поля.

Это, безусловно, не в коей мере не подрывает ценности подвига, совершенного людьми, победившими в войне. Также не стоит считать это некоторым исключением — нарративизации подвергаются так или иначе большинство значимых исторических событий в любой историографии, причем процесс тем интенсивнее, чем важнее тот или иной нарратив для формирования государственной и национальной идеологии.

Такие концепты, как «подвиг многонационального советского народа», «избавление мира от фашистской угрозы», «Священная война», иллюстрируют отход от рассмотрения ВОВ в качестве простой последовательности событий в пользу его осмысления в категориях мифологических.

Однако любая идеология по умолчанию инструментальна, то есть ее оценка может и должна проводиться исходя из вопроса, насколько она помогает обществу (нации) решать возникающие перед ним проблемы и достигать поставленных целей [41]. Именно данный вопрос будет рассмотрен в рамках настоящей работы.

Исходя из вышесказанного, необходимо начать изучение с вопроса о том, чем являлся праздник Победы (и шире, сама Победа) в прошлом и каким образом он был трансформирован в свою текущую форму. Исторически можно выделить несколько фаз в истории празднования и увековечивания Победы в СССР и РФ [31].

Первая, короткая фаза наступает непосредственно после победы в войне, ее границами являются 1945—1947 г., когда еще не произошло формирования большинства смыслов, которые мы привыкли ассоциировать с войной. Занятый послевоенным восстановлением, СССР не имел еще ни времени, ни возможностей для формирования некоего нарратива о Победе. Происходило лишь первичное осмысление случившегося.

Коренной поворот в отношении к празднику наступил начиная с 1948 г., когда отменен выходной день 9 мая (хотя сам день остался праздничным; приказ об этом был опубликован в конце 1947 г.). Таким образом, формальная часть была во многом изъята из праздника, он стал более семейным и интимным праздником, когда вспоминают погибших на войне без особых торжеств и празднеств.

Причины данного решения Сталина не ясны до сих пор — популярной версией являются его опасения поколения победителей, только что прошедшего самую кровопролитную войну в истории (это также подтверждается его послевоенным отношением к генералитету). Видимо, Хрущев придерживался похожей точки зрения.

Следующая фаза наступила в 1965 г., когда праздник Победы был восстановлен в правах выходного дня (можно отметить, что это справедливо для РСФСР, а, например, в УССР он был восстановлен на два года раньше). Тогда был проведен масштабный парад Победы (первый после парада 1945 г.) и началось формирование нарратива о Победе, как мы его знаем сегодня.

Помимо восстановления праздника в правах выходного дня следует отметить роль кинематографа в формировании нарратива, тогда акцент был смещен с «окопной правды рядового бойца» на масштабные эпика, такие как «Блокада» (1973—1977), «Горячий снег» (1972), «Освобождение» (1968—1972). Одновременно с восстановлением празднования произошла его «официализация», выразившаяся в том числе в кампании «Никто не забыт! Ничто не забыто!» [32].

В результате праздник принял знакомую старшему поколению форму, где акцент был смещен на коллективную, а не индивидуальную память о войне. Приблизительно тогда же произошло крайне важное смысловое оформление — праздник приобрел антимилицаристский характер. Цена, заплаченная за Победу, осмыслялась как невозможно высокая, и, следовательно, было необходимо сделать все возможное для предотвращения ее повторения. Наиболее емким выражением этой позиции стал лозунг: «Лишь бы не было войны».

Появившаяся монументальность вкупе с общим «застойным» характером позднесоветского общества привела к трансформации идеи о Победе в некую фоновую часть культуры, за счет падения актуальности памяти о войне для рядового гражданина произошел «импринтинг частей нарратива» о ВОВ в культурный контекст. Также стоит отметить, что на тот момент День Победы не являлся центральным праздником, затмеваясь 1 мая и 7 ноября.

Следующим этапом стал частичный отход от празднования Победы, начавшийся в 1991 г., когда в связи с резкой сменой общественно-политического устройства произошел отход от старых символов и смыслов. В то же время традиция парадов, прекратившаяся с 1991 г., возобновилась в 1995 г., теперь уже на ежегодной основе. Несмотря на это падение общественного внимания к 9 мая падало, так, в 1998 г. только 48% граждан праздновали в этот день [32].

Последний период, продолжающийся по настоящее время, не имеет однозначно признанной границы, ее все же можно отнести к середине 00-х гг. (так, начиная с 2008 г. парад на Красной площади снова начал проводиться с участием боевой техники). Для данного периода характерно восстановление популярности праздника, а также изменение нарратива о ВОВ для использования в качестве центральной части государственной и национальной идеологии.

Каковы характерные черты нарратива о ВОВ в его настоящей форме?

Основной каркас повествования остался неизменным: Великая Отечественная как независимая часть Второй мировой войны, в котором народы СССР разгромили Третий Рейх и его союзников. Однако в осмысление произошедшего внесены некоторые нюансы.

Так, делается акцент на многонациональном характере Победы — подчеркивается важность вклада всех народов СССР (а следовательно, и РФ). В качестве примера можно привести информацию о национальном составе защитников Брестской крепости. Так, Владимир Путин на форуме «Россия на рубеже веков: надежды и реалии» в 2004 г. заявил: «Немногие знают, что примерно одна треть защитников Брестской крепости состояла из чеченцев» [3]. В исторической науке существуют различные точки зрения на данный вопрос, как подтверждающие, так

и опровергающие заявление Президента. Для целей настоящей работы важно указать общее направление интерпретации событий прошлого.

Представляется, что с точки зрения стратегов Кремля подчеркивание данных фактов служит способом консолидации различных народов РФ и преодоления межнациональной напряженности. Этот же принцип может быть, по их мнению, применен для преодоления центробежных тенденций на пространстве бывшего СССР.

Другим важным трендом, проявившимся в последние годы, стала выработка концепта «оскорбления памяти». Естественно, наказания за кощунственное отношение к тем или иным событиям характерно для множества человеческих обществ, однако именно к ВОВ этот принцип ранее не применялся. Несомненно, что и ранее общественное мнение негативно относилось к недвусмысленному оскорблению памяти войны и ее участников. Однако государство не считало нужным делать акцент на преследовании таких действий, не говоря уж о том, чтобы самому активно искать такие случаи.

Однако в последние несколько лет наметился тренд на ввод в информационное поле событий, связанных с оскорблением памяти о ВОВ. Из последних на шумевших событий можно выделить скандал с «тверком», дело о нацистской символике в фигурке и бюсте Отто Скорцени, увольнение школьной учительницы, уголовное дело о героизации нацизма против несовершеннолетнего школьника из Астрахани и т.п.

Привлечение заметного общественного внимания данным случаем и вызванную ими дискуссию в обществе можно объяснить желанием властей перенаправить внимание общественности с актуальных социо-экономических проблем на нечто, способное вызвать активные обсуждения, но которые имели бы мало последствий для реального функционирования общества [17].

Что касается международного аспекта инструменталистского использования нарратива о ВОВ, то тут ключевым аспектом проблемы является неэсклюзивность данного исторического опыта для РФ. Во Второй мировой принимала участие большая часть человечества и, так или иначе, во всех воевавших странах есть некое сложившееся отношение к этому прошлому. Если сравнить национальные мифы РФ, Польши, США и Китая о Второй мировой (или ВОВ), то мы увидим значительные различия между ними, начиная от дат, которыми ограничивается эта война.

Таким образом, на международной арене нарратив, выработанный в РФ, вынужден конкурировать с альтернативами. Насколько успешно это будет происходить? Для выяснения этого вопроса, необходимо понять, в чем состоят различия между подходами к осмыслению ВОВ в РФ и других странах.

В рамках данной работы целесообразно рассмотреть лишь часть из них, так как в случае, например, Китая и США их картины войны, хотя и отличаясь заметно от понимания войны в РФ, по сути не конкурируют с ее нарративом, существуя в рамках различных информационных полей.

Несомненно, наиболее важным при рассмотрении данного вопроса станет анализ нарративов о ВОВ, сложившихся на территории СНГ, так как именно

в его рамках она может сыграть как интернирующую, так и дезинтегрирующую роль [2].

Ключевым отличием нарратива, используемого в бывших советских республиках (исключая Прибалтику), от версии РФ является смещение акцента с «борьбы с фашизмом» на «борьбу за независимость». Хотя в реальности победа СССР в войне не привела к созданию независимых государств на его территории, именно такая интерпретация доминирует в большинстве государств СНГ.

Показательным в данном случае можно считать кейс Узбекистана. Находясь во время войны далеко от фронта и в современное время не являясь ни наиболее пророссийским, ни наиболее антироссийским государством региона, он представляет собой хорошую «лакмусовую бумажку» для определения позиции стран СНГ в целом.

Следует, во-первых, отметить, что, хотя 9 мая по-прежнему является праздничным и выходным днем в Узбекистане, но официально называется «День памяти и почестей». Таким образом, происходит эрозия памяти о ВОВ, которая де-факто становится лишь одной из многих войн, которые вспоминаются в Узбекистане [34].

Что касается непосредственной расстановки акцентов при праздновании, то тут можно обратиться к свидетельствам о праздновании 65-летия Победы в ВОВ в 2010 г. Тогда Президент страны Ислам Каримов не поехал на празднование победы в Москву, в столице Узбекистана Ташкенте центральная площадь города была закрыта к посещению уже 7-го мая. На мемориале Памяти, посвященном павшим в ВОВ, надпись гласит: «Вечно жива память наших соотечественников, отдавших свои жизни за свободу и независимость, счастье нашего народа и страны».

В целом, как видно, власти Узбекистана стараются, не отказываясь полностью от старого нарратива, что может вызвать обострения в отношениях с Москвой, изменить суть празднеств, сместив акценты с общей Победы, достигнутый всеми народами СССР, на национальное достижение именно узбеков, которые таким образом доказали свое право на независимость [34].

Данный тренд в различной степени характерен для всех бывших советских республик. Представляется, что ключевой целью здесь является обозначение своей инаковости от России с целью сохранения и упрочения своей независимости. В перспективе такая политика может привести к полному разрыву с нарративом, существующим в РФ, и вхождению в конфликт с ним (что уже произошло в Прибалтике).

Как было указано выше, проблемой является отсутствие монополии в использовании памяти о ВОВ для создания идеологических конструкций. Это в свою очередь приводит к выводу, что возможно его «взламывание» сторонней силой с целью реализации своих интересов. Пример подобной попытки можно увидеть в информационном конфликте в рамках украинского кризиса.

Украина, являясь внутренне нестабильной страной, пытается использовать различные подходы к осмыслению Второй мировой войны. Несмотря на то, что нынешнее правительство страны ставит своей долгосрочной целью интеграцию

в Европейский Союз, что неизбежно приведет к замене существующих постсоветских нарративов восточноевропейскими, оно, также пытается использовать советские мотивы, по-прежнему популярные у части населения.

Примером подобной активности можно назвать несколько видеороликов, снятых украинскими властями в преддверии празднования 70-летия Победы. В данных роликах ветераны ВОВ общаются со своими потомками, поздравляя их с Победой и принимая поздравления. Далее выясняется, что представители молодого поколения участвуют в боевых действиях на востоке Украины и, завершив разговор, сразу же возвращаются на передовую (вар.: в военный госпиталь) [33].

Ролики сняты на высоком уровне качества, актеры в них говорят на русском языке, апеллируя к символическим смыслам Победы. Идею данным пропагандистских материалов можно выразить фразой: «Победили тогда, победим и сейчас». Проблема, с точки зрения РФ, заключается в том, что в рамках существующего нарратива о ВОВ нет никакой возможности оппонировать такому подходу, так как все смысловые «триггеры» соблюдены, пусть даже и приводят в итоге к противоположному выводу.

Как видно из вышеописанного, нарратив о ВОВ, используемый в рамках идеологической системы РФ, в недостаточной степени приспособлен к конкуренции с альтернативами. Апеллируя в основном к историческому прошлому и не наполняя праздник достаточным национальным содержанием, он становится уязвим к «перехвату» альтернативными центрами силы, которые к тому же могут актуализировать существующие и внедренные идеологической машиной РФ смыслы для достижения своих целей (подчас враждебным РФ) [29].

В заключение можно привести сравнение существующих ключевых нарративов о ВОВ (Второй мировой), характерных для РФ и ее соседей: Западная Европа: «Мы победили в Войне, чтобы остановить Гитлера и Холокост»; Восточная Европа: «Мы победили в Войне, но СССР отнял у нас свободу»; экс-СССР: «Мы победили в Войне, чтобы отстоять свою независимость»; Белоруссия: «Мы победили в Войне, чтобы отстоять свою независимость, внося главный вклад в Победу»; Украина: «Мы победили в той Войне — победим и в этой»; РФ: «Мы победили в Войне, чтобы выжить и избавить мир от нацизма».

**ПРАЗДНОВАНИЕ 70-ЛЕТИЯ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ
КАК ПОВОД ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ ЗАПАДА
С ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТЬЮ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ**

В.В. Таишева

Современное противостояние Запада и России носит характер гибридной войны, при которой средствами борьбы становятся пропаганда и дезинформация, экономические и политические санкции [19].

На сегодняшний день в медийном пространстве активно ведутся информационные войны Запада и России. Основными площадками для противостояния стали пресса и телевидение, а также интернет-пространство, в частности социальные сети.

Запад проводит активную деятельность, направленную на увеличение потенциала и улучшение эффективности информационного «вооружения». Вашингтон на государственном уровне принял решение о ведении информационной войны против России. В своих официальных документах (резолюция 758) США объявили Россию виновницей ситуации на Украине и заявили, что Москва является угрозой для соседних стран, Европейского Союза и мира в целом.

Запад во главе с Соединенными Штатами разрабатывает стратегии многосторонней координации воспроизводства и распространения информации на русском языке, особенно в тех регионах, где присутствует значительная часть русскоязычного населения. США намерены сформировать на базе чешского Radio Free Europe (радио «Свобода») цифровой медиадепартамент, основной задачей которого станет планирование и претворение в жизнь стратегий антироссийской информационной войны. При этом основной упор планируется сделать на проведение антироссийской пропаганды в популярных на территории России социальных сетях, в частности в ВКонтакте и Одноклассниках, а также в русскоязычных сегментах Facebook и Twitter. Примечательно, что на создание и функционирование такого департамента американские власти намерены потратить средств больше, чем на борьбу с террористической группировкой «Исламское государство». Кроме того, в информационное противоборство с Россией США намерены привлечь киноиндустрию [25].

В Европейском Союзе также проводится активная информационная политика. Разрабатываются различные стратегии, направленные на противоборство с российской дезинформацией. В Европе формируются и осуществляют свою деятельность экспертные группы, которые призваны анализировать и обрабатывать информационный поток, поступающий из российских СМИ, которые пользуются в Европе популярностью среди многочисленного русскоговорящего населения.

Россия, в свою очередь, также проводит активную политику в информационной сфере, как внутри страны, так и за ее пределами. В российских средствах массовой информации ведется активная поддержка внешней политики России, особенно в отношении Украины, при этом подчеркивается роль США и Запада в целом в разжигании конфликта на Украине. Информационная война с Западом в современной России признана одной из главных угроз безопасности и стабильности государства, о чем упоминается в обновленной «Военной доктрине Российской Федерации», одобренной Правительством РФ в декабре 2014 г. [21].

70-летняя годовщина Победы в Великой Отечественной войне стала новым поводом для активизации антироссийских настроений в средствах массовой информации.

Праздник Победы для Запада является лишним напоминанием о роли, которую Советский Союз сыграл во Второй мировой войне, что в свою очередь оправдывает притязания России, как преемницы СССР, на статус мировой державы. «До сих пор РФ — единственное государство, способное нанести США неприемлемый для них ущерб. В таком контексте стремление вытолкнуть Россию из разряда победителей, возложив на СССР равную с Третьим Рейхом вину за развязывание Второй мировой, имеет вполне очевидные цели. Особенно в последние

годы. Ведь в ходе сирийского кризиса выявились пусть осторожные, но, тем не менее, очевидные шаги РФ к возвращению де-факто великодержавного статуса» — историк Андрей Фурсов, директор Центра русских исследований Московского гуманитарного университета [10].

Тема празднования 70-летнего юбилея Победы в Москве получила широкий резонанс в средствах массовой информации.

Говоря о подготовке к празднованию 70-летия Победы, Вацлав Радзивиневич, корреспондент польского издания *Gazeta Wyborcza* в Москве, в своей статье назвал отношение россиян к победе в Великой Отечественной войне «гражданской религией». «Культ Победы семидесятилетней давности — это слово, которое в России всегда пишут с заглавной буквой — превратился в фундамент гражданской религии, неоспоримой догмой, которую со всей силой стережет государство, закон и церковь», — пишет Радзивиневич [17].

Немецкое же издание *Die Welt*, ссылаясь на события на Украине, пишет о том, что «еще никогда за последние десятилетия празднование победы над нацистской Германией не было настолько неуместным, как в этом году» [46].

Кроме того, парад победы на Красной площади на Западе воспринимают как демонстрацию военной мощи российского государства перед остальным миром, в частности США и Европой.

Широкое распространение в иностранных СМИ получили новости относительно присутствия зарубежных лидеров на параде Победы в Москве. Так, масс-медиа подчеркивали, что в отличие от предыдущих торжеств в честь празднования Дня Победы в нынешнем году на параде на Красной площади будут отсутствовать лидеры Великобритании, Германии, Франции, США и пр. Во многом на такое решение лидеров западных стран повлияла ситуация на Украине и позиция России по этому поводу.

Подобные действия некоторые издания восприняли с критикой по отношению к западным державам. *Financial Times*, несмотря на то, что с пониманием относится к отказу западных лидеров принять участие в торжествах, объясняя это опасениями, что парад послужит возвеличиванию путинского режима, тем не менее говорили о том, что не стоит забывать о центральной и ключевой роли России в победе над Германией во Второй мировой войне, и главам государств следовало заявить, посетив Москву 9 мая, что «каковы бы ни были их разногласия с Путиным, у них нет никаких разногласий с российским народом». Издание подчеркнуло, что «на 70-летний юбилей победы миру следовало бы сплотиться, чтобы не только почтить память павших борцов с нацистской тиранией, но и осознать непростые нравственные уроки конфликта» [37].

В России такое поведение европейских государств расценили как результат давления Соединенных Штатов на страны Европы.

Говоря об Украине и памяти Великой Отечественной войны, Президент страны Петр Порошенко заявил, что единственная отечественная война для украинского народа — это «отечественная война 2014—2015 годов» [20]. На Украине 9 апреля Верховной Радой были приняты законы, в соответствии с которыми 8 мая

объявляется днем памяти и примирения, а 9 мая — днем победы над нацизмом во Второй мировой войне.

Кроме того, в нынешнем году в рамках празднования победы, теперь уже во Второй мировой войне, на Украине запущена масштабная акция в СМИ, где ветераны героин-украинцы 1945 г. стоят рядом с теми, кто борется с Россией сегодня, отождествляя тем самым единство взглядов прежнего и нынешнего поколений. «Прадеды и правнуки должны обязательно быть рядом, стоять рядом друг с другом, бок о бок во время празднования, демонстрируя единство взглядов, и, по моему мнению, совершенно очевидны параллели с кем — тогда, и с кем — сейчас борется украинский народ», — цитирует президента его пресс-служба [20].

Таким образом, очевидно, что помимо расширения НАТО, дестабилизации политической ситуации в странах СНГ, экономического давления одним из инструментов борьбы с Россией сегодня является также пересмотр итогов Второй мировой войны: тема, которая стала особенно актуальной накануне проведения торжественных мероприятий, посвященных юбилею победы. В этом контексте основным аргументом при формировании антироссийских политических сил становится мнение о том, что Советский Союз в равной степени с фашистской Германией виновен в развязывании Второй мировой войны. Подобные заявления призваны ослабить современную Россию как на внешнем, так и на внутреннем идеологическом фронте [19].

Историк А. Фурсов замечает, что «за последние полтора десятка лет на Западе развернута массированная пропаганда по извращению механизма возникновения, основных событий и результатов Второй мировой войны, которая для советского народа и особенно его русского ядра (поскольку именно русских планировали стереть из истории нацисты) стала Великой Отечественной. На СССР пытаются возложить вину в развязывании Второй мировой, тыча «пактом Риббентропа—Молотова» (адекватное название — «советско-германский договор» августа 1939 г.) и подчеркивая якобы сходство гитлеровского и сталинского режимов как «тоталитарных»» [10]. При этом отводится все большая роль и значение материальной помощи, в частности со стороны США, а факт победы СССР во Второй мировой войне все чаще ставится под сомнение.

Можно выделить несколько причин, по которым Запад в настоящее время предпринимает столь активные попытки принизить значение победы СССР во Второй мировой войне.

Одной из таких причин является тот факт, что участие и победа в Великой Отечественной войне выступает в качестве исторического и духовного наследия, объединяющего историческую память народов, проживающих на территории постсоветских государств, которые, будучи в составе Советского Союза, также внесли не малый вклад в борьбу с гитлеровской Германией. Подобное единство исторической судьбы может стать важным связующим звеном на пути интеграции постсоветского пространства. В связи с этим наблюдается всевозрастающее влияние прозападных ценностей, особенно в центрально-азиатском регионе, где, к сожалению, прослеживается тенденция ухода от наследия советской эпохи и превозносятся, в первую очередь, идеи национальной независимости.

Также России как преемнице СССР всячески пытаются навязать чувство «исторической неполноценности», обвиняя Советский Союз в развязывании Второй мировой войны. Сопоставление сталинского режима и гитлеровской Германии и признание СССР в качестве страны-виновницы начала Второй мировой войны, в свою очередь, исключают Советский Союз из числа победителей, что влечет за собой определенные последствия [10].

В современной политической международной обстановке прозападные средства массовой информации и политические деятели представляют Россию врагом мировой цивилизации. Это призвано ослабить позиции России на международной арене и дестабилизировать внутреннюю ситуацию. В этой связи современному поколению следует сохранить и защитить подлинное наследие и великий подвиг советского народа. И тот факт, что парад в Москве посетили главы более 20 государств, в том числе председатель КНР и президент Индии, а также генеральный секретарь ООН, говорит о том, что у России имеются союзники и единомышленники, которые признают и чтят неоценимый вклад Советского Союза и многонационального народа страны в победу над гитлеровской Германией. А миллионы граждан страны, принявшие участие в праздновании Дня Победы по всей России, продемонстрировали, что в современной России память Великой Отечественной войны и подвиги и отвага советских солдат по-прежнему актуальны и способны объединить людей вне зависимости от политических взглядов и культурной принадлежности.

РОЛЬ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ГРАЖДАНСКИХ ИНИЦИАТИВ В СОХРАНЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Н.Н. Ягодка

В преддверии празднования 70-летия победы в Великой Отечественной войне все большую актуальность приобретает проблема сохранения исторической памяти о войне и событиях военных лет. С каждым годом количество ветеранов и непосредственных участников боевых действий стремительно сокращается. Роль хранителей исторической памяти ложится на плечи потомков героев и участников ВОВ, тружеников тыла и всех тех граждан Советского Союза, которые сделали возможной победу над фашизмом и нацизмом, к ним же можно отнести многочисленные некоммерческие организации и гражданские инициативы как в России, так и за ее пределами.

Говоря об исторической памяти, мы, в первую очередь, имеем в виду исторические факты, события, образы исторических личностей и субъектов политической и военной деятельности, героев и граждан, оказавших влияние на ход истории. Великая Отечественная война является не только крупнейшей войной за всю историю человечества, но также важнейшим событием мирового масштаба, после которого кардинально была изменена геополитическая карта мира и созданы новые эффективные механизмы международного взаимодействия на принципах равноправия и уважения интересов участников мирового политического процесса.

По мнению большинства россиян, самым выдающимся и в то же время самым трагическим событием XX в. является именно Великая Отечественная война и победа в ней Красной армии [6].

Очень сложно найти человека на территории современной России, который не знал бы о войне. Война затронула так или иначе практически каждую семью, и истории о пережитых военных моментах передаются от старшего поколения к младшему, создавая преемственность исторической памяти.

Уроки войны до сих пор свежи в памяти, и главной задачей как российского, так и обществ всех стран, боровшихся против «коричневой чумы», является недопущение повторения тех трагических событий, который обрушились на мир в 1939—1945 гг.

К сожалению, политические и военные события на Украине в 2013—2015 гг., а также противоречивая реакция и оценка произошедших событий рядом стран Европы и США говорит о том, что предпринимаются попытки пересмотреть события военных лет, по новой интерпретировать роль военных и политических деятелей, исказить историко-политический дискурс.

Историческая память о Великой Отечественной войне является одним из немногих факторов, который объединяет все население России независимо от религии, образования и социального статуса.

Победа в ВОВ на сегодняшний день является предметом гордости всех россиян и той необходимой основой, вокруг которой должна формироваться национальная идея. Неудивительно, что целью искажения исторической памяти является подрыв национального единства и разобщение общества. Для сохранения исторической памяти и общественного согласия реализуются как государственные программы по нравственно-патриотическому воспитанию, просвещению, защите исторических данных от фальсификации и некорректных интерпретаций, так и мероприятия, направленные на увековечивание памяти героев военных лет.

Наряду с государством важнейшую роль в данной деятельности играют многочисленные некоммерческие организации (НКО) и общественные движения, которые занимаются сохранением исторической памяти и просвещением граждан.

Активные граждане, лидеры местных органов власти, представители профсоюзных и добровольческих движений, религиозные лидеры и просто неравнодушные граждане нашей страны принимают участие в мероприятиях по поддержке ветеранов и увековечиванию памяти о войне. Такая деятельность имеет важное значение, как с точки зрения государственного управления, так и развития гражданского общества в России.

В рамках многочисленных общественных движений и акций, проводимых институтами гражданского общества, повышается степень взаимодействия и уровень доверия между властью и обществом. Среди акций и мероприятий по увековечиванию памяти о Великой Отечественной войне, проведенных за последнее время НКО и гражданскими организациями, следует выделить следующие:

- Акция «Бессмертный полк»;
- Акция «Георгиевская ленточка»;

— Деятельность общественных организаций по защите памятников времен Великой Отечественной войны;

— Мероприятия НКО и общественных движений федерального и регионального масштабов.

Наиболее масштабной общественной акцией, приуроченной к празднованию 70-летия победы в ВОВ, стала акция «Бессмертный полк», организованная Региональной Патриотической Общественной Организацией (РПОО). Основной целью гражданской инициативы является увековечивание памяти солдат Великой Отечественной войны, сохранение наследия великого подвига и героизма народа, патриотическое воспитание молодого поколения. Мероприятие проходило в формате шествия граждан с портретами и фотографиями своих родственников-ветеранов, прошедших Великую Отечественную войну. Каждый гражданин, который чтит память своего родственника-ветерана, получил возможность пройти с его фотографией в колонне «Бессмертного полка» и продемонстрировать уважение к памяти о великом народном подвиге.

Шествия «Бессмертного полка» прошли во многих городах России и за ее пределами, в том числе в Казахстане, Белоруссии, Киргизии, Украине, Израиле. По подсчетам организаторов, в акции приняло участие более 12 миллионов граждан по всей России. Данная цифра весьма внушительная, и она еще раз подтверждает тот факт, что память о великой победе является фундаментальной основой сплочения и единства народа России.

Самое крупное шествие, собравшее более 500 тысяч человек, прошло в российской столице [14]. Колонну «Бессмертного полка» возглавил Президент РФ В.В. Путин, который нес в руках портрет своего отца-фронтовика. Президент отметил, что «ценность этой инициативы в том, что она родилась не в кабинетах, не в административных структурах, а в сердцах наших людей. Она показывает уважение, которое люди испытывают к старшему поколению» [4].

Проведенная акция еще раз подчеркнула большую роль рядовых солдат в победе над нацистской Германией и ее союзниками. В то же время, готовясь к шествию, граждане смогли подробнее изучить биографию ветеранов и поделиться своими историями со всей страной.

Примечательно, что государство приняло активное участие в подготовке и проведении мероприятия. Многие государственные служащие, политики, деятели культуры, искусства, спортсмены, артисты и общественные активисты также приняли участие в акции. С каждым годом гражданская инициатива «Бессмертный полк» увеличивает свои масштабы и привлекает в свои ряды все больше сторонников в России и за рубежом.

Говоря об увековечивании памяти о войне, нельзя обойти стороной уже ставшую традиционной акцию «Георгиевская ленточка». Данная акция берет свое начало в 2005 г., когда по инициативе «РИА Новости» и Региональной общественной организации социальной поддержки молодежи (РООСПМ) «Студенческая община» в честь 60-летия празднования победы в ВОВ волонтеры раздавали Георгиевские ленточки жителям городов России.

Акция стала поистине фактором, объединяющим людей разного возраста и социального статуса, имеющих общую историю и общую память.

Акция направлена, в первую очередь, на то, чтобы не дать забыть подрастающему поколению то, как наша страна прошла через суровые испытания и какой ценой достигла победы. Главные лозунги акции — «Победа деда — моя победа!», «Повяжи, если помнишь!», «Я помню! Я горжусь», «Мы — наследники Великой Победы!», «Спасибо деду за Победу!» и другие [13].

Активисты акции «Георгиевская ленточка» — представители молодежи, студенты, школьники, волонтеры. Важным условием проведения акции является то, что ленточки раздаются бесплатно. С ростом масштабов акции появилось все больше партнеров, оказывающих поддержку данной общественной инициативе. Городские власти, частные компании и предприятия, средства массовой информации оказывают посильную поддержку в организации и проведении акции как в столице, так и в городах России и мира: спонсируют изготовление ленточек, их доставку, координацию деятельности пунктов раздачи, освещение акции в СМИ и пр. К участию в акции привлекается значительное количество волонтеров. По данным оргкомитета Волонтерского корпуса-70, по всей стране в акции принимают участие свыше 80 тысяч волонтеров [30. С. 17]. В рамках акции проводятся также культурно-просветительские мероприятия: концерты, тематические встречи, памятные вечера.

За сравнительно недолгое время своего существования общественная акция «Георгиевская ленточка» стала поистине международным событием, символизирующей единство исторической памяти и глубокого уважения ко всем творцам великой Победы. У акции имеется свой кодекс, состоящий из 10 пунктов, включающий следующие важные статьи: акция не является коммерческой или политической; ленточка — это символ, а не награда; ленточка не может быть объектом купли-продажи и распространяется абсолютно бесплатно; не допускаются какие-либо надписи на ленточке (кроме названия города или государства, где произведена ленточка); не допускается использование ленточки в политических целях партиями и движениями [13].

Сохранение исторических памятников, захоронений и монументов представляется важнейшей государственной задачей. К сожалению, ресурсов одного лишь государства не всегда бывает достаточно для защиты и обеспечения охраны памятников военных лет.

На помощь государству приходят создаваемые общественные организации, главной задачей которых становится защита исторического наследия.

Одной из таких организаций является Союз защиты памяти Великой Отечественной войны «Народная сеть памяти», созданный в мае 2014 г. Декларируемые задачи организации: сохранение памятных знаков войны, расположенных как в крупных городах, так и в маленьких населенных пунктах и деревнях; привлечение внимания людей всех возрастов к проблеме защиты исторического наследия; создание единой информационной площадки для взаимодействия всех государственных органов и общественных организаций, занимающихся охраной памятников; организация «народного мониторинга» состояния памятников и могил Ве-

ликой Отечественной войны; привлечение равнодушных и инициативных граждан к совместной работе по сохранению и защите памятников [13].

По инициативе общественной организации «Народная сеть памяти» был создан интернет-портал «Обелиск» (<http://obelisk1945.ru>), деятельность которого направлена на защиту памятников ВОВ и противодействие фальсификации исторических фактов военного времени. На портале создана рубрика «Карта памяти», и каждый посетитель сайта может вносить в нее информацию о неизвестных памятниках и захоронениях, а также сообщать о фактах вандализма и существующих угрозах памятникам.

В Европе и России насчитывается более 100 тысяч памятников Великой Отечественной войны, и для их защиты и охраны требуется широкое общественное участие [15]. Именно для этой цели и создан портал «Обелиск». Не зря памятники называют «застывшей историей», ведь они рассказывают нам историю прошедших трагических событий и не дают забыть людям уроки истории. Особую актуальность эта тема приобретает в наши дни, когда количество ветеранов с каждым годом стремительно уменьшается, а попытки пересмотра истории Великой Отечественной войны и фальсификации исторических фактов учащаются. На портале также есть рубрика «Спецпроект», в которой рассказывается о крупнейших событиях Великой Отечественной войны, героях и их судьбах. Стоит отметить, что данная общественная инициатива активно вовлекает в свою работу ветеранов и граждан европейских стран, тем самым способствуя сближению российского и европейского гражданских обществ.

Вопросами сохранения исторической памяти о войне занимаются также многочисленные региональные общественные организации и инициативы: общественные палаты в субъектах РФ, советы ветеранов, профсоюзные организации, экспертные объединения, волонтерские организации и движения, благотворительные фонды, религиозные организации, многочисленные ассоциации, объединения и др. Организации из перечисленного списка имеются во всех субъектах РФ, и все они проводят важную работу по сохранению исторической памяти, поддержке ветеранов и нравственно-патриотическому воспитанию молодого поколения. Одной из таких организаций является Межрегиональная общественная организация «Клуб Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы города Москвы». Основной задачей клуба является сохранение подлинной истории героических подвигов советского и российского народов, передача героического опыта следующим поколениям, нравственно-патриотическое воспитание молодежи [26]. Старшее поколение героев проводит огромную работу в клубе. Герои ВОВ проводят встречи с общественностью, осуществляют поездки по местам боевой славы, проводят «Уроки мужества» в образовательных учреждениях, выпускают книги и мемуары. Члены Клуба активно взаимодействуют с государственными органами власти, представителями бизнеса и СМИ. «Клуб Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы города Москвы» выполняет роль связующего звена между героями прошлых лет и героями наших дней. Подрастающему поколению очень

важно хорошо знать историю своей страны, подвигов ее народа и имена героев, так как без уважительного отношения к своей истории невозможна консолидация общества и успешное государственное развитие.

Перечисленные выше примеры деятельности некоммерческих организаций, общественных акций и инициатив демонстрируют их важную роль в сохранении исторической памяти о войне. Гражданское общество обладает значительным потенциалом в деле культурно-исторического просвещения населения и консолидации населения страны вокруг общей памяти о великом подвиге народа. Стоит подчеркнуть, что в вопросах сохранения и защиты нашей общей истории интересы, как государства, так и гражданского общества полностью совпадают. В перспективе именно этот фактор может и должен стать основой интенсивного и эффективного диалога по другим вопросам между государством и гражданским обществом в России.

ЭПОХАЛЬНОСТЬ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ И ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ВЕКА НА ПОЛИТИКУ

Д.А. Дживанян

Сталинградская битва занимает особое место в новейшей всемирной истории. Исход этой битвы стал коренным поворотом войны в пользу Советского Союза в ходе Второй мировой войны и началом изгнания войск врага с территории СССР. Она не имела себе равных по длительности, напряженности и количеству участников в мировой истории. Битва продолжалась 200 дней и ночей. Начало перелома было поставлено еще в ходе битвы под Москвой, незаменимый вклад внесла битва за Сталинград, и завершающим шагом стала Курская битва.

Споры и несогласия вокруг роли Сталинградской битвы в Великой Отечественной войне были всегда и продолжаются до сих пор. Но, безусловно, большинство теоретиков, в том числе и западные, согласны с тем, что битва на Волге была коренным переломом в истории Второй мировой войны и стала достоянием как советской, так и мировой истории. Джеффри Робертс пишет, что несмотря на то, что в ходе войны ресурсы и резервы Советского Союза превосходили немецкие, в критические моменты Сталинградской битвы фронтовые силы и огневая мощь вермахта были гораздо больше Красной армии. Недооценивание силы Советского союза со стороны Германии стал определяющим фактором в поражении немцев в Сталинградской битве [39]. Победа Советского Союза в Сталинградской битве для фашистской Германии было не поражением, а катастрофой. В битве погибли около 1,5 миллионов фашистских солдат и офицеров. В результате первый раз во время Второй мировой войны в Германии был объявлен трехдневный траур [38. Р. 236.].

Огромное воздействие героической победы советских войск под Сталинградом на ход Второй мировой войны признавали также премьер-министр Великобритании У. Черчилль и Президент США Ф. Рузвельт. В одном из первых обращений к нации военного периода — речи «Нападение японцев на Перл-Харбор» от 23 февраля 1942 г. — Рузвельт лишь однажды упоминает о России и замечает, что успешное наступление русских облегчает их задачу [9].

Для СССР победа в Сталинградской битве вместе с тем, что имела огромное геополитическое, геостратегическое значение, также показала силу объединенного советского народа, их героический дух и силу воли. За Сталинград сражались представители всех народов СССР. Сталинградская битва показала высокий уровень советского военного искусства, успешного решения вопросов стратегического и оперативного искусства, эффективного взаимодействия между фронтами, которые участвовали в наступлении. Наряду с другими народами СССР свой вклад в победу под Сталинградом и в Великой Отечественной войне имел армянский народ. В 1942 г. 89-я Армянская дивизия защищала Кавказ от войск врага, а затем перешла в наступление, участвовав в освобождении Таманского полуострова. В честь этого полуострова данная дивизия получила название 89-й Армянской Таманской дивизии. В Сталинградской битве принимали участие 51-я, 15-я и 70 гвардейские дивизии. Сражаясь за Сталинград, армянские дивизии тем самым обеспечивали безопасность Советской Армении.

Для армянского народа победа в Сталинградской битве имела особое значение, поскольку армяне прекрасно понимали, что в случае если противник одержит победу над СССР, то Армянскую Советскую республику и ее население ждет огромная опасность со стороны Турции. В связи с этим армяне воевали не только за Большую, но и за Малую родину. Армяне понимали, что безнаказанность Геноцида армянского народа 1915 г. может привести к повторению истории в случае поражения СССР в войне.

Итак, победа Советской армии воспрепятствовала выступлению против СССР Турции, которая якобы проводила политику «активного нейтралитета». Она заигрывала с обеими воюющими сторонами. В свою очередь, Гитлер надеялся втянуть Турцию в войну против СССР. Планы Турции и Германии в этом плане совпадали. Турция надеялась, что Германия, овладев Кавказом, даст Турции возможность осуществить свою давнюю мечту: создать тюркоязычное государство и автономии под турецким протекторатом. Турция внимательно следила за событиями и с нетерпением ждала скорого крушения СССР.

Она также надеялась на готовность Германии поделиться с ними некоторыми населенными тюрками советскими территориями на Кавказе, в Крыму и в Средней Азии. Турция, которая формально объявляла о своем «нейтралитете», являлась реальным союзником Германии. Турция нарушала ряд своих международных обязательств с СССР и Великобританией, предоставляя свободный доступ немецким военным кораблям в Черное море. Немецкие военные корабли, подводные лодки вопреки конвенции в Монтрё свободно проходили в Черное море, совершали варварские обстрелы Севастополя, Одессы и других черноморских портов СССР [5].

Правительство Турции несколько раз намеревалось вступить в военные действия на стороне Германии. Но, увидев героические победы советских войск на Волге, под Курском и Белгородом, а также победы союзников СССР США и Англии, турецкое правительство было вынуждено отказаться от своих изначальных планов.

Участники антигитлеровской коалиции, хорошо понимающие реальные планы и цели Турции, хотели всячески добиться вступления Турции в войну на сто-

роне союзников. Вопрос вступления Турции в войну обсуждался как в ходе встречи лидеров союзников в Каире, так и в Тегеране. Турция отказывалась включиться в войну. Не случайно во время встречи в Каире поведение Турции комментировали следующим образом: «Турки носят хорошо настроенные слуховые аппараты, немедленно отключающиеся при каждом упоминании о возможности вступления Турции в войну» [36. С. 494—495].

Справедливо заметим, что осуществление планов Турции, связанных с созданием тюркоязычного государства и автономии под протекторатом Турции, представляло собой опасность не только для армян, но и для христианского мира в целом.

Сложно даже представить, как сложилась бы история, если бы Красная Армия потерпела поражение в Сталинградской битве. Неизвестно, были ли у руководства Советского Союза альтернативные планы на случай поражения. У американского командования такие планы были. Президент Рузвельт и его главный помощник Гарри Гопкинс начали обсуждать вариант поражения СССР в ходе развернувшегося стратегического наступления вермахта. Материалы этого обсуждения не сохранились, но, возможно, именно оно дало толчок проработке этого вопроса военными, которые к началу августа подготовили для Комитета начальников штабов специальное исследование под названием «Стратегическая политика Объединенных Наций и Соединенных Штатов в случае разгрома России» [16]. В данном докладе рассматривалась вероятность заключения сепаратного мира с Германией.

Тем не менее, под Сталинградом решался вопрос существования не только Советского Союза, но и всего мира. Соединенные штаты хорошо понимали масштабность катастрофически негативных последствий для самих себя. При падении Советского Союза под Сталинградом ожидался развал Британской империи, а также потеря континентальной Европы для союзников. В конечном итоге США оказались бы замкнутыми в Западном полушарии, что не входило в их планы.

Победа антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне — это, безусловно, достижение всех стран и народов, которые воевали против фашизма. Тем не менее, сегодня некоторые из участников-победителей склонны к преувеличению своей роли в этой победе. Например, сегодня благодаря эффективной политике «мягкой силы» США большинство американцев твердо уверены, что именно США победили в войне.

Прежде чем давать оценку участию и вкладу США в победе над фашизмом во Второй мировой войне, считаем необходимым вкратце рассмотреть предысторию вступления США в эту войну.

Когда всем будущим участникам стала ясна неизбежность войны с фашистской Германией, США объявили о своей нейтральной позиции, подписав знаменитые «Акты о нейтралитете» 1935 и 1937 г.

В первом акте о нейтралитете говорилось о том, что Конгресс не собирается повторить ту же ошибку, которая втянула США в Первую мировую войну [44]. До середины 1940 г. США твердо соблюдали позицию нейтралитета, а в войну

явно вступили уже после внезапного удара авианосного соединения Японии по Перл-Харбору, американской военной базе на Гавайских островах. Тем не менее, до удара по Перл-Харбору со стороны Японии США косвенно принимала участие в войне против стран «оси», продавая оружие и боевую технику Великобритании и остальным странам антигитлеровской коалиции. По закону о ленд-лизе 1941 г. США предоставляли льготные целевые кредиты на закупку всего необходимого для ведения боевых действий любой стране, оборона которой провозглашалась важной для США [42]. Участие США во Второй мировой войне закончилось атомными бомбардировками Хиросимы и Нагасаки. В истории человечества это были единственные примеры боевого применения ядерного оружия.

Без сомнений, вступление США во Вторую мировую войну облегчило положение стран антигитлеровской коалиции и повлияло на ход войны. Тем не менее, роль США никак не может расцениваться как доминирующая.

После Второй мировой войны было положено начало превращению США в сверхдержаву. Немалую роль в превращении США в доминирующую в мире державу сыграла политика «мягкой силы» страны. Сразу после окончания войны США стали широко использовать инструменты «мягкой силы». В результате США добились того, что уже после окончания «холодной войны» они стали единственной сверхдержавой в мире, с военной силой, не имеющей себе равных, с сильнейшей и самой динамичной экономикой в мире, и, конечно же, с широко распространенной культурой [43. Р. 15].

В современном мире тема Второй мировой войны служит основой сюжета произведений культуры, таких как книги, фильмы и даже компьютерные игры. Все они служат в качестве классического инструмента «мягкой силы». Данный инструмент сегодня превратился в прерогативу США. Конечно, можно долго говорить о примитивности голливудской фильмографии, но бесспорно то, что ее вклад огромен в распространение влияния США в мире. Ведь в современном информационном веке ведется жестокая информационная война, объектом которого является массовое сознание.

Однако Парад, посвященный 70-летию героической Победы над фашизмом, продемонстрировал силу России по-новому, а также послал важные сигналы международному сообществу. Одним из таких серьезных сигналов является тесный российско-китайский союз, что в свою очередь является знаком изменения миропорядка. Несмотря на большой вклад СССР в победу над фашизмом, в сфере «мягкой силы», к сожалению, сегодня Россия уступает. Российская «массовая культура» занимает серьезные позиции на пространстве СНГ, но по всем остальным странам у России пока незначительные успехи. Тем не менее, Россия сегодня расширяет свои методы укрепления собственной «привлекательности» в мире, несмотря на нынешнюю турбулентность в международных отношениях.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Британский афоризм «There are no atheists in foxholes».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Алексахина Н.А.* Тенденции в изменении национальной идентичности народов России. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/693/365/1217/004.ALEKSAXINA.pdf>.
- [2] *Басканский О.* 70-летие Великой Победы: Между востоком и западом // ИА Росинформбюро. 12.05.2015. URL: <http://rosinform.ru/column/baksansky/2015/05/12/70-letie-pobedy-mezhdu-vostokom-i-zapado>.
- [3] *Бицоев С.* Убиты и забыты // Новые известия. 01.07.2005. URL: <http://www.newizv.ru/society/2005-07-01/27341-ubity-i-zabyty.html>.
- [4] Владимир Путин принял участие в акции «Бессмертный полк» // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/49442>.
- [5] *Волков Ф.Д.* За кулисами второй мировой войны. М.: Мысль, 1985. URL: http://militera.lib.ru/research/volkov_fd/05.html.
- [6] Главные события двадцатого века // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 1079. 28.10.2008. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10879>.
- [7] *Кашин В.* Война как повод для модернизации // Ведомости. URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/01/23/vojna-i-modernizaciya>.
- [8] *Коларов Г.* Две Болгарии и День Победы // Фонд стратегической культуры. 13.05.2015. URL: <http://www.fondsk.ru/news/2015/05/13/dve-bolgarii-i-den-pobedy-33324.html>.
- [9] *Коноплич Т.К.* Рузвельт и Сталинградская битва // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4 «История. Регионоведение. Международные отношения». 2003. № 8.
- [10] Кто и почему хочет лишить нас нашей Победы // Комсомольская правда. URL: <http://www.kp.ru/daily/26378/3257745>.
- [11] МВД: день Победы в России праздновали 20 млн человек // BBC. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2015/05/150508_russia_victory_day.
- [12] Мусульмане в годы Великой Отечественной войны. URL: <http://islamreview.ru/community/musulmane-v-gody-velikoj-otecestvennoj-vojny>.
- [13] Официальный сайт всероссийской акции «Георгиевская ленточка». URL: <http://gl9may.ru/about/history>.
- [14] Официальный сайт гражданской инициативы РПОО «Бессмертный полк — Москва». URL: <http://parad-msk.ru/about-us>.
- [15] Официальный сайт проекта «Обелиск». URL: <http://obelisk1945.ru>.
- [16] *Печатнов В.О.* Сталинградская битва и проблема второго фронта // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 2(29).
- [17] *Плотникова А.* «Великая Победа», как «новая гражданская религия» // Голос Америки. 10.04.2015. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/content/russia-poland-parade/2714241.html>.
- [18] Покушение на Победу // Свободная пресса. URL: <http://svpressa.ru/politic/article/121149>.
- [19] *Полунин А.* 9 мая: точка размежевания // Свободная пресса. URL: <http://svpressa.ru/politic/article/121255>.
- [20] Порошенко: война 2014—2015 годов — это единственная отечественная война // Свободная пресса. URL: <http://svpressa.ru/war21/news/120523>.
- [21] Президент утвердил новую редакцию Военной доктрины // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/page/21>.
- [22] Рада Украины переименовала российский аэропорт «Симферополь» // РИА Новости. 2015. URL: <http://ria.ru/world/20150514/1064428049.html>.
- [23] *Райер А.* Значение Великой Отечественной войны в Евразийской интеграции // Доклады, прозвучавшие на конференции «Победа, добытая единством: Молодежь и сохранение исторической памяти о Великой победе». URL: <http://old.enw-fond.ru/proekty/910-doklady-prozvuchavshie-na-konferencii-pobeda-dobytaya-edinstvom-molodezh-i-sohranenie-istoricheskoy-pamyati-o-velikoy-pobede-prodolzhenie.html>.

- [24] Российское общество и вызовы времени / Под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: ИС РАН, Весь мир, 2015.
- [25] Россия переживает мощнейшую информационную атаку США. URL: <http://www.peacekeeper.ru/ru/?module=news&action=view&id=25545>.
- [26] Сайт межрегиональной общественной организации «Клуб Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы г. Москвы и Московской области». URL: <http://xn----9sbedka4ai5at2a.xn--p1ai>.
- [27] Советские мусульмане в годы Великой Отечественной войны. URL: <http://islam-today.ru/istoria/sovetskie-musulmane-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny>.
- [28] Состоялась учредительная конференция Союза защитников памяти Великой Отечественной войны «Народная сеть памяти» // Сайт комитета общественных связей города Москвы. 27.05.2014 URL: <http://kos.mos.ru/news/detail/1057229.html>.
- [29] *Становая Т.* День Победы: новые интерпретации // Центр политических технологий. 12.05.2015. URL: <http://www.politcom.ru/18806.html>.
- [30] *Сурначева Е.Д.* Ленточный конвейер // Власть. Аналитический еженедельник. 11.05.2015. № 17—18 [1122—1123].
- [31] *Токарев А.* Использование победы: от Сталина до Путина // Защищать Россию. 2015. URL: http://defendingrussia.ru/love/prazdnovanie_dnja_pobedy_rossii.
- [32] *Уколов Р.* Как с годами изменился первоначальный смысл Дня Победы // Lenta.ru. 20.04.2015. URL: <http://lenta.ru/articles/2015/04/20/denpobedy>.
- [33] Украинский ролик на День Победы // Полит.ру. 28.04.2015. URL: <http://polit.ru/article/2015/04/28/video>.
- [34] *Шарифов О.* Как 65-летие Победы отмечали в Ташкенте // ИА Фергана. 2010. URL: <http://www.fergananews.com/articles/6573>.
- [35] *Шевченко В.* Информационная война Запада с исторической памятью россиян о Великой Отечественной войне. URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2015/05/01/informacionnaya_vojna_zapada_s_istoricheskoy_pamyatyu_rossiyan_o_velikoj_otechestvennoj_vojne.
- [36] *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс. М., 1959. Т. 2.
- [37] “Financial Times” раскритиковала решение западных лидеров не ехать на празднование 9 мая в Москву // Сайт Первого канала. URL: <http://www.1tv.ru/news/world/283148>.
- [38] *Badsey S.* The Hutchinson Atlas of World War Two Battle Plans: Before and After. Helicon Publishing, 2000. URL: <https://books.google.ru/books?id=8j-xQ4IIcNlC&pg=PP5&dq=The+Hutchinson+Atlas+of+World+War+Two+Battle+Plans:+Before+and+After,++++++Helicon+Publishing+2000,+%D1%81&hl=ru&sa=X&ei=q8pTVcrcKaacygOo3ICACQ&ved=0CBwQ6AEwAA#v=onepage&q=The%20Hutchinson%20Atlas%20of%20World%20War%20Two%20Battle%20Plans%3A%20Before%20and%20After%2C%20%20%20%20%20%20%20%20%20%20%20Helicon%20Publishing%202000%2C%20%D1%81&f=false>.
- [39] *Geoffrey R.* Victory of Stalingrad: The Battle that Changed History. Routledge, 2002. URL: <https://books.google.ru/books?id=WhyBAAAQBAJ&printsec=frontcover&dq=Geoffrey+Roberts+Victory+of+Stalingrad:&hl=ru&sa=X&ei=IMtTVYOFcCou8ygPsvIGQDQ&ved=0CBwQ6AEwAA#v=onepage&q=Geoffrey%20Roberts%20Victory%20of%20Stalingrad%3A&f=false>.
- [40] Great patriotic war, again // The Economist. 02.05.2015. URL: <http://www.economist.com/news/europe/21650177-vladimir-putin-twists-memory-soviet-unions-victory-over-nazism-justify-his-struggle>.
- [41] *Inozemtsev V.* Russia Should Rethink Victory Day // The Moscow Times. 2015. URL: <http://www.themoscowtimes.com/opinion/article/russia-should-rethink-victory-day/519580.html>.
- [42] Lend Lease Act, 11 March 1941. URL: <http://www-rohan.sdsu.edu/dept/polsciwb/brianl/docs/1941LendLeaseAct.pdf>.

- [43] *Parmar I., Cox. M. Soft Power and US Foreign Policy: theoretical, historical and contemporary Perspectives.* Routledge 2010. URL: <https://books.google.ru/books?id=HqKLAqAAQBAJ&printsec=frontcover&dq=Soft+Power+and+US+Foreign+Policy:+theoretical,+historical+and+contemporary+Perspectives&hl=ru&sa=X&ei=XMtTVdqaFOWjyAOV8YDQDA&ved=0CBsQ6AEwAA#v=onepage&q=Soft%20Power%20and%20US%20Foreign%20Policy%3A%20theoretical%2C%20historical%20and%20contemporary%20Perspectives&f=false>.
- [44] The Neutrality Act of 1935. ID 4057 // Digital History. URL: http://www.digitalhistory.uh.edu/disp_textbook.cfm?smtID=3&psid=4057.
- [45] The West Should Not Boycott Russia's Victory Day // The Diplomat. URL: <http://thediplomat.com/2015/05/the-west-should-not-boycott-russias-victory-day>.
- [46] Welt: Война на Украине обесценила юбилей победы над Германией // Russia Today. 05.05.2015 URL: <http://russian.rt.com/inotv/2015-05-05/Welt-Vojna-na-Ukraine-obescenila>.
- [47] Western leaders' snub casts shadow over Russia's lavish Victory Day celebrations // The Guardian. 15.04.2015 URL: <http://www.theguardian.com/world/2015/apr/15/moscow-defiant-victory-day-parade-european-kim-jong-un-9-may-russia-ukraine>.

MEMORY OF THE WAR AND WAR ON MEMORY: HISTORICAL LESSONS OF THE PAST AND POLITICAL CHALLENGES OF THE PRESENT

The Papers of the “Round-table” Conference
of the Students and Young Scientists
of the Peoples’ Friendship University of Russia

Peoples’ Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

On 7 May of 2015 the Department of Comparative Politics of the Faculty of Humanities and Social Sciences of the Peoples’ Friendship University of Russia held a “Round-table” Conference commemorating the 70th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War under the title: “Memory of the war and war on memory: historical lessons of the past and political challenges of the present”.

Key words: Great Patriotic War, politics of memory, historical memory, narrative, information warfare, non-governmental organizations, Battle of Stalingrad, soft power, post-Soviet space, CIS, Uzbekistan, 70th Anniversary of the Great Patriotic War, civil religion, Ukraine, NGO, Immortal Regiment, St. George Ribbon, Armenia, Turkey

REFERENCES

- [1] Aleksahina N.A. Tendencii v izmenenii nacional'noj identichnosti narodov Rossii. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/693/365/1217/004.ALEKSAKHINA.pdf>.
- [2] Baskanskij O. 70-letie Velikoj Pobedy: Mezhdru vostokom i zapadom. *IA Rosinformbjuro*. 12.05.2015. URL: <http://rosinform.ru/column/baksansky/2015/05/12/70-letie-pobedy-mezhdru-vostokom-i-zapado>.

- [3] Bicoev S. Ubity i zabyty. *Novye izvestija*. 01.07.2005. URL: <http://www.newizv.ru/society/2005-07-01/27341-ubity-i-zabyty.html>.
- [4] Vladimir Putin prinjal uchastie v akcii «Bessmertnyj polk». *Oficial'nyj sajt Prezidenta RF*. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/49442>.
- [5] Volkov F.D. Za kulisami vtoroj mirovoj vojny. M.: Mysl', 1985. URL: http://militera.lib.ru/research/volkov_fd/05.html.
- [6] Glavnye sobytija dvadcatogo veka. *VCIOM. Press-vypusk № 1079*. 28.10.2008. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10879>.
- [7] Kashin V. Vojna kak povod dlja modernizacii. *Vedomosti*. URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/01/23/vojna-i-modernizaciya>.
- [8] Kolarov G. Dve Bolgarii i Den' Pobedy. *Fond strategicheskoy kul'tury*. 13.05.2015. URL: <http://www.fondsk.ru/news/2015/05/13/dve-bolgarii-i-den-pobedy-33324.html>.
- [9] Konoplich T.K. Ruzvel't i Stalingradskaja bitva. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 4 «Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija». 2003. № 8.
- [10] Kto i pochemu hochet lishit' nas nashej Pobedy. *Komsomol'skaja pravda*. URL: <http://www.kp.ru/daily/26378/3257745>.
- [11] MVD: den' Pobedy v Rossii prazdnovali 20 mln chelovek. *BBC*. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2015/05/150508_russia_victory_day.
- [12] Musul'mane v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. URL: <http://islamreview.ru/community/musulmane-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny>.
- [13] Oficial'nyj sajt vsrossijskoj akcii «Georgievskaja lentochka». URL: <http://gl9may.ru/about/history>.
- [14] Oficial'nyj sajt grazhdanskoj iniciativy RPOO «Bessmertnyj polk — Moskva». URL: <http://parad-msk.ru/about-us>.
- [15] Oficial'nyj sajt proekta «Obelisk». URL: <http://obelisk1945.ru>.
- [16] Pechatnov V.O. Stalingradskaja bitva i problema vtorogo fronta. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2013. № 2(29).
- [17] Plotnikova A. «Velikaja Pobeda», kak «novaja grazhdanskaja religija». *Golos Ameriki*. 10.04.2015. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/content/russia-poland-parade/2714241.html>.
- [18] Pokushenie na Pobedu. *Svobodnaja pressa*. URL: <http://svpressa.ru/politic/article/121149>.
- [19] Polunin A. 9 maja: tochka razmezhevanija. *Svobodnaja pressa*. URL: <http://svpressa.ru/politic/article/121255>.
- [20] Poroshenko: vojna 2014—2015 godov — jeto edinstvennaja otechestvennaja vojna. *Svobodnaja pressa*. URL: <http://svpressa.ru/war21/news/120523>.
- [21] Prezident utverdil novuju redakciju Voennoj doktriny. *Oficial'nyj sajt Prezidenta RF*. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/page/21>.
- [22] Rada Ukrainy pereimenovala rossijskij ajeroport “Simferopol”. *RIA Novosti*. 2015. URL: <http://ria.ru/world/20150514/1064428049.html>.
- [23] Rajer A. Znachenie Velikoj Otechestvennoj vojny v Evrazijskoj integracii. Doklady, prozvuchavshie na konferencii «Pobeda, dobytaja edinstvom: Molodezh' i sohranenie istoricheskoy pamjati o Velikoj pobede». URL: <http://old.enw-fond.ru/proekty/910-doklady-prozvuchavshie-na-konferencii-pobeda-dobytaya-edinstvom-molodezh-i-sohranenie-istoricheskoy-pamyati-o-velikoy-pobede-prodolzhenie.html>.
- [24] Rossijskoe obshhestvo i vyzovy vremeni / Pod red. M.K. Gorshkova, V.V. Petuhova. M.: IS RAN, Ves' mir, 2015.
- [25] Rossija perezhivaet moshhnejshuju informacionnuju ataku SShA. URL: <http://www.peacekeeper.ru/?module=news&action=view&id=25545>.
- [26] Sajt mezhregional'noj obshhestvennoj organizacii «Klub Geroev Sovetskogo Sojuza, Geroev Rossijskoj Federacii i polnyh kavalerov ordena Slavy g. Moskvy i Moskovskoj oblasti». URL: <http://xn---9sbedka4ai5at2a.xn--p1ai>.

- [27] Sovetskie musul'mane v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. URL: <http://islam-today.ru/istoria/sovetskie-musulmane-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny>.
- [28] Sostojalas' uchreditel'naja konferencija Sojuza zashhitnikov pamjati Velikoj Otechestvennoj vojny «Narodnaja set' pamjati». *Sajt komiteta obshhestvennyh svjazej goroda Moskvy*. 27.05.2014 URL: <http://kos.mos.ru/news/detail/1057229.html>.
- [29] Stanovaja T. Den' Pobedy: novye interpretacii. *Centr politicheskikh tehnologij*. 12.05.2015. URL: <http://www.politcom.ru/18806.html>.
- [30] Surnacheva E.D. Lentochnyj konvejer. *Vlast'. Analiticheskij ezhenedel'nik*. 11.05.2015. № 17—18 [1122—1123].
- [31] Tokarev A. Ispol'zovanie pobedy: ot Stalina do Putina. *Zashhishhat' Rossiju*. 2015. URL: http://defendingrussia.ru/love/prazdnovanie_dnja_pobedy_rossii.
- [32] Ukolov R. Kak s godami izmenilsja pervonachal'nyj smysl Dnja Pobedy. *Lenta.ru*. 20.04.2015. URL: <http://lenta.ru/articles/2015/04/20/denpobedy>.
- [33] Ukrainskij rolik na Den' Pobedy. *Polit.ru*. 28.04.2015. URL: <http://polit.ru/article/2015/04/28/video>.
- [34] Sharifov O. Kak 65-letie Pobedy otmechali v Tashkente. *IA Fergana*. 2010. URL: <http://www.fergananews.com/articles/6573>.
- [35] Shevchenko V. Informacionnaja vojna Zapada s istoricheskoy pamjat'ju rossijan o Velikoj Otechestvennoj vojne. URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2015/05/01/informacionnaya_vojna_zapada_s_istoricheskoy_pamyatyu_rossijan_o_velikoj_otechestvennoj_vojne.
- [36] Shervud R. Ruzvel't i Gopkins. M., 1959. T. 2.
- [37] “Financial Times” raskritikovala reshenie zapadnyh liderov ne ehat' na prazdnovanie 9 maja v Moskvu. *Sajt Pervogo kanala*. URL: <http://www.1tv.ru/news/world/283148>.
- [38] Badsey S. The Hutchinson Atlas of World War Two Battle Plans: Before and After. Helicon Publishing, 2000. URL: <https://books.google.ru/books?id=8j-xQ4lICnIC&pg=PP5&dq=The+Hutchinson+Atlas+of+World+War+Two+Battle+Plans:+Before+and+After,++++++++Helicon+Publishing+2000,+%D1%81&hl=ru&sa=X&ei=q8pTVcrcKaacygOo3ICACQ&ved=0CBwQ6AEwAA#v=onepage&q=The%20Hutchinson%20Atlas%20of%20World%20War%20Two%20Battle%20Plans%3A%20Before%20and%20After%2C%20%20%20%20%20%20%20%20Helicon%20Publishing%202000%2C%20%D1%81&f=false>.
- [39] Geoffrey R. Victory of Stalingrad: The Battle that Changed History. Routledge, 2002. URL: <https://books.google.ru/books?id=WhyBAAAQBAJ&printsec=frontcover&dq=Geoffrey+Roberts+Victory+of+Stalingrad:&hl=ru&sa=X&ei=IMtTVYOFCou8ygpSvIGQDQ&ved=0CBwQ6AEwAA#v=onepage&q=Geoffrey%20Roberts%20Victory%20of%20Stalingrad%3A&f=false>.
- [40] Great Patriotic War, Again. *The Economist*. 02.05.2015. URL: <http://www.economist.com/news/europe/21650177-vladimir-putin-twists-memory-soviet-unions-victory-over-nazism-justify-his-struggle>.
- [41] Inozemtsev V. Russia Should Rethink Victory Day. *The Moscow Times*. 2015. URL: <http://www.themoscowtimes.com/opinion/article/russia-should-rethink-victory-day/519580.html>.
- [42] Lend Lease Act, 11 March 1941. URL: <http://www-rohan.sdsu.edu/dept/polsciwb/brian/docs/1941LendLeaseAct.pdf>.
- [43] Parmar I., Cox. M. Soft Power and US Foreign Policy: theoretical, historical and contemporary Perspectives. Routledge 2010. URL: <https://books.google.ru/books?id=HqKLAgAAQBAJ&printsec=frontcover&dq=Soft+Power+and+US+Foreign+Policy:+theoretical,+historical+and+contemporary+Perspectives&hl=ru&sa=X&ei=XMtTVdqAFOWjyAOV8YDQDA&ved=0CBsQ6AEwAA#v=onepage&q=Soft%20Power%20and%20US%20Foreign%20Policy%3A%20theoretical%2C%20historical%20and%20contemporary%20Perspectives&f=false>.

- [44] The Neutrality Act of 1935. ID 4057. *Digital History*. URL: http://www.digitalhistory.uh.edu/disp_textbook.cfm?smtID=3&psid=4057.
- [45] The West Should Not Boycott Russia's Victory Day. *The Diplomat*. URL: <http://thediplomat.com/2015/05/the-west-should-not-boycott-russias-victory-day>.
- [46] Welt: Vojna na Ukraine obescenila jubilej pobedy nad Germaniej. *Russia Today*. 05.05.2015. URL: <http://russian.rt.com/inotv/2015-05-05/Welt-Vojna-na-Ukraine-obescenila>.
- [47] Western Leaders' Snub Casts Shadow over Russia's Lavish Victory Day Celebrations. *The Guardian*. 15.04.2015. URL: <http://www.theguardian.com/world/2015/apr/15/moscow-defiant-victory-day-parade-european-kim-jong-un-9-may-russia-ukraine>.

© Казаринова Д.Б., Хлебников И.Е., Таишева В.В., Дживанян Д.А., 2016

НАШИ АВТОРЫ

Анникова Виолетта Анатольевна — кандидат политических наук, доцент кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов (e-mail: fialava@mail.ru)

Воделэн Хлоэ Жозефа Жоселин — аспирантка кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (e-mail: chloe.vaudelin@hotmail.fr) (Франция)

Гуринович Дмитрий Федорович — аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (e-mail: gdf01011971@mail.ru)

Данилина Марина Викторовна — стажер кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (e-mail: marinadanilina@yandex.ru)

Дживанян Давид Ашотович — аспирант кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (e-mail: david8800@mail.ru) (Армения)

Жильцов Сергей Сергеевич — профессор кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов, доктор политических наук (e-mail: sergej-z71@yandex.ru)

Журавлев Денис Викторович — аспирант кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (e-mail: dns-90@mail.ru)

Ильина Юлия Игоревна — аспирантка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: a_khr1@mail.ru)

Казаринова Дарья Борисовна — кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (e-mail: d.kazarinova@mail.ru)

Канунников Анатолий Алексеевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра проблем социального развития Европы Института Европы РАН (e-mail: soc-eco@yandex.ru)

Минаев Алексей Вадимович — аспирант сектора истории политической философии ФГБУН «Институт философии Российской академии наук» (e-mail: minaevmail@yandex.ru)

Носкова Марина Васильевна — советник департамента Экспертного управления Президента Российской Федерации, аспирант кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: mvnoskova@gmail.com)

Почта Юрий Михайлович — профессор кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, доктор философских наук (e-mail: pochta_yum@pfur.ru)

Таишева Василия Борисовна — магистрант кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (e-mail: vasilya.taisheva@gmail.com)

Уранян Айказ Акопович — аспирант кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов (e-mail: uranyan91@mail.ru) (Армения)

Хлебников Иван Евгеньевич — аспирант кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (e-mail: anithageneis@gmail.com)

Хуссейн Маджид Касем — магистрант кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов (e-mail: majedqasem@mail.ru) (Йемен)

Цю Сяофэнь — аспирантка кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов (e-mail: 542287698@mail.ru) (КНР)

Шапкин Михаил Николаевич — аспирант кафедры политологии Востока ИСАА Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: m527@yandex.ru)

Научный журнал

ВЕСТНИК
Российского университета
дружбы народов

Серия:
ПОЛИТОЛОГИЯ

2016, № 3

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61179 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»
(ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, Россия, 117198)

Редактор *К.В. Зенкин*
Компьютерная верстка: *Е.П. Довголевская*

Адрес редакции:
Российский университет дружбы народов
ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@pfur.ru

Адрес редакционной коллегии
серии «Политология»:
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, 117198
Тел.: 936-85-28, факс 936-85-22
e-mail: politjournalrudn@pfur.ru

Подписано в печать 01.08.2016. Выход в свет 15.08.2016. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 21,86. Тираж 500 экз. Заказ № 830

Цена свободная.

Типография ИПК РУДН
ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419
тел. 952-04-41

Scientific journal

BULLETIN
of Peoples' Friendship
University of Russia

Series:
POLITICAL SCIENCE

2016, N 3

Editor *K.V. Zenkin*
Computer design *E.P. Dovgolevskaya*

Address of the editorial board:
Peoples' Friendship University of Russia
Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: ipk@pfur.ru

Address of the editorial board
Series «Political science»:
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198
Ph. 936-85-28, fax 936-85-22
e-mail: politjournalrudn@pfur.ru

Printing run 500 copies

Open price.

Address of PFUR publishing house
Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph. +7 (495) 952-04-41

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

20827

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия «Политология»

Количество
комплектов:

на 2017 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер

на журнал

20827

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия «Политология»

Стои- мость	подписки	руб. ___ коп.	Количество комплектов:
	переадресовки	руб. ___ коп.	

на 2017 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

ВЕСТНИК РУДН

(индекс издания)

Серия _____

Количество
комплектов:

на 2017 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда _____

(почтовый индекс)

_____ (адрес)

Кому _____

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер

на журнал

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия _____

Стои- мость	подписки	_____ руб. ____ коп.	Количество комплектов:	_____
	переадресовки	_____ руб. ____ коп.		

на 2017 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда _____

(почтовый индекс)

_____ (адрес)

Кому _____

(фамилия, инициалы)

ДЛЯ ЗАМЕТОК
